Ц. 30 к.

НАША ЗАРЯ

СОДЕРЖАНІЕ:

М. ПАВЛОВИЧЪ. Персидская проблема и индо-европ. путь.

Д. КОЛЬЦОВЪ. Демократія въ рабочихъ организаціяхъ.

Евг. МАЕВСКІЙ. Къ характеристикѣ соврем. студентовъ.

П. МАСЛОВЪ. Экономическія замѣтки.

Н. ЧЕРЕВАНИНЪ. Нѣсколько замѣчаній П. Маслову.

Л. МАРТОВЪ. Бѣглыя замѣтки. I. Литературщина противъ политики. II. Маленькая нелогичность.

П. АКСЕЛЬРОДЪ. Объ „антиликвидаторствѣ".

Н. ЧЕРЕВАНИНЪ. Соціально-экономическое обозрѣніе.

Обзоръ рабочаго движенія въ Россіи. М. ХЕЙСИНЪ. Кооперативное движеніе среди рабочихъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. Л. П. Англійскіе выборы.

Пауль Зингеръ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

№ 1. СПБ. 1911 Январь.

НАША ЗАРЯ.

Ежемѣсячный журналъ

№ 1.

Январь.

1911 годъ.

Оглавленіе.

	стр.
1) М. Павловичъ. Персидская проблема и индо-европ. путь .	3
2) Д. Кольцовъ. Демократія въ рабочихъ организаціяхъ . .	12
3) Евг. Маевскій. Къ характеристикѣ соврем. студенчества .	17
4) П. Масловъ. Экономическія замѣтки	26
5) Н. Череванинъ. Нѣсколько замѣчаній П. Маслову . . .	37
6) Л. Мартовъ. Бѣглыя замѣтки. I. Литературщина противъ политики. II. Маленькая нелогичность	41
7) Е. Чарскій. П. Б. Аксельродъ объ «антиликвидаторствѣ» .	56
8) Н. Череванинъ. Соціально-экокомическое обозрѣніе . . .	67
9) Обзоръ рабочаго движенія въ Россіи. М. Хейсинъ. «Кооперативное движеніе среди рабочихъ	73
10) Иностранное обозрѣніе Л. П. Англійскіе выборы	80
11) Пауль Зингеръ	88

П. Б. Аксельродъ объ „антиликвидаторствѣ“ и его историческихъ корняхъ.

Предлагаемыя вниманію читателей статьи являются изложеніемъ рефератовъ старѣйшаго представителя марксисткаго теченія въ Россіи. П. Б. Аксельрода. Рефераты эти были прочитаны нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ и посвящены весьма важнымъ и злободневнымъ вопросамъ, волнующимъ въ настоящее время марксистскіе круги.

При составленіи этихъ отчетовъ, мы пользовались записями присутствовавшихъ на рефератахъ, а также подробно составленными конспектами самаго П. Б. Аксельрода. Помимо этого, наше изложеніе было лично просмотрѣно референтомъ и проредактировано имъ. [1]).

I.

Вотъ уже два года, какъ заграничный кружокъ Ленина пустилъ въ ходъ новый лозунгъ борьбы со всѣми, проявляющими какую-либо оппозицію этому кружку и его лидерамъ. Этотъ новый лозунгъ: «долой ликвидаторовъ»!

Съ этихъ поръ обвиненіе въ «ликвидаторствѣ» становится оффиціальнымъ орудіемъ большевистскихъ элементовъ въ ихъ борьбѣ со всѣми инакомыслящими. За Ленинымъ потянулись съ недавняго времени и тѣ, кто недавно еще считали себя «меньшевиками», и которые якобы во имя «блага партіи» внезапно разорвали съ своими вчерашними единомышленниками, для того, чтобы подхватить лозунги новаго «крестового похода». Теперь они всецѣло соединились съ кружкомъ большевистскихъ лидеровъ, или, вѣрнѣе, пошли въ хвостѣ за ними, подъ ихъ испытаннымъ флагомъ—для общаго дружнаго натиска на всѣхъ инакомыслящихъ или—вѣрнѣе—на всѣхъ тѣхъ—которые недовольны ихъ образомъ дѣйствія и считаютъ его воистину ликвидаторскимъ по существу, ликвидаторскимъ безъ кавычекъ.

---

[1]) По независящимъ отъ редакціи обстоятельствамъ статья печатается съ нѣкоторыми сокращеніями. *Редакція.*

Кличка ликвидаторъ пріобрѣла такое же значеніе и такой же растяжимый смыслъ, какой въ устахъ черносотенныхъ знаменосцевъ контръ-революціи имѣетъ квалификація—«врагъ государства и общественнаго порядка». Въ головахъ заправскихъ черносотенцевъ рѣшительно всѣ общественные элементы, проявляющіе сознательное недовольство современнымъ режимомъ, представляются одной сплошной массой «враговъ отечества»—все равно подъ какимъ бы знаменемъ они не группировались, какія бы соціально-политическія цѣли они себѣ не ставили и какими бы средствами они не пользовались для ихъ преслѣдованія или для проявленія сочувствія тѣмъ, которые ихъ активно преслѣдуютъ. Для нихъ даже кадеты, даже мирнообновленцы и, по крайней мѣрѣ, лѣвые октябристы — измѣнники русскому народу», «враги отечества», «разрушители русскаго государства» (то бишь... «ликвидаторы»!), однимъ словомъ «жиды» или «подкупленные жидами», подлежащіе, если не поголовному истребленію, то, по крайней мѣрѣ, изгнанію.

Точно такимъ же образомъ, вдохновители и организаторы похода противъ «ликвидаторовъ» подъ флагомъ анти-ликвидаторства мирномъ объявили всѣхъ смѣющихъ свое суждевіе имѣть «внутренними врагами» и для вящшаго «обоснованія» направленнаго противъ нихъ обвиненія, они объединяютъ ихъ общей кличкой «ликвидаторы» съ тѣми элементами, съ которыми у нихъ столько же общаго, сколько у соц.-демократовъ съ анархистами или съ либеральной оппозиціей. Обвиненіе въ «ликвидаторствѣ», въ стремленіи «разрушить», «уничтожить партію», они бросаютъ въ лицо своимъ противникамъ также щедро и неразборчиво, какъ вожди черносотенной реакціи сыплютъ направо и налѣво обвиненія въ «противогосударственности» и «измѣнѣ русскому народу». И какъ эти послѣдніе связываютъ одной круговой порукой либеральную оппозицію съ чистореволюціонными элементами, такъ вдохновители такъ наз. «партійцевъ» взваливаютъ на всѣхъ, не желающихъ плестись за ними въ хвостѣ и поддерживать ихъ кружковыя претензіи, отвѣтственность за всѣ измѣны и прегрѣшенія лицъ, когда то принадлежавшихъ къ соц.-демократіи или тѣмъ или инымъ образомъ поддерживавшихъ ее.

Торжество контръ-революціи дало сильный толчокъ историческому процессу обуржуазиванія россійской демократической интеллигенціи. Это исторически-неизбѣжное явленіе затронуло и соц.-дем. въ томъ смыслѣ, что извѣстная, довольно значительная часть интеллигентовъ, примыкавшихъ къ ней, считавшихъ себя ея членами или по крайней мѣрѣ сочувствовавшихъ ей, повернулась къ ней съ наступленіемъ контръ-революціонной эпохи спиной, превратилась въ мирныхъ обывателей, или даже сознательныхъ буржуа по своимъ соціальнымъ стремленіямъ, идейнымъ симпатіямъ и общественнымъ связямъ. «Не помню, ставятъ ли ленинцы это явленіе въ вину меньшевикамъ» [1]). Во всякомъ случаѣ, они считаютъ «ликвидаторство» явленіемъ, совершенно однороднымъ по его характеру

[1]) Здѣсь, какъ и вездѣ далѣе, въ кавычкахъ поставлены подлинныя слова П. Б. Аксельрода. Е. Ч.

и тенденціямъ съ массовымъ бѣгствомъ интеллигенціи отъ пролетаріата.

По мнѣнію т. наз. «партійцевъ», «ликвидаторство» есть также не болѣе, какъ симптомъ и проявленіе упадка революціоннаго духа, даже прямо антиреволюціоннаго настроенія интеллигенціи вообще.

А потому «ликвидаторы»—«кровные, родные братья» тѣхъ интеллигентовъ, которые измѣнили соц.-демократич. міровоззрѣнію. А отсюда уже одинъ шагъ до объявленія всѣхъ заподозрѣнныхъ въ «ликвидаторскихъ» тенденціяхъ уже, безъ всякихъ оговорокъ, настоящими, чистокровными измѣнниками.

Но настоящими, безусловно зловредными, сознательно преступными «ликвидаторами», являются тѣ, которые, убѣдившись въ невозможности какой-бы то ни было плодотворной работы въ официальныхъ рамкахъ «комитетскихъ» и районныхъ организацій, поглощенныхъ внутренними распрями и канцелярско-схоластическими словопреніями, ушли на свой страхъ и рискъ въ «легальное» рабочее движеніе. Ушли же они туда конечно, для того, чтобы пропитать его принципами, цѣлями и стремленіями международной соц.-демократіи, и тѣмъ самымъ способствовать организаціонному и политическому возрожденію партіи на прочномъ базисѣ широкой соціально-политической самодѣятельности пролетаріата.

Марксистамъ—дѣятелямъ этого движенія—пришлось съ самаго начала съ одной стороны приспособляться къ условіямъ современнаго режима и къ интересамъ, запросамъ и условіямъ существованія легальныхъ рабочихъ организацій въ оковахъ этого режима и въ атмосферѣ общественной подавленности, — и съ другой, — подвергаться всевозможнымъ нападеніямъ со стороны официальныхъ органовъ и ретроградныхъ элементовъ соц.-дем. Все это въ совокупности въ чрезвычайной степени способствовало сильному суженію размаха дѣятельности одиночекъ-марксистовъ въ легальныхъ организаціяхъ и выступленіяхъ передовыхъ рабочихъ. Не слѣдуетъ упускать изъ виду и того, что вообще переходные моменты въ развитіи рабочаго движенія и вступленіе ихъ на новый путь обычно сопровождаются колебаніями, односторонними увлеченіями и даже процессомъ идейнаго броженія въ средѣ участниковъ этого движенія. Тѣмъ болѣе это должно было имѣть мѣсто въ Россіи, гдѣ новое движеніе зародилось при исключительно тяжелыхъ условіяхъ. И вотъ всѣ его отрицательныя стороны, всѣ его недочеты и пробѣлы, порожденные этими условіями, — наши хранители «партійности» ставятъ всецѣло въ вину тѣмъ, кто отдалъ всѣ свои силы дѣлу распространенія марксистскихъ идей и стремленій въ легальныхъ рабочихъ организаціяхъ. Взваливая на нихъ отвѣтственность за оппортунистическое настроеніе и образъ дѣйствія болѣе или менѣе отсталыхъ элементовъ, — «партійцамъ» уже не трудно смѣшать тѣ и другіе въ одну кучу—подъ общимъ названіемъ «ликвидаторовъ».

Но ликвидаторская крамола гнѣздится и въ самомъ лагерѣ «партійцевъ», или, по крайней мѣрѣ, тѣхъ, которые считаютъ себя таковыми и

отгораживаются отъ явно крамольныхъ меньшевиковъ съ не меньшимъ усердіемъ, чѣмъ октябристы отгораживаютъ себя отъ явно оппозиціонныхъ элементовъ. И «ликвидаторами», или, по крайней мѣрѣ, ихъ тайными сообщниками, готовы окрестить тѣхъ, кто отказывается присоединиться къ поднятой травлѣ и недостаточно рѣзко—по ихъ мнѣнію—борется съ ненавистнымъ теченіемъ. Такимъ образомъ, огромное большинство марксистовъ оказывается такими же злонамѣренными врагами партіи, какими съ точки зрѣнія черносотенныхъ реакціонеровъ являются «жиды» и «инородцы». Ихъ нужно всячески выживать или даже прямо изгнать изъ партійнаго отечества, а самыхъ умѣренныхъ изъ нихъ или только заподозрѣнныхъ, но не уличенныхъ въ «ликвидаторскомъ» образѣ мыслей, лишить гражданскаго равноправія въ партіи.

Психологическая и логическая подкладка такого отношенія руководящаго кружка заграничнаго къ «ликвидаторамъ» опять-таки та же самая, что и у черносотенцевъ въ ихъ борьбѣ съ своими политическими врагами. Въ глазахъ этихъ послѣднихъ Россійское государство всецѣло отождествляется съ той его организаціей, которая завѣщана намъ эпохой закрѣпощенія народныхъ массъ самовластной бюрократіей. Для нихъ понятіе о россійскомъ или русскомъ государствѣ неотдѣлимо отъ представленія о соціально-политическомъ господствѣ дворянства и неограниченной власти бюрократіи. Одно только дворянство является исторически и божьимъ промысломъ призваннымъ носителемъ началъ «государственности и общественнаго порядка», и только бюрократія, верхи которой принадлежатъ къ этому сословію, воплощаетъ въ себѣ государственную мудрость, охраняющую «интересы русскаго народа». Съ точки зрѣнія тѣхъ, которые, считаютъ режимъ реакціи лучшей гарантіей общественнаго «спокойствія» и «идеальной» системой государственнаго управленія, а интересы свои и правящихъ сферъ интересами русскаго государства, рѣшительно все равно, подъ какимъ флагомъ группируются ихъ враги.

Подобная же подтасовка, подобный же подмѣнъ понятій лежитъ въ основѣ противопоставленія «партійцами» себя остальной массѣ марксистовъ, какъ «ликвидаторамъ». «Партійцы» всецѣло отождествляютъ, «іерархію» (о существованіи которой, какъ реальной силы, можно впрочемъ говорить только въ очень условномъ смыслѣ, съ очень большими оговорками) сложившуюся въ отживающую эпоху развитія движенія, съ соціалъ-демократіей вообще. Ихъ не смущаетъ тотъ фактъ, что по меньшей мѣрѣ девять десятыхъ соціалъ-демократовъ совсѣмъ не входятъ въ организаціи, и даже, въ качествѣ «сочувствующихъ», не группируются вокругъ нихъ, что большинство не только стоитъ внѣ и независимо отъ нихъ, но часто дѣйствуетъ наперекоръ ихъ «директивамъ».

Съ точки зрѣнія кружка, «партія»—это горсть людей, считающихъ себя членами уцѣлѣвшихъ организацій, которыя въ дѣйствительности не живутъ, а лишь прозябаютъ, а чаще всего представляютъ собой фикціи или тѣнь бывшей реальности. Эти развалины стараго организаціоннаго зданія, по-

строеннаго въ эпоху умственнаго и политическаго младенчества даже передовыхъ русскихъ рабочихъ, составляютъ всю партію, въ нихъ-то и въ ихъ, немногихъ обитателяхъ сосредоточены лучшія традиціи и стремленія русскаго марксизма! Элементы, наиболѣе сохранившіе въ себѣ навыки политической мысли и традиціи эпохи опеканія и руководства нашего рабочаго движенія профессіоналами, живущіе гораздо болѣе воспоминаніями о прошломъ, чѣмъ реальными интересами, запросами и задачами марскизма въ настоящій и подготовляющійся историческій моментъ, считаютъ себя единственными носителями программныхъ и тактическихъ принциповъ, единственными вѣрными хранителями преемственности идейнаго и организаціоннаго развитія.

Съ этой точки зрѣнія, вдохновители и руководители заправскихъ «партійцевъ» являются въ такой же мѣрѣ олицетвореніемъ партійнаго разума, въ какой дворянство и бюрократія кажутся реакціонерамъ воплощеніемъ государственной мудрости и самой идеи государственности. И, подобно французскому королю Людовику XIV, заявлявшему: «государство—это я», вожди нашихъ марксистскихъ реакціонеровъ думаютъ: «партія — это мы», и тѣ, кто безпрекословно за нами идетъ. Про себя же каждый изъ нихъ полагаетъ: «партія—это я», и кто не съ нимъ и противъ него, тотъ, конечно, и «ликвидаторъ».

Такимъ образомъ, — волею хранителей и знаменосцевъ «партійности», десятки тысячъ марксистовъ лишены гражданскихъ правъ въ своемъ отечествѣ, а сотни сознательно работающихъ надъ возрожденіемъ партіи къ новой жизни, провозглашены принципіальными «ликвидаторами», которыхъ необходимо уничтожить, если не физически, то морально.

Спенсеръ говоритъ, что нѣтъ такого нелѣпаго и ложнаго мнѣнія, которое не содержало бы въ себѣ крупицы или хоть тѣни истины. Это замѣчаніе примѣнимо и къ обвиненію прогрессивныхъ элементовъ партіи въ «ликвидаторствѣ». Подъ толстымъ слоемъ лжи, клеветъ и всевозможныхъ извращеній, пускаемыхъ въ оборотъ демагогами, какъ орудіе борьбы съ этими прогрессивными элементами, скрывается и нѣкоторая доля истины.

«Меньшевики хотятъ, дѣйствительно—и возможно болѣе радикально ликвидировать,—но не партію, а лишь тѣ пережитки ея прошлаго, которые стали тормазомъ на пути ея дальнѣйшаго развитія, и грозятъ ей опасностью ликвидаціи въ подлинномъ смыслѣ этого слова. Меньшевистское теченіе стремится ликвидировать господство тѣхъ организаціонныхъ и тактическихъ пріемовъ, методовъ и навыковъ, которые оставила въ наслѣдство умирающая—чтобы не сказать, умершая уже—эпоха партійнаго развитія, и которые совершенно несовмѣстимы съ новыми усложнившимися условіями и потребностями движенія. Ликвидацію этого «наслѣдія прошлаго» меньшевики считаютъ необходимымъ условіемъ для спасенія партіи отъ той подлинной ликвидаціи, которой угрожаютъ ей «антиликвидаторы» своими усиліями сохранить его въ неприкос-

новенности и своимъ упорнымъ противодѣйствіемъ сознательнымъ попыткамъ прогрессивныхъ элементовъ поставить дѣятельность партіи на уровень современныхъ требованій и задачъ русскаго рабочаго движенія.

Своимъ громкимъ и настойчивымъ противоположеніемъ «партійцевъ» меньшевикамъ-ликвидаторамъ, руководители первыхъ, сами того не зная, подчеркиваютъ свою собственную отрицательную роль въ современномъ переходномъ фазисѣ развитія с.-дем. въ Россіи. Переходнымъ переживаемый ею въ послѣдніе годы историческій моментъ является въ томъ смыслѣ, что онъ раздѣляетъ собой двѣ эпохи въ развитіи рабоч. движенія въ Россіи, изъ которыхъ одна отошла или, по крайней мѣрѣ, отходитъ въ вѣчность, а другая—еще не наступила, но такъ сказать лишь готовится къ жизни.

Въ теченіе этого переходнаго времени соц.-демократія переживаетъ двусторонній историческій процессъ: тотъ общественный элементъ—радикальная интеллигенція — который создалъ партію и построилъ ея организаціонное зданіе, доставлялъ ей пропагандистовъ и агитаторовъ и опредѣлялъ характеръ и направленіе ея дѣятельности, въ массѣ своей лишился уже прежняго своего значенія въ ней, ибо не выполняетъ тѣхъ функцій, которымъ онъ обязанъ былъ своимъ господствомъ въ рабочемъ движеніи,—да при современномъ уровнѣ развитія передовыхъ слоевъ пролетаріата и усложнившихся соціально-политическихъ условіяхъ — и не способенъ—я не говорю объ избранныхъ его представителяхъ— выполнять этихъ функцій».

Рабочіе съ своей стороны еще не успѣли организаціонно и идейно подготовиться для вполнѣ самостоятельнаго управленія дѣлами. Подготовка эта сильно замедляется и затрудняется условіями современнаго режима. Но, быть можетъ, въ еще большей степени парализуетъ или задерживаетъ въ нихъ развитіе организаціонной иниціативы и самостоятельности традиціонная вѣра въ авторитетъ оффиціальныхъ органовъ іерархіи, которую они отождествляютъ съ партіей, и укоренившаяся въ нихъ привычка не дѣлать ни одного шага безъ «директивъ» и предписаній «сверху».

Такимъ образомъ, тѣ силы, которыя призваны прійти на смѣну старому руководящему элементу и взять въ свои руки управленіе дѣлами, находятся еще въ процессѣ назрѣванія и роста. А пока мы переживаемъ «междуцаротвіе», характеризующееся ликвидаціей или постепеннымъ умираніемъ старой отживающей эпохи движенія съ одной стороны и подготовленіемъ или выработкой элементовъ развитія новой эпохи — съ другой.

Меньшевики вполнѣ сознательно относятся къ этому двустороннему процессу. Они и представляютъ собой сознательныхъ носителей подготовленія нарождающихся элементовъ новой эпохи; «антиликвидаторы» же, наоборотъ, являются безсознательными носителями процесса разложенія партіи, ея умирающаго прошлаго. Большевики суть такимъ образомъ консервативные элементы марксизма, и поскольку они остаются при всемъ

прежнемъ строѣ мышленія и всѣхъ старыхъ навыкахъ дѣятельности,— постольку, не вѣдая того, способствуютъ процессу партійной ликвидаціи.

«Ликвидаторство» не новое явленіе. Тѣ элементы, которые получили теперь это названіе, выступали и формулировали свои тенденціи еще три года назадъ.

Такъ напримѣръ, П. Б. Аксельродъ въ своемъ докладѣ говорилъ по вопросу о подготовкѣ и созывѣ «рабочаго съѣзда» слѣдующее:

«Стыдно... отклонять свое вниманіе и вниманіе другихъ отъ сути вопроса въ такой моментъ, когда факты такъ наглядно, такъ ярко обнаружили **неспособность** партіи въ ея настоящемъ видѣ съ ея наличными силами удовлетворить громаднымъ запросамъ, предъявленнымъ къ ней **ходомъ событій** и первостепенной ролью пролетаріата въ революціи».

Ту же мысль П. Б. Аксельродъ развивалъ еще раньше въ брошюрѣ: «Народная дума и Рабочій съѣздъ».

«Теперь, въ виду предстоящаго съѣзда охранители «незыблемости основъ» партіи съ новой энергіей возобновили свою агитацію противъ рабочаго съѣзда, достойнымъ выраженіемъ которой является резолюція большевиковъ. И, съ своей точки зрѣнія, они вполнѣ правы, забивъ тревогу по поводу угрожающей старымъ «устоямъ» партійной организаціи опасности. Консервативный инстинктъ ихъ не обманываетъ. Идея рабочаго съѣзда столь же опасна старому партійному режиму, сложившемуся на почвѣ стараго государственнаго режима Россіи, какъ «идея» народнаго представительства — для этого послѣдняго. Представте себѣ, въ самомъ дѣлѣ, что агитація за рабочій съѣздъ увѣнчалась полнымъ успѣхомъ. Всевозможныя рабочія организаціи, начиная отъ профессіональныхъ и кончая кружками самообразованія, клубами, совѣтами рабочихъ уполномоченныхъ, выборщиковъ и т. д. приняли самое живое, горячее активное участіе въ его подготовкѣ и созывѣ; соціалдемократы, рабочіе и интеллигенты, позабывъ совершенно о томъ, что на свѣтѣ имѣются «большевики» и «меньшевики», неустанно работаютъ внутри и совмѣстно съ названными организаціями надъ подготовкой съѣзда, пропагандируя въ рабочихъ собраніяхъ и кружкахъ программу партіи, выясняя въ непосредственной связи съ его задачами, на почвѣ повседневныхъ явленій русской жизни и острыхъ нуждъ рабочихъ массъ, ея конечныя цѣли и ближайшія требованія...

. . . . . .

«Рабочія массы, проникнутыя сознаніемъ необходимости сплотиться въ классовую политическую организацію, выберутъ на съѣздъ делегатами, конечно, такихъ лицъ, которые проявятъ передъ ними ясное пониманіе задачъ съѣзда, какъ этапа на пути образованія такой организаціи, и способность отстаивать эти задачи. Если же большинство членовъ съѣзда будетъ состоять изъ такихъ делегатовъ, то—вѣдь онъ будетъ соціалдемократическимъ.

«И въ этомъ случаѣ можетъ произойти, дѣйствительно, нѣчто ужас-

ное—съ точки зрѣнія охранителей «старины». Съѣздъ, въ составѣ котораго, будетъ, конечно, не мало испытанныхъ членовъ партіи (который и подготовленъ же будетъ при ея энергичномъ содѣйствіи) возьметъ, да и объявитъ себя учредительнымъ собраніемъ сознательнаго русскаго пролетаріата, призваннымъ взять на себя ликвидацію стараго партійнаго строя. . . . . .

. . . . . .

Ну, развѣ это не антигосударственная, то бишь, антипартійная перспектива! Какъ же не поднимать тревоги и не усиливать идейнаго хаоса, когда на сценѣ появилась «крамола», угрожающая такой опасностью?»

Какъ видите, аргументація П. Б. Аксельрода въ пользу рабочаго съѣзда—«ликвидаторская»—примѣняя современную терминологію—не только по духу; цѣлью рабочаго съѣзда даже прямо выставляется ликвидація стараго партійнаго режима.

Какъ извѣстно всѣмъ помнящимъ свое политическое родство, Г. В. Плехановъ не только выступалъ въ то время въ защиту рабочаго съѣзда, но и аргументировалъ его необходимость соображеніями, по существу совпадающими съ аргументаціей П. Б. Аксельрода. Но разногласія эти восходятъ къ еще болѣе давнему времени. Но тогда эти разногласія, отражающія и характеризующія внутреннее противорѣчіе нашего развитія, возникли чисто-стихійно. Въ чемъ же заключалось это противорѣчіе?

Соц.-демократія и фактически (на западѣ) и по теоріи есть организація передовыхъ слоевъ самодѣятельнаго пролетаріата.

Но въ Россіи она возникла и формировалась, какъ интеллигентская организація, которая, хотя и развила сама большую дѣятельность, но не развила самодѣятельности пролетаріата. Это обуславливалось, конечно, не личной виной интеллигенціи, а низкимъ уровнемъ развитія рабочихъ массъ съ одной стороны, и тѣмъ фактомъ, что единственную сознательную силу представляла при зарожденіи русскаго марксизма только интеллигенція.

Для того, чтобы пробудить пролетаріатъ въ Россіи къ борьбѣ за свои классовые интересы, требовалось такое огромное воздѣйствіе интеллигенціи на рабочихъ, какого совершенно не зналъ Западъ. Такъ, напр., въ Германіи, пролетаріатъ еще до возникновенія соц.-демократіи, имѣлъ уже свой классово-политическій опытъ 48-го года, свою исторію, традиціи коммунистической партіи. Кромѣ того, пробужденіе къ политической жизни въ концѣ 50-хъ и въ началѣ 60-хъ годовъ либерализма, вовлекавшаго для своихъ цѣлей пролетаріатъ въ движеніе, тѣмъ самымъ по своему организовывавшаго его и политически воспитывавшаго, непосредственно подготовило для появленія на исторической аренѣ германской соц.-демократіи, какъ классовой организаціи пролетаріата. Поэтому въ Германіи соц.-демократіи потребовалось гораздо меньше силъ для воздѣйствія на рабочія массы, чѣмъ у насъ. Въ Россіи низкій уровень развитія рабочихъ политическая пассивность другихъ классовъ общества, необ-

ходимость тратить много силъ на конспирацію,—все это потребовало напряженнѣйшей работы общирныхъ кадровъ интеллигенціи.

Какъ извѣстно, народническая по традиціямъ русская интеллигенція отнеслась вначалѣ враждебно къ попыткамъ первыхъ русскихъ марксистовъ опереться въ своей дѣятельности на пролетаріатъ. Поэтому, прежде чѣмъ они получили возможность апелировать къ пролетаріату, имъ пришлось произвести цѣлую революцію въ умахъ интеллигенціи. Нужно было сначала заразить интеллигенцію марксизмомъ, вырвать ее изъ-подъ власти стараго міросозерцанія для того, чтобы лишь въ будущемъ получить возможность работы среди пролетаріата. Такимъ образомъ ближайшая задача марксистовъ заключалась въ борьбѣ съ руководящими теченіями интеллигенціи внутри, интеллигенціи за право на свое существованіе. Тяжелыя условія требовали большого и непрерывнаго притока матеріальныхъ и теоретическихъ силъ изъ интеллигенціи. Если мы теперь сравнимъ пропагандистскую дѣятельность соціальдемократіи среди рабочихъ съ одной стороны, и теоретическую ея работу среди интеллигенціи, съ другой,—то мы поразимся ихъ несоотвѣтствію между собой. Въ то время, какъ работа русскихъ марксистовъ среди пролетаріата сводилась къ распространенію самыхъ элементарныхъ понятій международной соціальдемократіи и отличалась относительно большой примитивностью,—та теоретическая работа, которая была продѣлана для воздѣйствія на интеллигенцію, была поистинѣ огромна! Въ Германіи Лассалю для образованія рабочей германской партіи понадобилась сравнительно очень малая теоретическая работа. Того несоотвѣтствія, которое мы видѣли выше въ Россіи, тамъ несуществовало. Практическіе результаты болѣе или менѣе отвѣчали количеству затраченныхъ теоретическихъ усилій. И полная противоположность въ Россіи, гдѣ, съ одной стороны, на-лицо—громадная теоретическая работа Плеханова, а вслѣдъ за нимъ и другихъ теоретиковъ марксизма, и съ другой — крайне мизерное содержаніе соціально-политической практики.

Цѣлое десятилѣтіе ушло на предварительную работу для созданія первоначальныхъ кадровъ будущей соціалдемократіи. Ясное дѣло, что всѣ элементы, проявлявшіе тяготѣніе къ новому теченію, должны были сначала пропитать себя сами марксистскими идеями. Вплоть до второй половины 90-хъ годовъ интеллигенты марксисты занимаются, главнымъ образомъ, самообразованіемъ и саморазвитіемъ и только отчасти пропагандой среди отдѣльныхъ кружковъ и единицъ рабочаго класса. Только къ этому времени рабочія массы начинаютъ приходить въ броженіе. Начинается полоса стачечнаго движенія; въ пролетаріатѣ пробуждается стремленіе къ борьбѣ съ хозяевами, и, такимъ образомъ, открывается возможность для передовыхъ элементовъ войти въ соприкосновеніе съ рабочей массой и принять участіе, путемъ, главнымъ образомъ, экономической агитаціи, въ его борьбѣ.

Другимъ благопріятнымъ моментомъ для русскихъ марксистовъ явилось постепенное пробужденіе оппозиціоннаго духа въ земской и ли-

берально-демократической средѣ. Совпаденіе этихъ двухъ явленій открывало возможность для с.-д. вступить на путь развитія организованной самодѣятельности рабочихъ массъ, опираясь, съ одной стороны, на стихійное движеніе этихъ массъ, и съ другой, — стараясь использовать культурно-просвѣтительныя начинанія зашевелившагося либерализма въ интересахъ вышеуказанной цѣли.

«Подъ организованной самостоятельностью рабочихъ массъ я понимаю не случайныя стычки болѣе или менѣе значительныхъ кучекъ рабочихъ съ полиціей на улицахъ, а планомѣрную и неустанную работу передовыхъ элементовъ пролетаріата надъ организаціей рабочихъ массъ для хронической повседневной борьбы за ихъ экономическіе, политическіе и культурные интересы».

Въ срединѣ 90-хъ гг. у насъ, разумѣется, могла итти рѣчь только о зачаточныхъ формахъ такой самодѣятельности пролетаріата, да и то лишь наиболѣе сознательныхъ его представителей. И незамѣнимыми опорными пунктами для нея могли послужить культурно-просвѣтительныя усилія, начинанія и учрежденія земскаго либерализма и интеллигенціи, пропитанныя духомъ оппозиціи режиму бюрократическаго абсолютизма. Соц.-дем. должны были бы вызвать въ передовыхъ рабочихъ интенсивное стремленіе къ организованному вмѣшательству въ культурно-просвѣтительное движеніе для использованія его въ интересахъ умственнаго и политическаго развитія своего класса. Своимъ организованнымъ участіемъ въ немъ и давленіемъ на либ.-демократическихъ представителей его они превратили бы его изъ орудія покровительства рабочимъ идеологовъ высшихъ классовъ въ базу для развитія самими передовыми рабочими — въ оковахъ абсолютизма — своей собственной соціально-политич. самостоятельности для пріобрѣтенія средствъ воздѣйствія на свой классъ.

«Такъ, напр., я полагалъ, что соц.-демократы должны были бы во главѣ передовыхъ рабочихъ производить организованное давленіе на идейно-либеральныхъ издателей въ интересахъ созданія широкой популярной литературы, которую нелегальнымъ путемъ немыслимо было бы вызвать къ жизни. Даже на Западѣ соц.-демократія — при легальныхъ условіяхъ — сравнительно поздно создала свою болѣе или менѣе значительную популярную литературу. Точно такимъ же образомъ необходимо было бы завоевать и легальный органъ печати, въ которомъ можно было бы, подобно народникамъ въ «Отечественныхъ Запискахъ», проводить свои взгляды. И, само собой разумѣется, нужно было бы направить вниманіе передовыхъ рабочихъ на то, чтобы они производили систематическое и организованное давленіе на легальную періодическую печать, съ цѣлью побудить ее считаться съ ихъ запросами и интересами. Такимъ образомъ культурно-просвѣтительное движеніе могло бы стать ареной для проявленія рабочими своей собственной соціально политической энергіи и иниціативы. Понятно, не слѣдовало смотрѣть на эту дѣятельность, какъ на «ультра-легальную» и безопасную, ибо всякое такое вмѣшательство рабочихъ-агитаторовъ, большей частью, вело бы къ ихъ преслѣдованіямъ.

Но почему почетнѣе подвергаться преслѣдованію за распространеніе какой-нибудь нелегальной брошюрки, чѣмъ за открытое заявленіе передъ пролетарской массой своихъ соціально-политическихъ требованій».

Разумѣется, на теперешній масштабъ всѣ возможныя тогда (въ 90-хъ гг.) проявленія самодѣятельности рабочихъ въ указанной сферѣ были большею частью весьма не ярки, но я вспоминаю слова Якоби: «основаніе самаго маленькаго рабочаго союза имѣетъ большее культурное значеніе, чѣмъ побѣда при Садовой», а также слова Маркса въ письмѣ къ Швейцеру: «важнѣе всего, чтобы пролетаріатъ учился ходить безъ посторонней помощи».

Тѣмъ болѣе, всякое проявленіе самодѣятельности рабочихъ имѣло бы громадное значеніе у насъ, когда массы находились въ состояніи полнаго рабства и невѣжества, при окружающей ихъ атмосферѣ всеобщей политической пассивности.

«Всѣ эти мысли я высказывалъ Плеханову уже въ началѣ 90-хъ гг., вскорѣ послѣ голода 91-го года. Мысли и планы, какъ видите проникнутыя легалистской ересью, или—примѣняя ретроспективно къ нимъ теперешнюю терминологію — «ликвидаторствомъ». Но Плехановъ соглашался со мной». . . . . .

. . . . . .

«Не сдѣлавъ ничего для развитія организованной самодѣятельности пролетаріата, сама марксистская интеллигенція успѣла за это время сплотиться въ довольно сильную организацію съ развѣтвленнымъ аппаратомъ. Въ 1903 г. я писалъ Каутскому, что не существуетъ никакого соотвѣтствія между внѣшнимъ видомъ партіи и содержаніемъ ея практической дѣятельности, и что она напоминаетъ мнѣ ребенка, на котораго напялили цилиндръ и фракъ. Бѣдный ребенокъ путается въ длинномъ и неудачномъ платьѣ, и цилиндръ лѣзетъ ему на глаза». Организаціонный аппаратъ какъ бы явился подражателемъ старшимъ зап.-европейскимъ братьямъ, но безъ того соціальнаго фундамента, на которомъ сложился и выросъ ихъ организаціонный строй. Западно европейскіе соц.-демократы прошли уже долгую школу политическаго опыта, и дѣятели, стоявшіе во главѣ ихъ центральныхъ учрежденій, являются дѣйствительно настоящими политическими вождями. Поэтому, внѣшность партійнаго организма у нихъ вполнѣ соотвѣтствуетъ внутреннему содержанію его дѣятельности. Въ Россіи партія оказалась въ видѣ значительной организаціи непролетарскихъ интеллигентскихъ элементовъ, которые сами еще не поднялись надъ уровнемъ примитивнаго политическаго развитія. Она опиралась на рабочія массы, а самыя массы были оставлены въ стихійномъ неоформленномъ состояніи, поставляя свои болѣе передовые элементы для периферіи организаціи, пользовавшейся ими для служебныхъ, подчиненныхъ ролей. Энергія рабочихъ явилась не источникомъ ихъ собственной пролетарской организаціи, а источникомъ силы строителей интеллигентскаго партійнаго зданія.

Весь этотъ результатъ обусловленъ былъ тѣмъ обстоятельствомъ,

что соц. - демократія въ Россіи зародилась и довольно долгое время развивалась въ ту эпоху, когда культурное и политическое варварство, оставленное намъ въ наслѣдіе феодально-абсолютистской Россіей, еще царило въ странѣ, т. е. раньше, чѣмъ вполнѣ созрѣли объективныя условія для созданія истинно - пролетарской партій въ европейскомъ смыслѣ. Въ силу общихъ противорѣчивыхъ условій своего развитія, она все больше и больше становилась въ дѣйствительности не тѣмъ, чѣмъ она должна была стать, чтобы явиться дѣйствительнымъ воплощеніемъ своихъ программныхъ и тактическихъ принциповъ и осуществить выпавшія на ея долю ближайшія историческія задачи. Это противорѣчіе вызвало кризисъ, который проявился въ стихійномъ расколѣ на 1-мъ Лонд. съѣздѣ. Съ тѣхъ поръ, партія — арена борьбы двухъ антагонистическихъ теченій, изъ которыхъ—какъ мы видѣли выше,—одно стремится устранить основное противорѣчіе нашего развитія, а второе закрѣпить его и сохранить въ неприкосновенности старый партійный режимъ,—или, вѣрнѣе, довести до логическаго конца его внутреннія тенденціи. Новѣйшій походъ подъ знаменемъ «антиликвидаторства»—лишь новая фаза этой старой борьбы.

Е. Чарскій.

Соціально-экономическое обозрѣніе.

Экономическіе итоги 1910 г.

Новый ушедшій отъ насъ годъ не вполнѣ оправдалъ возлагавшихся на него надеждъ, но все-таки онъ можетъ быть охарактеризованъ какъ годъ перелома. Все предшествующее ему десятилѣтіе тянулась,—при нѣкоторыхъ колебаніяхъ вверхъ и внизъ—экономическая депрессія. Въ первую половину десятилѣтія отъ депрессіи была свободна по крайней мѣрѣ текстильная промышленность. Но подъ вліяніемъ внѣшней и внутренней войны въ ней съ середины 1904 года начался сильнѣйшій кризисъ, продолжавшійся 2 года—до середины 1906 г.; затѣмъ прекращеніе войны и революція, а также лодзинскіе локауты вызвали оживленіе въ текстильной промышленности московскаго района, достигшее высшей точки ко началу 1908 года съ тѣмъ, чтобы съ середины 1908 года снова смѣниться жесточайшей депрессіей, продолжавшейся и въ 1909 году.

Въ общемъ итогѣ въ первую половину 1900 гг., въ 1900—1904 гг. перерабатывалось въ среднемъ 20,2 м. п. хлопка, а во вторую, въ 1905—1909гг.—20,26 м. п. [1]). Такимъ образомъ, вопреки утвержденіямъ

---

* См. объяснить записку мин. фин. къ проекту росписи на 1911 г. Для 1909 г. за отсутствіемъ въ объяснит. запискѣ данныхъ я получилъ цифру перераб. хлопка путемъ сложенія провоза хлопка съ урожаемъ 1908 г.

НАША ЗАРЯ.

Ежемѣсячный журналъ

№ 2.

Февраль.

1911 годъ.

Оглавленіе.

		Стр.
1)	Мартыновъ. Двѣ реформы	3
2)	Д. Данъ. 50 лѣтъ крестьянскаго законодательства	15
3)	Косовскій. Гипертрофія національнзма	26
4)	Мартыновъ. Дань толстовству	35
5)	К. Дмитріевъ. Къ характеристикѣ московскаго избирателя .	46
6)	А. Потресовъ. Критическіе наброски	56
7)	Б. Богдановъ. Итоги ремесленнаго съѣзда	62
8)	Л. Мартовъ. П. Зингеръ	75
9)	В. Левицкій. Рабочее движеніе на Западѣ	81
10)	Политическое обозрѣніе:	
	1) Евг. Маевскій. Вокругъ университетскаго вопроса .	89
	2) Г. Ракитинъ. Дополнительные выборы въ Москвѣ . .	99

детами элементы, и нѣтъ для нихъ сейчасъ никакого иного пристанища, кромѣ соц.-демократіи: болѣе симпатичное для нихъ с.-р.-ство сошло съ политической сцены а старо-народническая окраска народныхъ соціалистовъ мѣшаетъ имъ стать партіей городской демократіи.

Такимъ образомъ, создаются условія для обратной тяги влѣво демократическаго избирателя, отхлынувшаго было отсюда въ 1907 г.

Въ отлива часъ не вѣрь измѣнѣ моря:
Оно къ землѣ воротится, любя...

О любви, впрочемъ, не можетъ быть рѣчи: не по любви, а по нуждѣ сталъ бы голосовать демократическій избиратель за с.-д. кандидата, преодолѣвая отвращеніе и къ марксистской идеологіи, и къ пролетарскому облику партіи.

Съ другой стороны, вступая въ избирательную борьбу, с.-д,, какъ и всякая другая партія, не можетъ не исходить изъ возможности выборной побѣды. Пролетарскіе элементы составляя, какъ мы видѣли выше, около 25% избирателей, дать такую побѣду с.-д. не могли бы. Но присоединеніе къ нимъ обширнаго слоя служащей демократіи (больше 7 тыс.), повысивъ возможное пріобрѣтеніе соц. дем. голосовъ до 40%, могли бы при игрѣ на три угла дать соц.-дем. кандидату на основныхъ выборахъ относительное большинство; или—по меньшей мѣрѣ—поставить его на второе мѣсто. Использовать это настроеніе демократическаго избирателя, твердо охраняя въ то же время свою марксистскую позицію—такова была бы основная задача принципіально-выдержанной избирательной кампаніи.

К. Дмитріевъ.

Критическіе наброски.

О правдивости г. Изгоева, „ревизіонизмѣ“ „ликвидаторовъ“ и моей „недобросовѣстности“.

Что пойманный мною съ поличнымъ г. Изгоевъ хочетъ извернуться, это, конечно, въ порядкѣ вещей. Но также въ порядкѣ вещей, что разъ поймавши г. Изгоева, я его не выпускаю изъ рукъ, но стараюсь возможно отчетливѣе запротоколировать въ сознаніи читателя то, на чемъ пойманъ г. Изгоевъ—его ложь.

Г. Изгоевъ солгалъ. Фактъ самъ по себѣ незначительный, малоинтересный и о немъ не стоило бы, пожалуй, распространяться, еслибы не одно обстоятельство: еслибы этотъ индивидуальный недостатокъ г. Изгоева не представлялъ собою частицы системы, еслибы ложь г. Изгоева не была тѣмъ испытаннымъ и, я бы сказалъ, популярнымъ средствомъ борьбы съ соціалъ-демократіей, къ которому съ тѣмъ большей увѣренностью прибѣгаютъ спеціалисты въ этой борьбѣ, чѣмъ по обстоятельствамъ времени труднѣе для соціалъ-демократіи возстановленіе истины и разобла-

ченіе лжи, чѣмъ меньше у нея возможностей быть услышанной той частью читающей публики, которой эта ложь преподносится.

Г. Изгоевъ только усовершенствовалъ средство, только разработалъ систему. Приказный спеціалистъ-информаторъ кадетской печати по дѣламъ соціалъ демократіи, онъ только возвелъ въ превосходную степень тотъ видъ информаціи, который обычно балансируетъ на границѣ возможнаго, между субъективно пріемлемой тенденціозностью и объективно-беззаконной неправдой. И если въ данномъ случаѣ балансъ оказался нарушеннымъ и потерявшій равновѣсіе эквилибристъ очутился въ объятіяхъ самой неприкрытой, самой откровенной неправды, то это значило только, что у всякой профессіи есть свои терніи, своя опасность, свой рискъ. Но эти терніи—эти профессіональные «несчастные случаи»—имѣютъ съ точки зрѣнія изслѣдователя одно неоцѣненное свойство: они то и проливаютъ свѣтъ на темныя особенности самой профессіи.

Понятно, поэтому, что «несчастный случай» съ г. Изгоевымъ былъ мнѣ необходимъ именно въ видахъ ознакомленія читающей публики съ неляшенной общественнаго значенія спеціальностью этого писателя, и если теперь г. Изгоевъ уклоняется и хочетъ представить [1]), что только моя «трусливая недобросовѣстность» измыслила случай — этотъ faux pas г. Изгоева, то я снова берусь за перо, ибо хочу исполнить до конца непріятную обязанность, которую взялъ на себя,—вывести на свѣжую воду этого спеціалиста по дѣламъ соціалъ-демократіи.

Итакъ, я обвиняю г. Изгоева въ двойной фальсификаціи. Я утверждаю, что онъ сознательно вводитъ въ обманъ своихъ читателей и тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о «Вѣхахъ», и въ томъ случаѣ, когда онъ «демонстрируетъ» (его же выраженіе) меня передъ своей аудиторіей и вмѣстѣ со мною меньшевистское направленіе въ русской соціалъ-демократіи.

«Вѣхи» ведутъ борьбу съ соціализмомъ—говорилъ я. Избави Богъ!—возражаетъ г. Изгоевъ: «соціализмъ превратился въ соціальное движеніе организованнаго пролетаріата», а противъ этого движенія «Вѣхи» борьбы не ведутъ. «Реформистская часть соціализма воспринята многими, какъ заграничными, такъ и русскими не соціалистическими партіями, она есть общее достояніе культуры» (стр. 142). Другими словами: есть соціализмъ и соціализмъ: злой соціализмъ—но онъ умираетъ или умеръ, а съ мертвецами кому же охота сражаться,—и добрый, который пріемлемъ и для «Вѣхъ». Ну можно ли при этихъ условіяхъ говорить о «борьбѣ съ соціализмомъ»?

И, однако, фактъ на-лицо; фактъ, не подлежащій никакому перетолкованію; фактъ самый безспорный: «Вѣхи» съ соціализмомъ борются, и именно потому что онѣ борются, г. Изгоевъ за версту обходитъ цитаты изъ «Вѣхъ», приводимыя мною и объ этомъ отчетливо говорящія [2]).

---

1) См. „Русская Мысль", январь 1911 г., ст. „Трусливая недобросовѣстность.

2) См. въ моей статьѣ „По поводу одного выступленія одного юркаго человѣка" (№№ 8—9 „Н. З." за прошлый годъ) стр. 68—73.

Г. Изгоевъ боится обжечься о положеніе г. Струве, гласящее, что ненавистная «Вѣхамъ» «особая культурная категорія», «русская интеллигенція» есть «порожденіе взаимодѣйствія западнаго соціализма съ особенными условіями нашего... развитія». Онъ боится обжечься и о выводъ, дѣлаемый г-номъ Струве, о чрезвычайной важности для судебъ всей Россіи возможнаго «духовнаго переворота» въ интеллигенціи, связаннаго съ ея высвобожденіемъ отъ соціализма. Онъ боится обжечься и о намѣчаемую г-номъ же Струве, какъ очередную задачу,—«творческую борьбу идеи», въ результатѣ которой съ тѣмъ большей легкостью будутъ «поколеблены и скомпрометированы» «старыя идейныя основы русской интеллигенціи», что на Западѣ соціализмъ переживаетъ кризисъ, что на Западѣ онъ разлагается и умираетъ. И потому, какъ только г. Изгоеву предстоитъ хотя краемъ коснуться этихъ тезисовъ, онъ тотчасъ же теряетъ способность членораздѣльной рѣчи и неразборчиво что-то лепечетъ о «цитатахъ изъ разныхъ авторовъ Вѣхъ», приводимыхъ г. Потресовымъ, будто бы, лишь «въ подтвержденіе ихъ отрицательнаго, отношенія къ соціализму»—вмѣсто того, чтобы, съ своей стороны, воспроизвести эти цитаты и честно признать передъ своей аудиторіей, что въ этихъ цитатахъ и заключена, въ видѣ лозунга, какъ разъ та самая «борьба съ соціализмомъ», которую онъ пытается изобразить, аки не существующую.

И замѣтьте: борьба съ соціализмомъ, а не съ той или иной разновидностью соціализма.

Г. Струве, провозглашая въ «Вѣхахъ» свой лозунгъ борьбы, не классифицируетъ, не проводитъ различій между соціализмомъ добрымъ и злымъ. Соціализмъ въ его представленіи одинъ — тотъ самый, съ которымъ онъ борется; который, войдя необходимымъ элементомъ, создалъ особую культурную категорію русской интеллигенціи; соціализмъ — система; соціализмъ — «міровоззрѣніе», исповѣдуемое—какъ онъ въ другомъ мѣстѣ выражается — «оффиціальной соціалдемократіей». И не тотъ или этотъ соціализмъ, а соціализмъ безъ дальнѣйшихъ поясненій, соціализмъ, какъ родовое понятіе, разлагается и умираетъ, по мнѣнію г. Струве, тѣмъ самымъ облегчая, но не упраздняя съ собою борьбу. Въ процессѣ же разложенія и умиранія соціализма рождается и крѣпнетъ «соціальная политика»—какъ продуктъ разложенія соціализма, какъ форма его отрицанія. Г. Струве, отрицая соціализмъ, само собою разумѣется, не отрицаетъ его отрицанія: онъ пріемлетъ и привѣтствуетъ «соціальную политику», какъ привѣтствуетъ и весь, по его мнѣнію, идущій процессъ разложенія соціализма; а стало быть, онъ привѣтствуетъ и то, что г. Изгоеву благоугодно назвать «реформистскою частью соціализма», но что, съ точки зрѣнія г. Струве, какъ она выражена въ «Вѣхахъ», является не частью соціализма, а его исторической смѣной, его отверженіемъ. Такимъ образомъ, можно сказать: «соціальная политика» въ системѣ взглядовъ г. Струве играетъ какъ бы роль противоядія, очищающаго отъ яда общественный организмъ,

она—необходимое дополненіе къ идейной борьбѣ съ соціализмомъ. Борьба же съ соціализмомъ—вотъ вѣховскій Римъ, куда поистинѣ ведутъ всѣ дороги.

Всѣ дороги, кромѣ впрочемъ одной, по которой влачитъ своего бѣднаго читателя въ трясину имъ измышленной лжи храбрый г. Изгоевъ.

Храбрый, ибо вѣдь не всякій способенъ, при условіяхъ, въ какихъ оказался г. Изгоевъ, наперекоръ завѣдомымъ фактамъ, смотря прямо въ глаза своимъ читателямъ, тѣмъ не менѣе, какъ ни въ чемъ не бывало, вопрошать: о какой это, въ самомъ дѣлѣ, борьбѣ съ соціализмомъ можетъ идти рѣчь среди вѣховцевъ?

Для этого надобно во-первыхъ... быть «храбрымъ», и во-вторыхъ—г. Изгоевымъ.

И все-таки... эта фальсификація № 1 г. Изгоева ничто въ сравненіи съ его фальсификаціей № 2, ибо что такое маленькая ретушовка портрета, стирающая нежелательныя для даннаго случая черты изображенія, въ сравненіи съ дерзаніемъ художника, свободно—не считаясь ни съ чѣмъ—изъ себя творящаго ему желательный образъ. Да и то сказать: фальсификація «Вѣхъ» лишь болѣе или менѣе случайный эпизодъ на пути къ той другой фальсификаціи, которая для г. Изгоева настоящая цѣль его усилій, его основное заданіе.

Я имѣю въ виду поддѣлку «ликвидаторскаго», т. е. меньшевистскаго теченія въ русской соціалдемократіи подъ ревизіонизмъ, столь же необходимый теперь для г. Изгоева, какъ когда-то необходимъ былъ богъ для Вольтера. Помните вольтеровское: si Dieu n'était pas, il faudrait l'inventer (если бы бога не было, его бы слѣдовало выдумать). Такъ и тутъ: ревизіонизма нѣтъ, ревизіонизмъ надо выдумать; потому что ревизіонизмъ въ представленіи современнаго либерализма это—отнюдь не болѣзнь растущаго соціалистическаго движенія пролетаріата, которую предстоитъ преодолѣть, это, наоборотъ—начало конца, предвидимая и неизбѣжная развязка, рано или поздно наступающая всюду, гдѣ только возникло движеніе; это, можно сказать,—послѣдняя надежда-опора того либерализма эпохи упадка, котораго вытѣсняетъ изъ всѣхъ его позицій міровое развитіе интернаціонала. И либерализмъ—что же удивительнаго?—цѣпляется за эту надежду, стремится укрѣпить эту опору, онъ пытается внести и свой пай въ борьбу съ ортодоксіей, изображая ее, какъ смѣшной пережитокъ, и въ то же время муссируя, гдѣ только можно, ея антагониста, подготовляя въ его пользу общественное мнѣніе.

Русская либеральная печать, съ своей стороны, уже многіе годы—я бы сказалъ—нарочито старается во славу ею облюбованнаго ревизіонизма, преломляя сквозь призму своихъ газетныхъ и журнальныхъ реляцій всѣ событія изъ жизни соціалистическаго Запада и особенно въ этомъ смыслѣ обрабатывая текущую исторію германской соціалдемократіи. Но одно не удавалось до сихъ поръ этой печати: несмотря ни на какія старанія, она не могла отыскать среди русской соціалдемократіи того ревизіо-

нистскаго ростка, къ выращиванію котораго она могла бы приложить и свою благосклонную руку.

Это не значитъ, конечно, что не было въ Россіи въ достаточной степени своего ревизіонизма. Нѣтъ, начиная съ того добраго стараго времени, когда г. Струве ходилъ еще въ марксистахъ и сочинялось приснопамятное credo, ревизіонизмъ не выводился изъ русской интеллигенціи. Болѣе того, онъ сыгралъ въ ней замѣтную роль, прокладывая путь отъ марксизма къ идеализму, отъ соціалдемократіи въ «союзъ освобожденія». Но это была, если можно такъ выразиться, роль «выходная»: марксистская интеллигенція черезъ ревизіонизмъ «выходила» изъ сферы непосредственнаго вліянія русскаго рабочаго движенія, выходила за предѣлы того поля, на которомъ производилась работа соціалдемократіи. И съ нею вмѣстѣ выходилъ и терялся и ревизіонизмъ, ибо, поглощенный либерально-демократическимъ движеніемъ, онъ тѣмъ самымъ переставалъ быть тѣмъ элементомъ соціалдемократіи, на который современный либерализмъ возлагаетъ столь великія надежды.

Съ тѣхъ поръ, со времени этого перваго «выхода», много воды утекло и много перемѣнъ совершилось въ русской общественной жизни, въ частности—въ жизни русской соціалдемократіи. Но безъ перемѣнъ оставалось одно: ревизіонизмъ, какъ и прежде, былъ чуждъ, былъ постороннимъ явленіемъ русскому соціалдемократическому движенію; не занимая въ немъ какого либо мѣста, онъ имѣлъ, наоборотъ, свое мѣсто въ несоціалдемократической средѣ и литературѣ, онъ былъ виднымъ ферментомъ такъ называемой безпартійной демократіи.

Когда же безпартійная демократія за послѣдніе годы пережила свой развалъ, отдѣльные ревизіонисты, правда, подошли или вернулись къ соціалдемократическому движенію, но вернулись не сомкнутымъ строемъ, не какъ отдѣльная струя, вливающаяся въ соціалдемократическое русло, сохраняя свою индивидуальность, а враздробь, одиночками, къ тому же за свои долгія странствованія растерявшими не одно положеніе изъ своего прежняго credo. И въ настоящее время можно сказать, не обинуясь: ревизіонизма, какъ опредѣленнаго общественно-политическаго теченія или даже оттѣнка, нѣтъ въ русской общественности, ни внутри, ни вовнѣ соціалдемократіи.

Говоритъ ли, однако, этотъ фактъ объ истинно-русской невоспріимчивости къ ревизіонизму, о такомъ отличительно-марксистскомъ характерѣ русской соціалдемократіи, съ которымъ не сравняться даже партіи Бебеля и Зингера? Разумѣется, нѣтъ: онъ свидѣтельствуетъ только о тѣхъ особенностяхъ исторической обстановки Россіи, при которыхъ развитіе соціалдемократіи и консолидація рабочаго класса нарушаются не тенденціями къ ревизіонизму, а недугомъ иного порядка, своего рода дѣтской болѣзнью соціалдемократіи—ея бланкистскимъ уклономъ.

Организаціонный и тактическій утопизмъ, пресловутая идея диктатуры пролетаріата и крестьянства, словомъ, вся возрожденная подъ флагомъ марксизма идеологія интеллигента-заговорщика,—вотъ зло,

съ которымъ много лѣтъ боролся въ лицѣ меньшевизма марксизмъ русской соціалдемократіи. Но я не слыхалъ хотя бы объ одномъ ревизіонистскомъ тезисѣ, который находилъ бы признаніе въ средѣ русской соціалдемократіи и съ которымъ бы, поэтому, приходилось бороться. Хотя что и говорить: съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ большевистскій бланкизмъ, онъ не устаетъ твердить, что меньшевистское направленіе въ русской соціалдемократіи есть всего-на-всего только россійская разновидность международнаго оппортунизма, и еще недавно величалъ своего нынѣшняго союзника Плеханова—кадетскимъ подголоскомъ и ревизіонистомъ. Но эта большевистская ругань, конечно, не мѣняетъ положенія—на то и существуетъ большевикъ, чтобы ругаться и чтобы на его ругань не обращалось вниманія. Фактъ же остается фактомъ: русская соціалдемократія не пріемлетъ ревизіонизма, и ни одно—буквально ни одно—изъ положеній, характерныхъ для ревизіонизма, *не имѣетъ* въ ней курса. По мнѣ это очень хорошо, съ точки зрѣнія г. Изгоева это плохо, но во всякомъ случаѣ это непререкаемо такъ.

Г. Изгоевъ вздумалъ, однако, посягнуть на эту непререкаемость, захотѣлъ отличиться. Сначала—сравнительно осторожно и до нѣкоторой степени прикровенно, а затѣмъ—sans façons, распоясавшись. И я очень радъ, что «грубость» моей первой статьи заставила ее распоясаться. Ибо пока г. Изгоевъ сосредоточивалъ вниманіе читателя на сближеніи «настроенія» и «склады мыслей» «Вѣхъ» съ моимъ «складомъ» и моимъ «настроеніемъ», оставалось неяснымъ, зачѣмъ сіе нужно и куда гнетъ этотъ мужъ хитроумный; какъ могъ быть неясенъ и смыслъ его хлестаковскаго жеста, коимъ онъ объявлялъ, что ликвидаторы повторяютъ его старыя мысли. Я, впрочемъ, тогда же указалъ на затаенную цѣль авантюры.

Г. Изгоевъ, говорилъ я, лѣзетъ въ щель разгорѣвшейся распри, г. Изгоевъ спекулируетъ на борьбу большевиковъ и Плеханова противъ такъ называемыхъ ликвидаторовъ, чтобы тѣмъ легче съ этими ликвидаторами счесться роднымъ. И распоясанный г. Изгоевъ какъ нельзя лучше подтверждаетъ теперь мою догадку. Выбитый изъ прежней позиціи, онъ *не имѣетъ что либо возразить ни на одно изъ моихъ положеній*,—ни на то, что ликвидаторы въ вопросѣ о соціализмѣ и интеллигенціи, само собою разумѣется, держатся взглядовъ, какъ разъ обратныхъ точкѣ зрѣнія вѣховцевъ, ни на то, что взгляды ликвидаторовъ являются не чѣмъ либо другимъ, какъ старыми взглядами всего меньшевистскаго направленія въ русской соціалъ-демократіи. Но безсильный возразить, г. Изгоевъ идетъ на проломъ и начинаетъ клеветать въ открытую.

Онъ заявляетъ, что Потресовъ «отпалъ отъ единоспасающаго, цѣлостнаго соціализма,—соціализма какъ вѣры, что практически онъ (Потресовъ), какъ и другіе «ликвидаторы», проповѣдуютъ тредъ-юніонизмъ и проводятъ ревизіонизмъ». Легальная организація пролетаріата—увѣряютъ «ликвидаторы» дастъ «старый испытанный курсъ непримиримаго интернаціонала». Но-разъясняетъ «ликвидаторовъ» г. Изгоевъ-«съ бернштейновскимъ

ревизіонизмомъ, съ Легіеновской профессіональной политикой... съ хожденіемъ соціалъ-демократовъ «ко двору», съ вотированіемъ за бюджетъ, съ англійскими тредъ-юніонами, съ бельгійскими кооперативами, съ австралійской рабочей партіей». И кого г. Потресовъ, вы своею «непримиримостью» провести хотите? Ни Ленина, ни Плеханова вы не провели. Отлично знаю и я цѣну вашей непримиримости».

Какъ видитъ читатель, прижатый къ стѣнѣ донъ-Базиліо пытается меня оскорбить, не понимая однако, что онъ оскорбить меня не можетъ.

Но, потерявъ равновѣсіе, онъ при этомъ поторопился и до времени раскрылъ свои карты; въ картахъ же оказалась какъ разъ та именно игра, та ставка на ревизіонизмъ, которая съ самаго начала объясняла для меня поведеніе г. Изгоева: и сближеніе ликвидаторовъ съ «Вѣхами», и родственныя претензіи самого г. Изгоева: вѣдь г. Изгоевъ — не слѣдуетъ забывать читателю не только вѣхистъ, онъ — когда нужно — является также и въ костюмѣ — марксиста-ревизіониста.

Вотъ этотъ то «ревизіонистъ» изъ «Вѣхъ» и замыслилъ свое покушеніе съ негодными средствами — свой собственный портретъ выдать за меня, и свое собственное положеніе въ либерализмѣ сдѣлать прообразомъ того положенія, которое въ свое время займетъ «ревизіонизмъ» «ликвидаторовъ». Либерализмъ, разумѣется, не будетъ имѣть возраженій противъ организаціи рабочаго класса такимъ съ позволенія сказать «марксизмомъ»...

У г. Изгоева «сорвалось». Это бываетъ—бываетъ не только у г. Изгоева, но и у болѣе ловкихъ Кречинскихъ...

Въ заключеніе я хочу только обратить вниманіе читателя на трогательную взаимную «страховку», производимую г. Изгоевымъ и большевиками. Для г. Изгоева единственный аргументъ, доказующій ревизіонизмъ «ликвидаторовъ» — это ссылка на большевиковъ; для большевиковъ — это ссылка на г. Изгоева. Les beaux esprits se rencontrent!

А. Потресовъ.

Итоги ремесленнаго съѣзда.

I

Открывая второй всероссійскій съѣздъ по ремесленной промышленности, министръ Тимашевъ сказалъ: «существуетъ мнѣніе, я сказалъ бы предубѣжденіе, противъ ремесленной промышленности, заключающееся въ томъ, что будто бы эта промышленность съ развитіемъ фабрично-заводскаго производства обречена на гибель. Мнѣніе это совершенно ошибочно».

Ремесленники-хозяева много хлопали «пріятности», сказанной имъ его превосходительствомъ, а затѣмъ перешли къ очереднымъ дѣламъ. И, конечно, рѣзко разошлись съ министромъ въ оцѣнкѣ устойчивости ремесленной промышленности.

НАША ЗАРЯ.

Ежемѣсячный журналъ

№ 3.

Мартъ.

1911 годъ.

Оглавленіе.

Стр.

1) П. Масловъ. Кризисъ народничества 3
2) В. Мукосѣевъ. Финансовое «благополучіе» 11
3) М. Нахимсонъ. Милитаризмъ и народное хозяйство . . . 18
4) П. Б. Аксельродъ. Объ «антиликвидаторствѣ» и его историческихъ корняхъ II 23
5) Иностранное обозрѣніе:
   В. Емельяненко. Синдикализмъ въ Италіи 30
   А. Коллонтай. Женскій день 39
6) Политическое обозрѣніе:
   Евг. Маевскій. Такъ назыв. «министерскій кризисъ». . 44
   В. Левицкій. Возрожденіе буржуазной оппозиціи. . . . 54
   Б. Богдановъ. Нѣкоторые итоги 63
   А. Потресовъ. Критическіе наброски 71

Въ нѣмецкомъ журналѣ «Neue Zeit» я высчиталъ, что ростъ военныхъ расходовъ въ Германіи съ 1886 г. по 1908 г., по крайней мѣрѣ въ два раза, опережалъ ростъ заработной платы. Военные расходы Англіи поднялись съ 1883 по 1908 на 112%, между тѣмъ какъ средняя заработная плата за это время повысилась самое большее на 20—25 проц. [1]).

Такимъ образомъ, милитаризмъ ложится тяжелымъ бременемъ на народное хозяйство даже такихъ богатыхъ странъ, какими являются Англія или Германія. Что же говорить о Россіи? И если въ Англіи состоятельные классы населенія берутъ на себя значительную долю этихъ расходовъ, то эти классы въ Россіи сумѣли взвалить все бремя на плечи бѣдныхъ и бѣднѣйшихъ классовъ. Въ Англіи прямые налоги составляютъ 40 проц. всѣхъ налоговъ, въ Россіи—всего 12 проц., въ Англіи на единицу прямыхъ налоговъ приходится 1,5 косвенныхъ; въ Россіи на единицу прямыхъ—7,14 косвенныхъ, не считая при этомъ переплату за товары, производимые въ Россіи, вслѣдствіе высокихъ пошлинъ...

Такимъ образомъ, мы думаемъ, въ противоположность Боголѣпову, который оправдываетъ военные расходы, что основное зло русскаго государственнаго хозяйства, помимо господства бюрократіи, выражающагося въ полной безалаберности нашихъ бюджетовъ и въ расхищеніи государственныхъ средствъ различными сіятельными лицами, заключается въ огромномъ, почти превышающемъ больше половины народной доходности, военномъ бюджетѣ. Пока въ этомъ отношеніи ничего не измѣнится—въ нашей хозяйственной жизни все останется по старому. Это необходимо себѣ замѣтить всѣмъ «друзьямъ» соціальныхъ и финансовыхъ реформъ...

М. Нахимсонъ.

П. Б. Аксельродъ объ „антиликвидаторствѣ“ и его историческихъ корняхъ.

II [2]).

Какъ уже было указано въ предыдущемъ рефератѣ, современная внутрипартійная борьба, ведущаяся подъ флагомъ «антиликвидаторства»—является непосредственнымъ продолженіемъ той, которая стихійно началась на 1-мъ лондонскомъ съѣздѣ 1903 г. и съ того момента не прекращалась. «Партійность» и «антиликвидаторство»—это боевой лозунгъ, пущенный въ ходъ тѣми самыми элементами, которые со времени этого съѣзда не перестаютъ вести упорную борьбу за послѣдовательное развитіе и безраздѣльное господство въ партіи тѣхъ тенденцій и результатовъ

[1]) См. Statistical Tables and Charts relating to British and foreign Trade and Industry (1884—1908).

[2]) См. „Наша Заря“ № 1, стр. 56.

нашего движенія въ дореволюціонную эпоху, которые несовмѣстимы ни съ дальнѣйшимъ развитіемъ русской соц.-демократіи въ духѣ ея программы и тактическихъ принциповъ, ни съ общими интересами освободительнаго движенія. Именно въ періодъ подготовки и созыва брюссельско-лондонскаго съѣзда, подъ вліяніемъ разыгравшихся событій, противорѣчивые результаты партійнаго развитія начали давать себя чувствовать и порождать противоположныя тенденціи въ соц.-демократіи, которыя и проявились на названномъ съѣздѣ, особенно въ спорахъ по вопросу о пріемѣ членовъ въ партію. Но эти споры послужили только исходнымъ пунктомъ и дали только толчокъ развитію тѣхъ гораздо болѣе существенныхъ, внутреннихъ разногласій, которыми мотивировались и въ большей или меньшей степени и теперь еще мотивируются внутрипартійныя междоусобія.

До тѣхъ поръ, пока соціалдемократія въ Россіи оставалась въ стадіи кружковой пропаганды и кустарнической агитаціи, это внутреннее противорѣчіе не выходило изъ чисто-логическихъ рамокъ, оставаясь потенціальнымъ. И лишь по мѣрѣ того, какъ съ одной стороны — соціалдемократія становилась господствующей силой на аренѣ освободительной борьбы, привлекая къ себѣ наиболѣе передовые элементы рабочихъ и интеллигенціи, а съ другой — росло революціонное возбужденіе массъ, и совершался политическій подъемъ либерально-демократическихъ слоевъ общества,—указанное противорѣчіе начало все болѣе и болѣе проявляться въ дѣйствительности.

Чрезвычайно характерно, что расколъ на съѣздѣ 1903 г. произошелъ совершенно стихійно. Съѣздъ былъ организованъ главнымъ образомъ группой «Искры», которая явилась туда въ качествѣ внутренне-солидарнаго, цѣльнаго коллектива, и она же—въ ходѣ и результатѣ этого съѣзда—раскололась сама и расколола партію. Какой контрастъ съ развитіемъ разногласій и раскола въ организаціи «Земля и Воля», распавшейся, какъ извѣстно, въ 1879 г. на 2 отдѣльныя партіи: «Народную Волю» и «Черный Передѣлъ». Тамъ расколъ подготовлялся довольно продолжительное время, ему предшествовала борьба теченій внутри «З. и Воли», и самый съѣздъ былъ созванъ борющимися сторонами съ желаніемъ и надеждой найти мирный исходъ и сохранить единство партіи. Но оказалось, что разногласія настолько велики и сильны, что не давали никакой возможности сосуществованія обѣимъ борющимся группамъ внутри одной организаціи. И характерно при этомъ, — въ противоположность внутрипартійнымъ отношеніямъ въ соц.-дем.—это то, что члены расколовшейся организаціи, примкнувшіе къ разнымъ партіямъ, продолжали поддерживать между собой товарищескія отношенія и оказывать другъ другу цѣлый рядъ цѣнныхъ партійныхъ услугъ.

Если стихійный характеръ происшедшаго раскола соц.-демократіи въ Лондонѣ явился отраженіемъ и симптомомъ отсутствія у большинства делегатовъ чувства живой отвѣтственности передъ соц.-демокр. и рабочимъ движеніемъ, то не менѣе характернымъ въ этомъ смыслѣ пока-

зателемъ можетъ служить отношеніе членовъ съѣзда къ разразившейся тогда (лѣтомъ 1903 г.) на югѣ Россіи всеобщей стачкѣ.

«Эта стачка—говоритъ П. Б. Аксельродъ—произвела на меня настолько сильное впечатлѣніе, что я пытался указать делегатамъ на странность того факта, что съѣздъ спокойно засѣдаетъ, занимаясь своими дѣлами, какъ будто бы его делегаты не имѣютъ никакого отношенія къ происходящему въ Россіи событію. При этомъ я не мало былъ удивленъ тѣмъ недоумѣніемъ, которое проявилось не только на лицахъ членовъ съѣзда, но и въ ихъ разговорахъ по поводу моего предложенія [1]) отправиться нѣсколькимъ делегатамъ съѣзда на мѣсто событій для руководства ими».

Оба эти факта обнаруживали крайнюю незрѣлость соціалдемократіи и слабую связь ея даже съ соціально-активными массами рабочихъ.

«Исходъ съѣзда мнѣ напоминаетъ всегда—говоритъ П. Б. Аксельродъ—разсказъ Тана изъ жизни чукчей. Тамъ описывается, какъ одинъ чукча пріѣхалъ въ гости къ своимъ соплеменникамъ. Сначала вели весьма мирную бесѣду, проводя дружески время въ компаніи, пока дѣло не дошло до обмѣна между гостемъ и хозяевами подарками. Гость, недовольный предложенными ему въ обмѣнъ вещами, разсвирѣпѣлъ и, въ концѣ концовъ, въ отвѣтъ на неподатливость своихъ хозяевъ, онъ произвелъ въ мирной юртѣ полнѣйшій разгромъ и опустошеніе: убилъ стариковъ, изнасиловалъ дочь и сжегъ юрту. Впечатлѣніе такого же разгрома получилось отъ хода и исхода съѣзда».

Но этотъ разгромъ, конечно, нельзя объяснить только одной злой волей того или иного лица изъ партійныхъ вождей. Вожди, не склонные жертвовать своими личными или групповыми интересами общимъ интересамъ движенія, встрѣчаются въ любой партіи З. Европы, но тамъ, благодаря зрѣлости партіи, не имѣется такого широкаго простора для развитія этихъ склонностей, какъ въ Россіи.

«Мнѣ пришлось — говоритъ П. Б. Аксельродъ — присутствовать въ 1887 г. на сенъ-галленскомъ, нелегальномъ, кстати скажу, партейтагѣ [2]) германской соц.-демократіи, и мнѣ невольно припоминается—когда я думаю объ атмосферѣ, царившей на 2-мъ съѣздѣ—то чувство глубокаго уваженія къ своимъ вождямъ, которое соединялось съ полной независимостью по отношенію къ нимъ у нѣмецкихъ соціалдемократовъ. Въ Лондонѣ же въ 1903 г. мы видѣли, какъ цѣлая половина делегатовъ въ мигъ сплотилась около Ленина и слѣпо пошла за нимъ для разгрома партійной организаціи».

Какъ извѣстно, рѣшительнымъ толчкомъ къ расколу послужили дебаты по организаціоннымъ вопросамъ, главнымъ образомъ по поводу § 1-го организаціоннаго устава, касавшагося членства партіи. Суть этихъ

---

[1]) Подъ вліяніемъ П. Б. Аксельрода и Г. В. Плеханова, предложеніе это, все же оффиціально обсуждалось на одномъ изъ засѣданій съѣзда въ Брюсселѣ но не привело ни къ какимъ результатамъ.

[2]) Партійный съѣздъ.

дебатовъ сводилась къ слѣдующему. Ленинъ, во главѣ нѣсколькихъ делегатовъ, предлагалъ такимъ образомъ формулировать пунктъ устава, опредѣляющій, кто считается членомъ партіи, чтобы партія и организація взаимно совершенно покрывали бы другъ друга. Ленинъ предлагалъ считать членами партіи лишь тѣхъ лицъ, которыя входятъ въ одну изъ партійныхъ организацій. Мартовъ и Аксельродъ настаивали, съ своей стороны, на томъ, что понятіе партіи должно быть шире понятія партійной организаціи. Отождествленіе этихъ двухъ понятій возможно въ З. Европѣ, гдѣ соц.-демократія не приходится заниматься конспираціей и гдѣ она борется на открытой политической аренѣ, но не у насъ, въ Россіи. У насъ же слѣдуетъ строго отличать одну отъ другой. П. Б. Аксельродъ указывалъ, что с.-д. организація въ русскихъ условіяхъ неизбѣжно строго замкнута и конспиративна. Въ организацію, по его мнѣнію, могли входить лишь достаточно испытанные, извѣстные своей выдержкой и зарекомендовавшіе себя своей конспиративной опытностью элементы. Не то партія. Туда могутъ допускаться и тѣ элементы, которые не обладаютъ этими качествами. Для этого достаточно раздѣлять программу и тактическіе принципы партіи и оказывать ей то или иное содѣйствіе. Отождествленіе партіи и организаціи ставило слѣдующую дилемму.

Или — за бортомъ партіи окажутся многочисленные сознательные соц.-демократы, какъ рабочіе, такъ и интеллигенты, не удовлетворяющіе требованіямъ, предъявляемымъ «профессіональнымъ конспираторамъ», и тогда партія превратится въ замкнутый кружокъ, лишенный живой связи съ цѣлыми слоями соц.-демократовъ и подавно съ раб. массой. Или,— въ составѣ организаціи окажутся такіе элементы, которые—будучи, быть можетъ, марксистски-образованными и полезными, вообще, совершенно не отличаются самыми элементарными качествами, необходимыми для конспиративной дѣятельности.

Другими словами, принятіе ленинской формулировки грозило также устойчивости и безопасности партійной организаціи.

Въ своей рѣчи на съѣздѣ П. Б. Аксельродъ указывалъ на взаимоотношеніе между организаціей и партіей, которое установилось въ 70-хъ гг. въ народно-революціонныхъ партіяхъ. Тамъ организація являлась центральнымъ ядромъ партіи и включала въ себя совокупность наиболѣе активныхъ и приспособленныхъ ко всѣмъ трудностямъ и условіямъ борьбы въ Россіи; «соціально же революціонная» партія въ цѣломъ обнимала всѣ элементы, которыхъ объединяло единство ихъ теоретическихъ и практическихъ воззрѣній».

С.-д. организація въ до октябрьскую эпоху состояла, главнымъ образомъ, изъ интеллигентовъ, и при тогдашнихъ условіяхъ, которыя давали очень малую возможность рабочимъ играть сколько-нибудь самостоятельную, а тѣмъ болѣе руководящую роль въ организаціи—иначе и быть не могло. Такимъ образомъ, суженіе партіи предѣлами конспиративной организаціи равносильно было организаціонному закрѣпленію подчиненной, служебной роли передовыхъ элементовъ пролетаріата въ своей собственной партіи.

Сложившіеся теперь въ партійную организацію профессіональные конспираторы стремились, сами того не сознавая, къ упроченію роли радикальной интеллигенціи какъ единственнаго *субъекта* политическаго дѣйствія, оставляя даже передовыя группы рабочихъ въ роли *объекта* своего воздѣйствія сверху — точно такъ же, какъ было и въ то болѣе раннее время, когда пролетаріатъ еще находился въ стадіи почти полной политической и культурной аморфности. Ленинская формулировка закрѣпляла юридически то взаимоотношеніе между интеллигентскими верхами и рабочими соціал-демократами, которое существовало въ предшествующій періодъ развитія—и какъ разъ въ то самое время, когда въ Россіи уже выдѣлился и въ атмосферѣ общественнаго возбужденія долженъ былъ все болѣе и болѣе возростать слой соціалистическихъ рабочихъ.

Предложеніе Мартова и Аксельрода заключало въ себѣ противоположную тенденцію: тенденцію открытія болѣе широкаго доступа въ партію соціалистическимъ элементамъ пролетаріата—конечно, подъ условіемъ обезпеченія ея централизованному руководящему ядру организаціонной устойчивости и дѣеспособности. Проведеніе въ жизнь этого предложенія способствовало бы постепенному измѣненію состава партіи въ пользу пролетаріата. Эта организаціонная точка зрѣнія логически заключала въ себѣ уже и вопросъ о путяхъ и средствахъ къ измѣненію *фактическаго* соотношенія силъ и *роли* передовыхъ элементовъ пролетаріата и интеллигенціи въ движеніи. Другими словами, вслѣдъ за организаціоннымъ вопросомъ долженъ былъ логически выдвинуться вопросъ о вступленіи на путь сознательнаго самопреобразованія партіи въ дѣйствительно классовую организацію пролетаріата. Рѣшеніе же этого вопроса предполагало перенесеніе центра тяжести дѣятельности соціалдемократіи въ сферу планомѣрнаго развитія организаціонной и политической самодѣятельности передовыхъ элементовъ рабочаго класса. Но для такого измѣненія направленія и характера дѣятельности, предыдущее развитіе не подготовило партію. Къ тому же стихійный характеръ рабочаго движенія и общеполитическій подъемъ благопріятствовали развитію и распространенію ленинскихъ тенденцій, которыя можно охарактеризовать какъ возрожденный народовольческій бланкизмъ подъ марксистскимъ флагомъ. Что же касается субъективныхъ и объективныхъ факторовъ для послѣдовательнаго примѣненія чисто-марксистской тактики, то они находились еще въ настолько зачаточномъ состояніи, что требовалось еще много усилій для надлежащаго ихъ использованія. Эта неподготовленость почвы для построенія такого рода тактики и ея примѣненія отразилась на характерѣ разногласій, вращавшихся благодаря этому довольно долгое время исключительно въ сферѣ организаціонныхъ уставныхъ вопросовъ, главнымъ же образомъ вопроса о возможно болѣе «совершенной организаціи»[1]).

[1]) Хотя П. Б. Аксельродъ въ своихъ фельетонахъ сдѣлалъ попытку перенести эти вопросы въ болѣе широкую сферу проблемы измѣненія всей партійной практики, но это являлось единичной попыткой, довольно долгое время не оказывавшей вліянія на характеръ партійныхъ споровъ.

Обѣ фракціи были пропитаны въ то время организаціоннымъ фетишизмомъ. И для большевиковъ, и для меньшевиковъ организація являлась чѣмъ то самодовлѣющимъ. Выработка «хорошаго устава» играла у обѣихъ фракцій приблизительно такую же роль, какъ у соціалистовъ-утопистовъ играли хорошіе проекты совершенной организаціи общества.

Во время самого съѣзда и ленинцы и оппозиція даже вполнѣ сходились въ преклоненіи передъ спасительной ролью централистической организаціи. Только впослѣдствіи организаціонный фетишизмъ меньшевиковъ принялъ другой характеръ, и мѣсто преклоненія передъ централизмомъ заняла вѣра во всемогущество демократической организаціи. И тѣмъ, и другимъ было совершенно чуждо пониманіе того, что одна и та же организація можетъ выполнять весьма различнымъ образомъ свою миссію—въ зависимости отъ содержанія и характера своей соціально-политической дѣятельности.

Австрійская соціалдемократія, напримѣръ, цѣлыя десятилѣтія существовала даже безъ точнаго опредѣленія такого важнаго пункта въ своемъ организаціонномъ уставѣ, какъ пунктъ, регулирующій пріемъ членовъ въ партію.

И это, однако, не помѣшало ей занять второе послѣ германской соціалдемократіи мѣсто въ международномъ движеніи. Германская соціалдемократія также существовала многіе годы съ уставомъ, ставшимъ неудовлетворительнымъ вслѣдствіе измѣнившихся обстоятельствъ, и хотя партія прекрасно сознавала его неудовлетворительность,—однако она не спѣшила съ измѣненіемъ своего устава, считая рѣшеніе другихъ вопросовъ партійной жизни и рабочаго движенія болѣе неотложнымъ.

Организаціонныя стремленія меньшевиковъ—открыть двери партіи возможно большему количеству передовыхъ рабочихъ—какъ мы указывали выше—логически уже скрывали въ себѣ тенденцію къ измѣненію относительной роли въ соціалдемократіи интеллигенціи и пролетаріата.

Но только приблизительно черезъ годъ, съ наступленіемъ такъ наз. «эпохи довѣрія», когда на арену открытой политической борьбы начиналъ выступать либерализмъ, указанный организаціонный фетишизмъ сталъ уступать мѣсто тактическимъ и политическимъ вопросамъ.

«Банкетная кампанія» либераловъ даетъ толчекъ къ перенесенію центральнаго пункта разногласій изъ узкихъ рамокъ формально-организаціонныхъ вопросовъ въ сферу вопросовъ тактическихъ и политическихъ. Какъ многіе, вѣроятно, помнятъ, редакція «Искры» обратилась тогда (1904 г.) къ членамъ партіи съ письмомъ, предлагавшимъ извѣстный планъ дѣйствій, разсчитанныхъ на использованіе первыхъ проявленій открытой борьбы либерализма съ абсолютизмомъ, какъ на средство мобилизаціи пролетаріата—въ качествѣ самостоятельной силы, на открывшейся политической аренѣ, съ двоякой цѣлью: 1) Ускорить подготовку передовыхъ элементовъ пролетаріата къ организованному политическому

руководству массами въ дальнѣйшемъ ходѣ событій [1]), и 2) оказать, съ одной стороны начавшемуся движенію поддержку, и съ другой—толкать его впередъ, увеличивая такимъ образомъ энергію его выступленій, и противопоставляя ему собственные, болѣе радикальные лозунги.

Противъ этого плана дѣйствій «большевики» выступили съ рѣзкими нападками, говоря, что онъ превращаетъ пролетаріатъ въ «подголосокъ» либеральной буржуазіи.

Тактической линіи «Искры» Ленинъ и Ко противопоставили лозунгъ подготовки «вооруженнаго возстанія», съ цѣлью захвата власти. Они находили предлагаемую меньшевиками тактику не только слишкомъ «умѣренной» и «мирной», но и недостаточно классово-пролетарской. «Въ рѣчи моей на стокгольмскомъ съѣздѣ 1906 г.—говоритъ П. Б. Аксельродъ — я подвергъ критикѣ этотъ большевистскій лозунгъ и съ точки зрѣнія задачи с. д. въ буржуазной революціи—и въ частности—съ точки зрѣнія идеи гегемоніи пролетаріата въ ней. Здѣсь я ограничусь только слѣдующими замѣчаніями. Тѣ, кто читали первыя произведенія Плеханова, должны помнить, что главной и ближайшей задачей соц. дем. въ буржуазномъ переворотѣ съ самаго начала признавалось завоеваніе возможно болѣе демократической конституціи, и возможно больше экономическихъ улучшеній для эксплуатируемыхъ массъ. Условіемъ и средствомъ для достиженія этой цѣли признавалось возможно болѣе организованное и сознательное участіе рабочихъ въ этомъ переворотѣ. Въ дальнѣйшемъ ходѣ развитія освободительнаго движенія обнаружилось, что имѣется объективная возможность организовать пролетаріатъ уже до революціи въ самостоятельную политическую партію, которая — при извѣстныхъ условіяхъ—можетъ стать даже гегемономъ крайней демократіи. «Искра» предлагала попытаться использовать развертывающіяся событія въ интересахъ выполненія этой задачи ускореннымъ темпомъ. Мысль же о подготовкѣ «вооруженнаго возстанія» заговорщическимъ путемъ должна была отвлекать главныя силы соц. дем. отъ этой принципіальной задачи, подмѣняя ее задачей организаціоннаго сплоченія самыхъ разношерстныхъ элементовъ, пригодныхъ для технической подготовки. Созданіе организаціи изъ такихъ элементовъ—если бы и доставило эту гегемонію то во всякомъ случаѣ не организованному пролетаріату, а совершенно другимъ общественнымъ элементамъ.

Въ такой же мѣрѣ противорѣчила принципіальной исторической задачѣ соціалъ-демократіи и ближайшимъ лозунгамъ момента мысль о провозглашеніи захвата власти. Блестящая критика Плехановымъ этой идеи у народовольцевъ примѣнима, конечно, и къ соц.-демократич. разно-

---

1) Если въ 90-хъ г.г. проявленія организованной дѣятельности либерально-оппозиціонныхъ элементовъ представляли уже, хотя и очень слабыя, зачѣтки для развитія пролетарской самодѣятельности то первая фаза ихъ открытыхъ политическихъ выступленій могла быть использована, какъ первоначальная школа политическаго воспитанія и самостоятельной организаціи передовыхъ элементовъ рабочаго класса.

видности ея. Я долженъ только подчеркнуть, что выступая подъ соц.-демократическимъ флагомъ,—эта идея находится въ непримиримомъ противорѣчіи съ матеріалистическимъ воззрѣніемъ, конкретнѣе говоря, съ признаваемыми всей международной соц.-демократіей историческими предпосылками завоеванія пролетаріатомъ власти».

Въ то время, какъ тактика большевиковъ считалась исключительно съ перспективой бурнаго теченія событій,—планъ редакціи «Искры» разсчитанъ былъ на проведеніе въ жизнь тактики, которая бы подготовила соц.-демократію и передовые элементы пролетаріата къ использованію всего періода ликвидаціи стараго режима — во всѣхъ его фазисахъ,—какой бы характеръ онѣ не носили. Редакція «Искры» по существу не расходилась съ «большевиками» по вопросу о средствахъ радикальной ликвидаціи стараго режима, но она полагала, что большевистскимъ методомъ задача эта не можетъ быть разрѣшена.

«Лично я весной 1904 г.—говоритъ П. Б. Аксельродъ — еще во время политическаго затишья» указывалъ въ частной бесѣдѣ на возможность и такой комбинаціи обстоятельствъ, когда передъ соц.-демокр. выдвинется вопросъ о борьбѣ за власть. Я имѣлъ въ виду такое бурное протеканіе революціоннаго періода, которое дало бы толчокъ революціонному движенію зап.-европейскаго пролетаріата и бросило бы его въ рѣшительную борьбу со всѣмъ буржуазнымъ обществомъ за власть».

Но и въ виду такой перспективы, опять таки единственно-раціональной тактикой являлась бы та, которая лежала въ основѣ плана «Искры».

Итакъ, руководящею идеею меньшевистской тактики была мысль предохранить пролетаріатъ отъ политическаго обезличенія или подчиненія его идейной и политической гегемоніи буржуазіи, — какъ въ случаѣ быстраго и бурнаго развитія событій, такъ и въ случаѣ вялаго, затяжнаго изживанія кризиса.

Е. Чарскій.

Иностранное обозрѣніе.

Синдикализмъ въ Италіи.

(Письмо изъ Италіи).

„La pratica val piu della grammatica". — Практика важнѣе теоріи.

I.

Синдикализмъ, выступившій нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Италіи съ такимъ шумомъ и съ рѣзкой критикой соціализма, въ настоящее время значительно выдохся. Разрывъ съ Всеобщей Конфедераціей труда и съ партіей, за которыми въ Италіи слѣдуетъ организованный пролетаріатъ, сильно подорвалъ его вліяніе. Тамъ же, гдѣ синдикализмъ уцѣ-

петицію черезъ думскую с.-д. фракцію. Это лучшій отвѣтъ на вопросъ о взаимоотношеніи частнаго и общаго, въ этомъ шагѣ заключается значительный политическій смыслъ. Соц.-дем. фракція Гос. Думы, три съ половиной года работавшая въ безвоздушномъ пространствѣ — сразу почувствуетъ себя связанной съ массой. Та самая связь, о которой столько шумѣли, приходитъ, правда, покуда еще въ видѣ петиціи. Думская с.-д. фракція пріобрѣтаетъ значительно большій вѣсъ. Естественно, чѣмъ сильнѣе окажется размахъ петиціоннаго движенія—тѣмъ больше прибавится и этого вѣса. Думская фракція получитъ моральное одобреніе своимъ выступленіямъ въ прошломъ, это придастъ ей большую смѣлость и въ будущемъ.

Итакъ, черезъ 5 лѣтъ дѣйствія закона, объ обществахъ приходится начать сначала... Никого не удовлетворившій,—законъ 4-го марта становится ареной борьбы за улучшеніе нашего законодательства, за пріобрѣтеніе права коалиціи. Быть можетъ, въ этомъ будетъ его историческое оправданіе.

Б. Богдановъ.

Критическіе наброски.

О чертополохѣ безвременья.

Я въ долгу у читателя, до сихъ поръ не исполнивъ своего обѣщанія зафиксировать руководителя «Современнаго Міра» Іорданскаго въ позѣ—какъ я говорилъ—«хранителя принциповъ и адвоката политическаго героизма» [1]), запечатлѣть его антиликвидаторскій жестъ. Теперь я хочу, наконецъ, погасить этотъ долгъ свой читателю. Поздно, быть можетъ, но—мнѣ думается—незапоздало, ибо тема, о которой я собираюсь говорить, попутно исполняя свое обѣщаніе, увы! также свѣжа и значительна сейчасъ, какъ и раньше; и, конечно, въ этой темѣ литературно-политическая фигура Іорданскаго только подробность, иллюстрирующая тему.

Тема же, меня занимающая, это тема о томъ, какъ періодъ реакціи какъ полоса общественной депрессіи, смѣнившей подъемъ революціи, отразились на русскомъ марксистскомъ движеніи, и какія явленія они въ немъ породили.

Уже годъ тому назадъ мнѣ пришлось коснуться слегка этой темы, говоря о «пустякахъ», зачатыхъ безвременьемъ. Въ настоящее время Іорданскій въ свою очередь подымаетъ тотъ же вопросъ, заостряя его... на ликвидаторствѣ.

«Марксистское ликвидаторство—говоритъ онъ—только частный случай болѣе широкаго общественнаго теченія. Ликвидаторство есть стремленіе во что бы то ни стало отдѣлаться отъ бремени героизма октябрьскихъ дней. Первыми ликвидаторами въ этомъ смыслѣ были кадеты, затѣмъ

---

[1]) См. мою статью „О Плехановѣ“ (№ 10 „Н. З.“).

сотрудники журнала «Безъ Заглавія». За ними послѣдовали народные соціалисты, ликвидировавшіе традиціи боевого народничества... И, наконецъ, ликвидаторскія настроенія проникли и въ соціалдемократическую среду, хотя и въ меньшей степени, чѣмъ въ другія общественныя группы» [1]).

Къ сожалѣнію, за этимъ заманчивымъ «введеніемъ» у Іорданскаго не слѣдуетъ «исторіи», къ которой это «введеніе», казалось бы, обязываетъ. Вмѣсто же исторіи, на мѣстѣ, гдѣ должны бы располагаться факты, въ статьѣ его расположился нѣкоторый... ну, какъ бы сказать... что ли кляксъ, въ видѣ голословнаго, но отъ того не менѣе категоричнаго утвержденія, что марксистское «ликвидаторство» есть вопросъ не той или другой организаціи или тѣхъ или другихъ формъ борьбы рабочаго класса, какъ полагаютъ иные, а прежде всего вопросъ отрицанія «такъ сказать классическаго положенія русскаго марксизма о гегемоніи пролетаріата въ общественно-политической борьбѣ»: «выставляется — комментируетъ Іорданскій—категорическое требованіе», чтобы «рабочій классъ» отказался «отъ роли вождя въ обще-національной борьбѣ», чтобы онъ отказался «отъ самостоятельной политической линіи» [2]).

Но кѣмъ выставляется, гдѣ и когда, — это, разумѣется, праздный вопросъ; клякса безотвѣтственъ, онъ просто скатился съ пера, отъ излишняго нажима, отъ избытка чернилъ.

Конечно, клякса не аргументъ, конечно, и кляксами не украсишь своей репутаціи публициста, но клякса—это все же еще наилучшее, возможное для Іорданскаго, объясненіе того положенія, въ которомъ онъ оказался благодаря разительному несоотвѣтствію плодовъ своего усердствующаго на службѣ у антиликвидаторства «страстнаго» пера съ безстрастными фактами дѣйствительности. Плохо только, что на кляксѣ никуда не уѣдешь, и тѣмъ менѣе съ его помощью подойдешь къ выясненію вопросовъ, дѣйствительно интересныхъ и важныхъ, — какъ къ вопросу о «гегемоніи», такъ и къ основному вопросу, стоящему передъ нами,—о продуктахъ реакціи въ марксистскомъ движеніи и въ его литературѣ.

Фіаско, увѣнчавшее экскурсію Іорданскаго въ эту область, отнюдь не говоритъ о томъ, что продуктовъ реакціи въ марксистскомъ движеніи нѣтъ, что въ литературѣ русскаго марксизма все благополучно, а говоритъ только—о не надлежащемъ характерѣ устремленія самого Іорданскаго. Іорданскій искалъ не тамъ, гдѣ бы слѣдовало, онъ захотѣлъ подъ видомъ ликвидаторства опорочить меньшевистское направленіе въ русской соціалдемократіи, и, конечно, что же удивительнаго, споткнулся при этой непосильной для него, при этой невозможной задачѣ. Меньшевиковъ не опорочилъ, а себя въ достаточной мѣрѣ скомпрометировалъ.

---

[1]) См. „Соврем. Міръ", октябрь 1910 г., „О ликвидаторствѣ", стр. 131—132.
[2]) Тамъ же, стр. 133 и 134.

Но неудача Іорданскаго не должна останавливать изслѣдователей. Надо только, въ противоположность ему, дѣйствительно оперировать съ фактами, дѣйствительно разбираться въ документахъ безвременья.

И мнѣ хочется съ своей стороны сдѣлать подобную попытку—продолжить то, что Іорданскимъ начато такъ неудачно. Мнѣ хочется данную имъ схему наполнить фактическимъ содержаніемъ.

* * *

Іорданскій говоритъ, что существуетъ общественное теченіе, проникшее и въ соціалдемократическую среду, которое стремится «во что бы то ни стало отдѣлаться отъ бремени героизма октябрьскихъ дней».

Я бы выразился нѣсколько иначе. Я бы сказалъ, что за истекшее пятилѣтіе падающей общественной волны и растущаго распада явственно обнаружилась въ нѣкоторыхъ кругахъ марксистской среды тенденція отдѣлаться не отъ бремени героизма октябрьскихъ дней, какъ напрасно полагаетъ Іорданскій, — ибо понятіе героизма плохо вяжется вообще съ представленіемъ объ этихъ кругахъ,—а отъ бремени какихъ бы то ни было групповыхъ и идейныхъ обязательствъ, обнаружилась тенденція приспособленія къ худшимъ сторонамъ упадочнаго времени.

И эту тенденцію намъ тѣмъ легче зарегистровать, что, сравнительно трудно учитываемая въ жизни, она необыкновенно ярко заявила себя — въ литературѣ. Заявила себя прежде всего перемѣщеніемъ литературы со стараго базиса на новый и соотвѣтственно съ этимъ — измѣненіемъ какъ въ организаціи литературы, такъ и въ самомъ ея характерѣ.

Старая литература марксизма, литература до-революціонной эпохи, какъ и эпохи революціи, была литературой кружковъ, организацій, литературой движенія. Именно въ этой ея связи съ движеніемъ и заключалось ея существо, ея цѣнность. Она черпала силу изъ движенія и въ свою очередь отдавала ему свои силы, вмѣстѣ съ нимъ болѣя надъ тѣмъ, что составляло и боль движенія, вмѣстѣ съ нимъ ища средствъ для преодолѣнія этой боли.

Можно сказать: на протяженіи двухъ десятилѣтій, даже болѣе почти четверти вѣка, которыя отдѣляютъ первоначальныя выступленія «Группы Освобожденія Труда» отъ «легальной» литературы революціи, угасавшей въ атмосферѣ послѣ-октябрьскихъ разгрома и развала, литература марксизма пережила не одну метаморфозу, но при всѣхъ этихъ метаморфозахъ интересы движенія оставались тѣмъ ея центромъ, отъ котораго ея работа неизмѣнно отправлялась и къ которому эта работа неизмѣнно восходила. Такъ было независимо отъ того, являлась ли литература оффиціально-партійной или принадлежала инициативнымъ идейнымъ кружкамъ, выходила ли она за рубежомъ и въ «подпольѣ» или открыто печаталась въ типографіяхъ Москвы и Петербурга.

Разумѣется, и въ то время была литература, для которой марксизмъ—какъ мнѣ уже пришлось когда-то констатировать (см. стат. «Что

случилось» [1])—сталъ «неизбѣжной приправой, чѣмъ то вродѣ горчицы или перца къ литературнымъ блюдамъ искусныхъ журнальныхъ и газетныхъ поваровъ». Но эта марксистообразная литература въ общемъ и цѣломъ оставалась тогда за предѣлами идейно-политическаго горизонта, и, конечно, не она привлекала къ себѣ общественное вниманіе, не вокругъ нея разгорались идейныя битвы, не она являлась въ глазахъ читающей массы носительницей высокаго званія марксизма.

Органы, какъ Поссевская «Жизнь», какъ «Міръ Божій» покойнаго Богдановича, какъ «Образованіе» нынѣ также умершаго А. Острогорскаго, были въ сущности общекультурными ежемѣсячными сборниками—и только. Они, правда, въ большей или меньшей степени, были окрашены въ модные тогда марксистскіе тона, но они не возбуждали, по крайней мѣрѣ, ни съ чьей стороны недоразумѣнія, они не казались-литературой марксизма. И наоборотъ, для своего времени такимъ органомъ марксизма было «Новое Слово» — при всей очевидности для насъ его смѣшанной, на добрую половину буржуазно-демократической природы.

Но эта смѣшанность отражала въ себѣ только общую смѣшанность, недифференцированность тогдашняго идейнаго движенія, которая съ своей стороны отвѣчала примитивности практики. И «Новое Слово»—несмотря на всѣ свои отрицательныя стороны—представляло это движеніе, являясь такимъ же созданіемъ идейно-кружковой среды, какъ и ея примитивная практика. И только потому, что оно было созданіемъ этой среды, въ то время еще заново слагавшейся и не успѣвшей дифференцироваться, только потому и возможно было «Новому Слову» стать на время движущей силой, стать въ центрѣ идейной борьбы, бывшей борьбой всего тогдашняго русскаго марксизма, и интересамъ этой борьбы какъ центральной идеѣ, подчинить все свое содержаніе.

Но за то, какъ только кружковая среда дифференцировалась, и большая часть буржуазно-демократическихъ элементовъ отъ нея отдѣлилась, такъ повтореніе или продолженіе «Новаго Слова» стало невозможнымъ, и развившееся пролетарское движеніе, преломляясь въ болѣе консолидированной и болѣе однородной кружковой средѣ, стало базисомъ, надъ которымъ, какъ бы въ видѣ вершины пирамиды, могла возвышаться уже только болѣе рѣзко очерченная, ясно выраженная литература соціалдемократіи, какъ литература «Искры» и «Зари», или какъ позднѣйшая печать меньшевистскаго и большевистскаго направленій эпохи революціи,—революціи, нашедшей свой конечный предѣлъ въ переворотѣ 3-го іюня.

Итакъ, старая литература русскаго марксизма была литературой движенія и въ этомъ заключалась ея сила. Но у литературы была и своя ахиллесова пята, своя слабость: литература принадлежала къ той фазѣ въ развитіи движенія, когда это движеніе не могло еще имѣть въ литературѣ своего непосредственнаго идеологическаго выраженія; когда посредствующимъ звеномъ между импульсами движенія и ихъ литера-

[1]) Первоначально напечатана въ № 1 выходившаго заграницей журнала „Заря", а затѣмъ въ сборникѣ статей „Этюды о русской интеллигенціи".

турными результатами служила кружковая среда интеллигенціи, сыгравшая такую выдающуюся и въ тоже время своеобразную роль въ исторіи русской соціалдемократіи.

Я не буду касаться сейчасъ содержанія этой роли, я хочу только отмѣтить одно: что тѣсная связь литературы съ посредницей-интеллигенціей ставила судьбу литературы въ ближайшую зависимость отъ судебъ кружковой среды. И эта зависимость какъ нельзя болѣе дала себя почувствовать, лишь только вслѣдъ за неудавшимся исходомъ революціи, на фонѣ временно затихшаго рабочаго движенія, начался распадъ кружковой среды; лишь только интеллигенція—какъ говорили — бѣжала изъ движенія.

Конечно, литература ощущала и усилившійся гнетъ политическихъ репрессій, и послѣреволюціонную заминку въ движеніи, но особенно болѣзненно ощутила она именно этотъ распадъ, потому что распадъ означалъ для нея исчезновеніе необходимой среды, а съ тѣмъ вмѣстѣ исчезновеніе и базиса рабочаго движенія, вліянія котораго доходили до нея черезъ посредство этой среды. Ея старому типу, такимъ образомъ, наносился смертельный ударъ, ея существованіе было поставлено на карту.

И мы видимъ, дѣйствительно, какъ въ промежуткѣ между 1905 и 1907 годами таетъ, исчезая постепенно, литература марксистскаго движенія. При этомъ, если ежедневная печать таетъ преимущественно подъ давленіемъ административно-судебнаго нажима, то журнальная литература движенія явственно таетъ не отъ этихъ причинъ, а потому, что сходитъ со сцены ея главный потребитель-кружковая демократическая интеллигенція; она таетъ потому, что съ разложеніемъ кружковой среды исчезаетъ и матеріальная основа ея прежняго существованія. Вѣдь, литература движенія—объ этомъ не слѣдуетъ забывать—была литературой кружковой среды и въ томъ смыслѣ, что эта среда являлась хозяиномъ средствъ литературы, что литература существовала всецѣло на счетъ той поддержки, которая шла изъ кружковой среды или отъ общественныхъ элементовъ, этой средѣ сочувствовавшихъ и къ ней непосредственно примыкавшихъ.

И процессъ этого таянья, этого умиранія литературы марксистскаго движенія, идетъ такъ успѣшно, что ко второй половинѣ 1907 года его можно считать уже законченнымъ—по крайней мѣрѣ для періодической печати, выходящей въ предѣлахъ Россіи.

Мѣсто очищено. Поле усѣяно костьми.

Но на вакантномъ мѣстѣ, на этихъ костяхъ литературы кружковой среды тѣмъ пышнѣе тотчасъ же всходитъ чертополохъ той другой литературы,—тоже идущей подъ знакомъ марксизма,—которая является литературой предпріятій, разсчитанныхъ на удовлетвореніе спроса неопредѣленной безформенной массы читателей, читателей въ своемъ большинствѣ изъ буржуазной демократіи. Литература движенія смѣняется—если можно такъ выразиться—литературой товарооборота. Изъ подъ контроля организацій и идейныхъ кружковъ она уходитъ подъ контроль коммерче-

ской сметки, и вмѣсто кружковой среды хозяиномъ-распорядителемъ литературы становится общая закономѣрность литературнаго рынка. Иначе говоря, марксизмъ съ разрушеніемъ стараго базиса изъ орудія великаго движенія превращается въ обыкновенный товаръ, которымъ — какъ и всякимъ другимъ—торгуютъ оптомъ и въ розницу: въ розницу—распыленная среда марксистовъ-литераторовъ, на особый манеръ «идущихъ» теперь «во всѣ классы» и—каждый за свой страхъ и счетъ—заполняющихъ поры всевозможнѣйшихъ органовъ; и оптомъ—тѣ немногія изданія, которыя живутъ этой «маркой».

Я не буду сейчасъ особенно распространяться о «розницѣ». «Розница», хотя и недостаточно, но все же въ свое время концентрировала на себѣ вниманіе соціалдемократическаго общественнаго мнѣнія, и вопросъ о «розницѣ» извѣстенъ въ литературѣ подъ именемъ вопроса объ участіи марксистовъ въ буржуазной печати.

Напомню хотя бы, что еще въ 1907 году вопросъ этотъ ставился и горячо обсуждался въ кругахъ соціалдемократіи, ибо тогда уже чувствовалось быстро идущее впередъ распыленіе марксистской среды, какъ чувствовались и послѣдствія этого распыленія. Статья Юрія Переяславскаго въ «Товарищѣ», отстаивавшая свободу дѣйствій марксистовъ-литераторовъ, вызывала недовольство, какъ вызывало недовольство и постоянное участіе нѣкоторыхъ марксистовъ—въ томъ числѣ и Плеханова—въ «Товарищѣ», какъ съ возмущеніемъ отмѣчался и фактъ редакціонной близости Іорданскаго къ бульварно-радикальному и радикально-бульварному органу г. Рябушинскаго—«Утру Россіи». Конференція принимала постановленіе. Резолюція петербургскихъ меньшевиковъ отмѣчала опасность и призывала къ борьбѣ съ этимъ зломъ.

Но зло игнорировало резолюціи и разрасталось своимъ чередомъ. Время отъ времени, по данному конкретному поводу, вопросъ какъ будто бы опять всплывалъ на поверхность, чтобы тотчасъ же затѣмъ потонуть, не оставивъ по себѣ ни слѣда дальнѣйшаго выясненія явленія, ни попытки намѣтить пути для преодолѣнія зла.

Такъ недавно «Звѣзда», а за нею и «Мысль», заклеймила Клейнборта—«бывшимъ человѣкомъ» за помѣщеніе информаціонной замѣтки въ кадетской «Рѣчи», т. е. съ шумомъ обрушилась на проступокъ, являющійся, разумѣется, однимъ изъ проявленій, симптоматичныхъ для эпохи развала и господства принциповъ «розницы», но въ сущности однимъ изъ проявленій сравнительно еще незначительныхъ, и оглушенная собственнымъ шумомъ, не потрудилась—во имя справедливости — проанализировать съ той же стороны своихъ собственныхъ ближайшихъ сотрудниковъ, а главное — личнымъ моментомъ подмѣнила общій вопросъ о томъ, на какой почвѣ разгорается эпидемія подобныхъ и много худшихъ проступковъ.

Какъ бы то ни было, однако, «розница» все же отмѣчалась сознаніемъ, какъ зло; о ней говорили, съ ней пытались бороться. Но я не знаю до сихъ поръ не только борьбы съ существующимъ «оптомъ», но

даже и простыхъ сознанія и признанія наличности этого «опта». А между тѣмъ, оптовыя фирмы по сбыту марксизма представляютъ собою явленіе изъ эпохи упадка гораздо болѣе значительное, чѣмъ пресловутая «розница».

Ибо, если «розница» опустошаетъ марксистовъ, то оптовыя фирмы опустошаютъ марксизмъ, какъ идейное теченіе.

Опустошаемый «въ розницу» марксистъ, какъ общее правило, сравнительно скоро затеривается въ пестрой толпѣ журнальныхъ и газетныхъ редакторовъ и сотрудниковъ, съ него сходитъ мало-по-малу марксистская окраска, а потерявъ эту окраску, выбывъ изъ строя, онъ уже не столько является дѣйствующимъ ферментомъ распада, сколько продуктомъ его, одной изъ его многочисленныхъ жертвъ.

Но «оптовыя фирмы»—ихъ судьба совершенно иная. Эпоха распада позаботилась о томъ, чтобы за этими «фирмами» какъ можно крѣпче закрѣпить въ сознаніи читающей публики представительство марксистскаго теченія.

Чѣмъ быстрѣе исчезали большевистскіе и меньшевистскіе журналы и газеты, чѣмъ меньше публика эпохи имѣла возможность знакомиться съ зарубежной печатью марксизма, словомъ, чѣмъ дальше продвигалось размноженіе кружковой среды и глубже забирала депрессія пролетаріатъ въ свои лапы, тѣмъ рѣзче выдвигались «оптовыя фирмы» на авансцену общественной жизни, тѣмъ скорѣе росло ихъ значеніе, тѣмъ чаще сходили эти «фирмы» за органы марксизма par excellence, и даже—за органы самого ортодоксальнаго марксизма...

Впрочемъ, послѣ закрытія «Образованія» приходится говорить не столько о «фирмахъ», сколько объ одной единственной «фирмѣ», которой удалось сосредоточить въ своихъ рукахъ представительство и, такимъ образомъ, при настоящихъ условіяхъ реакціи, стать на время фактическимъ монополистомъ марксизма.

Я имѣю въ виду журналъ «Современный Міръ», редактируемый Н. Іорданскимъ. Его звѣзда взошла на горизонтѣ какъ разъ въ тотъ же самый зловѣщій 1907 годъ, которымъ исчерпала себя до дна эпоха революціи.

Годъ переворота 3-го іюня, годъ исчезновенія изъ предѣловъ Россіи послѣдняго соціалдемократическаго органа и стремительнаго разрушенія организацій непосредственно вслѣдъ за Лондонскимъ съѣздомъ, годъ необыкновено развитаго аполитицизма, сильнѣйшей реакціи противъ идеологій революціоннаго движенія и въ особенности противъ идеологіи соціалдемократіи, годъ самаго напряженнаго увлеченія новымъ искусствомъ и всяческой мистикой.

И годъ, съ котораго начинается—послѣ смерти Богдановича и перехода журнала въ руки марксиста Іорданскаго — стремительный взлетъ «Современнаго Міра».

Поистинѣ, символическое начало карьеры, напоминающей карьеру Скалозуба. Помните:

«Довольно счастливъ я въ товарищахъ моихъ—
«Вакансіи какъ разъ открыты:
«То старшихъ выключатъ иныхъ,
«Другіе, смотришь, перебиты.

Но «Современный Міръ»—Скалозубъ нашихъ дней [1])—«счастливъ», очевидно, не только въ «товарищахъ». Для того, чтобы преуспѣть въ атмосферѣ не одной лишь правительственной, но и общественной контрреволюціи, нужно быть «счастливымъ» и еще кое въ чемъ. Нужно обладать «счастливою» гибкостью, нужно умѣть, приспособляясь къ тенденціямъ времени, находить надлежащія мелодіи, которыя встрѣчали бы созвучныя настроенія момента, созвучныя ноты въ аудиторіи эпохи упадка.

Если голая марксистская нота не усвояема, то, быть можетъ, усвояемъ аккордъ, усвояема комбинація, въ которой нота марксизма будетъ звучать, сплетаясь съ совершенно ей чуждыми нотами въ одно цѣлое, невыносимое для музыкальнаго слуха, но у данной аудиторіи тѣмъ не менѣе могущее сойти за музыку, за ту самую музыку, которая какъ разъ-то и требуется.

Непріемлемъ марксизмъ въ полнотѣ своихъ задачъ и вопросовъ, вытекающихъ изъ его практической природы, изъ его связи съ движеніемъ, изъ того, что марксизмъ есть прежде всего философія дѣйствія, ну что жъ!—можно и урѣзать марксизмъ, обстричь ему вихры, причесать его лохматую голову, словомъ—сдѣлать пріятнымъ.

И я долженъ сказать, что «Современный Міръ» «счастливъ» именно въ томъ, что у него есть кому дѣлать марксизмъ пріятнымъ, что онъ имѣетъ въ лицѣ Іорданскаго—отдаю это должное Іорданскому — дѣйствительно талантливаго режиссера-импрессаріо.

Талантлива уже самая инсценировка „Современнаго Міра“, та завидная смѣлость, съ которой вырабатывался специфическій стиль этого органа и проводилась задача — сдѣлать этотъ органъ какъ будто бы и ортодоксально—марксистскимъ и въ тоже время удовлетворяющимъ спросу какъ разъ періода упадка.

Задача, казалось бы, неразрѣшимая, и однако — она съ успѣхомъ была разрѣшена.

Началось съ установленія дуализма, не возведеннаго, правда, въ теорію, но за то тѣмъ ревностнѣе осуществляемаго на практикѣ. Согласно этому дуализму, въ журналѣ проводилась черта, которой публицистика, философія, критика отдѣлялись отъ страны неограниченныхъ воз-

---

[1]) Въ предупрежденіе распространительныхъ лжетолкованій: въ дальнѣйшемъ я все время говорю о „Совр. Мірѣ“, какъ предпріятіи и о тѣхъ или о томъ, кто имъ руководитъ; я изъемлю, такимъ образомъ, изъ своего разсмотрѣнія и, слѣдовательно, изъ своихъ квалификацій—отдѣльныхъ сотрудниковъ, лишь въ отдаленной степени могущихъ отвѣчать за то журнальное предпріятіе капиталистическаго типа, въ которомъ имъ приходится работать.

можностей, для которой не писанъ законъ, и въ которой все позволено,— отъ царства беллетристики.

По сю сторону парадируютъ имена завѣдомыхъ марксистовъ, а по другую—возможенъ не только налетъ модернизма, не только гастрольное появленіе сравнительно еще болѣе безобидныхъ произведеній Леонида Андреева, Бальмонта и Брюсова—проходя мимо другихъ, беру этихъ писателей, какъ наиболѣе яркихъ выразителей извѣстныхъ литературныхъ теченій,—но и нѣчто, во много разъ худшее: возможенъ Арцыбашевъ съ его контръ-революціонной психологіей; возможенъ Арцыбашевскій „Санинъ". Возможно, слѣдовательно, чтобы подъ одной обложкой Плехановъ писалъ статью „Къ психологіи рабочаго движенія" и тамъ же герой Арцыбашева, разсчарованный и презрительно фыркающій, уходилъ изъ этого движенія, чтобы, гуляя на просторѣ, не только плѣнять сердца провинціальныхъ дѣвицъ, но и сдѣлаться—во исполненіе желанія автора и при благосклонномъ посредствѣ марксистскаго органа, олицетвореніемъ извѣстнаго лозунга, практической директивой безвременья.

Такимъ образомъ, это credo распада, недаромъ нашедшее могучій резонансъ, какого не имѣло никакое другое произведеніе текущей литературы, было пущено въ ходъ „Соврем. Міръ", какъ и обратно—„Совр. Міръ" былъ больше всего въ свое время лансированъ именно этимъ „Что дѣлать" на-выворотъ.

Это было, пожалуй, нѣсколько schoking не только для марксистскаго журнала, но и для всякаго демократическаго органа, но это было зато въ духѣ времени. Время ненавидѣло „монизмъ", какъ смѣшное и вредное доктринерство, оно было не только „дуалистично" и за автономію „свободныхъ" художествъ, но и за всякую дальнѣйшую дробность: за разрозненный „принципъ" противъ „идеологіи", за платформу противъ программы, за безпартійную мѣшанину противъ непріятной, осточертѣлой партійности.

Т. е. собственно говоря, ненавидѣла монизмъ и отстаивала дробность больше всего буржуазная демократія періода упадка, которая въ своемъ тяготѣніи къ дробности, какъ и къ модернистской разобществленной индивидуалистической психикѣ, отражала лишь собственную раздробленную природу, своей собственный дальше подвинувшійся индивидуализмъ, свои собственныя слагавшіяся, но еще не успѣвшія сложиться, антипатіи къ опредѣленной общественности.

А при этихъ условіяхъ удивляться ли тому, что журналъ, который выступалъ не органомъ движенія а органомъ неопредѣленнаго рынка потребленія, что этотъ журналъ, нащупывая почву этого рынка и, слѣдовательно, прокладывая путь къ извѣстнымъ слоямъ буржуазной демократіи, что онъ долженъ былъ платить эту дань духу времени?

И онъ ее платилъ, и автономіей своей беллетристики, и межеумочнымъ характеромъ своей литературной критики, готовой посчитаться съ отдѣльными наиболѣе кричащими проявленіями литературы декаданса, но не желающей или не могущей занять принципіально-критическую

позицію въ отношеніи къ общественно-психологической эволюціи, происходившей въ жизни и проэктировавшейся въ литературѣ.

Такъ, если Кранихфельдъ избѣгалъ становиться на эту позицію, признавая затруднительнымъ „критическій историзмъ“ въ примѣненіи къ оцѣнкѣ текущихъ литературныхъ явленій [1]), то Іорданскій, перескакивая черезъ трудность, не становился на эту обязательную для марксиста позицію, успокаиваясь просто на томъ, что совершающійся въ литературѣ и жизни „психологическій переломъ“ есть несомнѣнное „порожденіе революціи“ [2]). Какъ будто для марксиста признаніе, напр., революціоннаго значенія за капиталистическимъ развитіемъ избавляетъ его, отъ обязанности быть принципіальнымъ противникомъ капитализма и на его же основѣ вести съ нимъ борьбу! Какъ будто даже и признаніе революціоннаго происхожденія за „психологическимъ переломомъ нашего времени“ — я не вхожу въ разборъ этого мнѣнія по существу — даетъ поводъ растворяться въ психологическомъ процессѣ, охватившемъ буржуазную демократію!..

Но, конечно, инсценировка журнала, не ограничилась установленіемъ дуализма. Главная режиссерская работа состояла не въ этомъ. Надо было скомпановать соотвѣтствующій планъ журнала. Надо было конкретизировать его общественно-политическую линію.

Вѣдь, въ характерѣ плана уже, въ сущности говоря, заключенъ и самый характеръ журнала, и по абрису плана дозволительно также судить о задачѣ журнала, какъ о назначеніи зданія по чертежу архитектора.

И вотъ, если съ этой стороны подойти къ „Совр. Міру“, то передъ нами окажется любопытный комплексъ чрезвычайно показательныхъ явленій и намѣтится опредѣленный подборъ: въ пропорціи отдѣловъ, въ распредѣленіи авторовъ и темъ, въ томъ, что есть, и въ томъ, чего нѣтъ. Подборъ, соотвѣтствующій не тому, что было бы нужно рабочему классу, что было бы важно съ точки зрѣнія интересовъ соціализма и соціалистическаго движенія, что существенно необходимо для всякаго серьезнаго марксистскаго органа, а потому, что носится въ воздухѣ, что предъявляетъ читательскій спросъ, что является злобою дня въ атмосферѣ умственныхъ интересовъ эпохи упадка.

И потому—прежде всего поменьше политики (вѣдь, политика не въ модѣ) гомеопатическая доза экономики (ибо экономика совсѣмъ не въ ходу), немножко исторіи, естествознанія, театра; нѣсколько больше философіи и религіи (о нихъ говорятъ), много больше литературной критики и больше всего беллетристики—этого устоя журнала. Скала отдѣловъ примѣнительно къ скалѣ запросовъ!

---

1) См. ст. «Литератур. отклики». «Совр. Міра» 1907 г. февраль.

2) См. его статью «Совр. Міръ», 1907, августъ — «Вопр. текущ. жизни» и «Современныя настроенія и задачи демократіи въ 3 Думѣ». Ср. также ст. Іорданскаго «Индивидуализмъ на сценѣ», январь 1907 г.

Но на ступеняхъ этой лѣстницы не пристало искать того мѣста, гдѣ бы шла разработка вопросовъ, наиболѣе дорогихъ и близкихъ соціалдемократіи—очередныхъ темъ рабочаго движенія, вопросовъ партійнаго бытія. Ибо что ему Гекуба и что онъ Гекубѣ—этотъ демократическій читатель, по мѣркѣ котораго кроится журналъ. Какое дѣло ему до клубка тѣхъ споровъ, которые только что велись и теперь оборвались не по собственной охотѣ?

Конечно, культурному человѣку полагается быть au courant всего, быть обо всемъ информированнымъ. И во имя культурности этотъ читатель готовъ иногда, буде нужно, информироваться и о нашумѣвшихъ внутри-партійныхъ разногласіяхъ, и о событіяхъ изъ жизни соціалистическаго Запада, почему-либо обратившихъ на себя общественное вниманіе, и о вопросѣ соціальной политики, и о чемъ угодно другомъ. Вѣдь, информируется же онъ объ успѣхахъ авіаціи или о новинкахъ въ біологіи? Но дальше... т. е. то, что сверхъ того, то отъ лукаваго! Читатель властно сказалъ бы: досюда, и ни строчки болѣе... если бы только опытный редакторъ не предупредилъ его желанія и самъ не поставилъ во благовременіи точку.

По Сенькѣ шапка! По читателю не только подборъ и распредѣленіе темъ, но и винигретъ сотрудниковъ, необходимый для возбужденія аппетита читателя.

И тутъ я опять восхищаюсь искусствомъ режиссера, его несравненнымъ умѣніемъ использовать даже созданное проклятымъ безвременьемъ монопольное положеніе предпріятія, чтобы образовать желательную для предпріятія комбинацію изъ несомнѣнныхъ и выдающихся марксистовъ съ такими имѣющими самое отдаленное отношеніе къ марксизму и частью враждебными ортодоксіи писателями, какъ проф. Виппперъ, проф. Туганъ-Барановскій, проф. Рейснеръ, проф. Зѣлинскій и мног. другіе.

Шутка ли сказать: публицистовъ-вождей соціалдемократіи заставить разыгрывать роль такихъ же спеціалистовъ по извѣстнымъ вопросамъ, далекимъ отъ текущей общественно-политической жизни Россіи, какими фигурируютъ на страницахъ журнала не-марксисты-профессора. Т. е., другими словами, сдѣлать такъ, чтобы не эти извѣстные публицисты марксизма опредѣляли физіономію журнала, не они руководили политикой, не они хотя только бы вліяли на нее простымъ въ ней участіемъ.

Руководящая политика концентрируется въ единомъ лицѣ Н. Іорданскаго, въ его «политическихъ обозрѣніяхъ».

И я прибавлю: въ этой то концентраціи и заключается главный «трюкъ» режиссера, гарантія его увѣренности въ томъ, что непричесанный марксизмъ не испортитъ его чертежей, не нарушитъ его добрыхъ отношеній къ демократіи эпохи упадка, не дастъ нотъ дисгармоніи. Ибо, вѣдь, не всякій обладаетъ способностью не только ладить съ этой демократіей, но и быть—въ оболочкѣ марксиста — представителемъ ея умонастроеній.

Но именно этой способностью обладалъ въ высшей мѣрѣ Іорданскій. Онъ въ своихъ «обозрѣніяхъ» — несмотря на ихъ марксистскую форму—говорилъ языкомъ демократа и говорилъ, обращаясь къ демократіи. И говорилъ тѣмъ непринужденнѣе, что и мысль его развивалась въ плоскости демократической мысли, и самый кругъ интересовъ замыкался ея кругозоромъ. Писалъ ли Іорданскій о деклараціи Столыпина въ 3-ей Государственной Думѣ, обсуждалъ ли студенческое движеніе, критиковалъ ли кадетовъ, его устами говорила та «лѣвая демократія», которая понимала, что кадеты—демократы изъ рукъ вонъ плохіе, и что безъ народнаго движенія нельзя сдвинуться съ мѣста.

Но эта «лѣвая демократія» переставала понимать что-либо, какъ только рѣчь заходила объ общихъ вопросахъ развитія Россіи, о соотношеніи въ ней классовъ и партій, о самой демократіи о томъ, что дѣлать для сложенія и проявленія народныхъ силъ. И она чувствовала себя всего хуже въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда—волею обстоятельствъ—ей приходилось хотя краемъ касаться рабочаго движенія и задачъ соціалдемократіи.

И поэтому—въ зависимости отъ того, съ какой стороны подойти—публицистика Іорданскаго можетъ представиться или достаточно послѣдовательной, или какимъ-то хаосомъ взаимо исключающихъ мнѣній.

На самомъ же дѣлѣ, вѣрно и то, и другое: Іорданскій неизмѣнный пѣвецъ демократіи и одновременно такой же «сейчасъ брюнетъ, сейчасъ блондинъ», какимъ когда-то изобразилъ Михайловскій Евг. Соловьева-Андреевича—это въ сферѣ вопросовъ, гдѣ точка зрѣнія радикальной демократіи не можетъ собою замѣнить, даже въ видѣ суррогата, самостоятельнаго марксистскаго анализа.

Іорданскій—демократъ, пѣвецъ демократіи—вотъ первое положеніе, которое надлежитъ установить, и которое, мнѣ думается, въ рамкахъ данной статьи можно всего лучше доказать, прослѣдивъ отношеніе Іорданскаго къ демократіи, его концепцію ея прошлаго, его оцѣнку ея настоящаго.

Демократія въ представленіи Іорданскаго, это — демократическая интеллигенція. Та демократическая интеллигенція, которой мы всѣ, соціалдемократы, удѣляли такое видное мѣсто въ исторіи дореволюціонной общественности, какъ и въ исторіи революціи. Но мы не забывали, во-первыхъ, что демократическая интеллигенція являлась сочетаніемъ различныхъ общественныхъ слоевъ, которые не только сочетались, но и расщеплялись въ ходѣ дореволюціоннаго развитія, и во-вторыхъ, — что въ судьбахъ дореволюціонной интеллигенціи, какъ и во всемъ ходѣ такъ называемаго освободительнаго движенія рѣшающую роль играло пробужденіе городского промышленнаго пролетаріата, стихія его растущаго движенія. Вотъ почему—tout honneur интеллигенціи,—но мы никогда не представляли ее себѣ деміургомъ развитія, его верховной распорядительной инстанціей.

Но такъ думали и думаемъ мы—соціалдемократы, которые, по мнѣнію Іорданскаго, ликвидируютъ старыя схемы [1]).

А вотъ что думаетъ «антиликвидаторъ» Іорданскій, вставшій на защиту идеи гегемоніи пролетаріата: демократическая интеллигенція въ дореформенную эпоху, какъ и въ періодъ революціи исполняла функцію «уполномоченнаго всей націи», «носительницы національной идеи», «общественнаго слоя, привыкшаго руководить мыслью и совѣстью всей страны» [2]).

«Среди общественныхъ группъ дореволюціонной Россіи — пишетъ Іорданскій [3]),—она сыграла роль сословія, которому въ революціонныя эпохи выпадаетъ на долю представительство интересовъ націи въ цѣломъ... Въ европейскихъ революціяхъ, ниспровергнувшихъ феодальный порядокъ, носителемъ національной идеи выступало среднее сословіе, «буржуазія». У насъ историческія условія были другія. «Крупная буржуазія не могла выступить въ роли народнаго вождя. Тѣ же элементы, которые на Западѣ образовали сильную мелкую и среднюю буржуазію, въ Россіи, вслѣдствіе особенности ея хозяйственнаго развитія, имѣли весьма малое значеніе. Но мѣсто мелкой и средней буржуазіи и въ Россіи не оставалось пустымъ... въ Россіи капитализмъ вызвалъ образованіе и ростъ многочисленной интеллигенціи еще въ нѣдрахъ полуфеодальнаго общества». Эта интеллигенція «совершенно неизбѣжно» должна была «занять» «руководящее положеніе» «при первыхъ же раскатахъ революціонной грозы», ибо она «съ наибольшимъ успѣхомъ» выражала «всѣ нужды и надежды національнаго освободительнаго движенія». «Вотъ почему интеллигенція могла въ извѣстный періодъ, если не убѣдить, то подчинить даже такіе элементы населенія, которые теперь находятъ свой символъ вѣры, главнымъ образомъ, въ октябристской платформѣ и для которыхъ крайнимъ предѣломъ либерализма является правое крыло кадетской партіи». Въ томъ, что она дѣлала «общее дѣло», «и заключается секретъ громаднаго вліянія и безпримѣрнаго успѣха демократической интеллигенціи въ періодъ политическаго подъема, когда она или стояла во главѣ или была главнымъ дѣятелемъ всѣхъ борющихся организацій—и буржуазныхъ, и пролетарскихъ». Ея лозунги — «широкія соціальныя реформы и политическое народовластіе»—были лозунгами, «съ которыми шли въ бой демократическая интеллигенція и сплотившіеся вокругъ нея передовые слои трудящихся классовъ» [4]).

Такимъ образомъ, не пролетаріатъ шелъ впереди и не онъ силою своего авангарднаго движенія оказывалъ все нарастающее вліяніе какъ на пробужденіе къ политической жизни остальныхъ общественныхъ классовъ и группъ, такъ и на ихъ взаимную группировку въ освободительной

---

[1]) См. ст. Іорданскаго «Политическая мель», 1909 г., декабрь.
[2]) См. ст. Іорданскаго «Кризисъ интеллигенціи», 1908 г., февраль.
[3]) Тамъ-же, стр. 89—95.
[4]) Тамъ-же.

борьбѣ, а наоборотъ, интеллигенція оплачивала эти классы и группы вокругъ себя, какъ общественнаго класса-гегемона, являвшагося и средоточіемъ передовыхъ слоевъ трудящихся классовъ, и силой, подчинявшей себѣ даже и тѣ элементы, которые въ настоящее время реакціи идутъ за октябристами. И такъ дѣло обстояло до самаго «распада освободительной арміи», до черныхъ дней разгрома революціи...

Но дальше: что было—по мнѣнію Іорданскаго—потомъ, что сталось съ демократіей, съ «уполномоченнымъ націи»?

Былъ моментъ, когда Іорданскій полагалъ, что демократическая интеллигенція умираетъ или уже умерла и тогда, воздавая ей должное за прошлое, онъ обращался къ ея остаткамъ съ приглашеніемъ «разстаться съ горделивымъ стремленіемъ быть внѣклассовой группой» и примкнуть къ пролетарскому движенію [1]).

Но уже вскорѣ затѣмъ, послѣ этого мрачнаго начала 1908 года, мы узнаемъ отъ Іорданскаго, что «на крайнемъ лѣвомъ флангѣ русской общественности... далеко не утрачена живая вѣра въ свои силы и добрая готовность бороться за свои идеалы» [2]).

Еще нѣсколько позже онъ сообщаетъ, что «великая народная скорбь выражается въ демократическихъ слояхъ не безплодными политическими элегіями, а живою и упорною работой мысли надъ вопросомъ: что дѣлать?» — [3]) и только почему-то все медлитъ еще подѣлиться съ читателемъ своими познаніями относительно этой «готовности» къ борьбѣ, относительно содержанія происходящей «живой и упорной работы».

И, наконецъ, въ февралѣ 1910 года искусъ терпѣнія читателя оконченъ, Іорданскій вновь возвѣщаетъ объ этомъ долго жданномъ содержаніи, онъ говоритъ о томъ, «что дѣлать?»—и дѣлать, оказывается, надо именно то,—«что дѣлается».

Дѣлается, кѣмъ? Выходящимъ изъ депрессіи пролетаріатомъ? Тѣми остатками интеллигенціи, которые остались ему вѣрными и вмѣстѣ съ его передовыми сознательными элементами бьются надъ вопросами о томъ, какъ оживить его энергію и возсоздать коллективъ?

Нѣтъ, у Іорданскаго рѣчь идетъ о дѣланіи «наиболѣе многочисленной части нашей демократіи», о «лѣвой интеллигенціи», ставшей «дѣловитой» и ведущей «раздробленную борьбу»—«частичную борьбу въ мѣстномъ масштабѣ», накопляющую силы и организаціи «въ лабораторіи мѣстныхъ нуждъ и интересовъ». Это именно къ ней адресуется его обращеніе, гласящее, что «нужно дѣлать то, что дѣлается» и «принимать самое дѣятельное участіе въ частичныхъ проявленіяхъ общественной борьбы, на которыя разбилось объединенное освободительное движеніе» [1]).

---

1) Тамъ же, стр. 89—95.

2) См. ст. Іорданскаго «Философія тюремной рѣшетки», «Совр. Міръ», 1909 г. январь, стр. 143.

3) См. ст. Іорданскаго «Безплодный пессимизмъ», 1909 г. Ноябрь, стр. 137.

А чтобы не оставлять у читателя сомнѣній, о какой демократіи и какой «частичной борьбѣ» говорится, Іорданскій комментируетъ:

«Бывшіе нелегальные, профессіональные революціонеры — пишетъ онъ — агенты различныхъ комитетовъ, уцѣлѣвшіе въ бурные годы, возвращаются къ болѣе опредѣленнымъ и прочнымъ профессіямъ. Многіе успѣли уже закончить прерванное нѣкогда высшее образованіе и заняли опредѣленное общественное положеніе въ качествѣ адвокатовъ, врачей, инженеровъ... И многіе изъ нихъ въ новой, дѣловой жизни сохранили старыя привычки къ общественной работѣ. Но они прилагаютъ силы въ иныхъ точкахъ: земскомъ и городскомъ самоуправленіи, въ различныхъ общественныхъ организаціяхъ. Пока ихъ работа идетъ ощупью, съ промахами, неувѣренно, на личный страхъ и рискъ, такъ какъ старая тактика еще слишкомъ мало разработала вопросъ объ открытыхъ организаціяхъ, кромѣ вопроса о профессіональныхъ организаціяхъ. Но работа идетъ и будетъ идти, играя роль одного изъ мостовъ между старыми и назрѣвшими новыми формами партійныхъ организацій. «Дѣловое» настроеніе демократіи позволяетъ думать, что вліяніе демократическихъ пришельцевъ въ старыхъ общественныхъ организаціяхъ скоро можетъ достигнуть замѣтной величины» [2]).

Итакъ, надо дѣлать то, что дѣлается,—«въ старыхъ общественныхъ организаціяхъ»—демократіей инженеровъ, врачей, адвокатовъ; и то, что здѣсь ими дѣлается, и есть новая «тактика»—«мостъ между старыми и назрѣвшими новыми формами партійной организаціи».

Мы видимъ, такимъ образомъ, что съ теченіемъ временъ въ ходѣ злѣйшей контр-революціи и общепризнаннаго бѣгства интеллигенціи изъ рядовъ соціалдемократіи, нашъ старый «уполномоченный націи», демократическая интеллигенція, «лѣвая демократія» тожъ, постепенно превращается въ глазахъ Іорданскаго въ нелишенный пикантности видъ соціалдемократіи—инженеровъ, адвокатовъ, врачей, творящихъ, будто-бы, своею дѣятельностью въ «старыхъ общественныхъ организаціяхъ» какія то новыя партійныя формы.

И къ той же, должно быть, творящей формѣ не то демократіи, не то соціалдемократіи принадлежатъ и писатели, засѣдавшіе весной прошлаго года, подъ эгидой г. Градовскаго, на 2-мъ писательскомъ съѣздѣ. По крайней мѣрѣ, въ статьѣ, озаглавленной «Съѣздъ литературной демократіи», мы читаемъ о нихъ у Іорданскаго: «И второй съѣздъ смѣло можетъ дать отчетъ демократіи, которой служатъ его участники. Самостоятельность политической мысли, преодолѣвшей и лукавую агитацію кадетскаго либерализма и искреннюю, но ошибочную проповѣдь растерявшейся части демократіи; послѣдовательность демократическаго настроенія; умѣніе конкретизировать принципіальныя стремленія въ яоныхъ

---

1) См. ст. Іорданскаго «Что дѣлается и что дѣлать», 1910 г. февраль, стр. 123.
2) «Совр. Міръ» 1910 г., май, стр. 111.

тактическихъ формулахъ; политическая бодрость, свойственная дѣятелямъ, связаннымъ съ жизнью неистребимыхъ народныхъ массъ; — эти черты второго съѣзда писателей, несомнѣнно, доставятъ ему замѣтное мѣсто и въ исторіи русской печати, и въ исторіи русской общественности» [1]).

Здѣсь не мѣсто, разумѣется, входить въ обсужденіе той роли, которую въ дѣйствительности сыгралъ этотъ съѣздъ; но для всякаго, имѣющаго представленіе о съѣздѣ, несомнѣнно одно: чтобы придти отъ него въ состояніе, близкое къ восторгу, нужно быть политическимъ дѣятелемъ, чрезвычайно покладистымъ и до-нельзя довольствующимся малымъ.

И такимъ покладистымъ, такимъ политически-нетребовательнымъ оказался—о ужасъ!—радикалъ, крайній лѣвый, «антиликвидаторъ», хранитель традицій—Іорданскій.

Мнѣ кажется, это штрихъ, дорисовывающій характеристику демократа Іорданскаго; это такъ же характерно для него, какъ и для цѣлой разновидности интеллигентской демократіи и особенно, конечно, демократіи эпохи упадка, неорганизованной, въ своемъ существѣ далекой отъ движенія рабочихъ массъ и не ощущающей подъ своими ногами никакого, сколько-нибудь прочнаго, общественно-народнаго базиса.

Съ этой демократіей постоянно случаются исторіи: пообѣщаетъ «великое кровопролитіе», а на дѣлѣ «чижика съѣстъ», размахнется своимъ презрѣніемъ къ «малымъ дѣламъ», великолѣпнымъ жестомъ отброситъ отъ себя культурничество, какъ «дѣловую кооперацію полинявшей марксистской демократіи съ растущей мелкой буржуазіей деревень и городовъ» [2]), а затѣмъ—какъ ни въ чемъ не бывало, преспокойно поползетъ къ этимъ самымъ «малымъ дѣламъ» и сочинитъ для нихъ новую формулу «раздробленной», «частичной» борьбы. Но и въ томъ, и въ другомъ случаѣ самовлюбленная, канонизирующая себя въ своемъ прошломъ и всегда довольная собой въ настоящемъ, она молодцевато стоитъ въ горделивой позѣ несравненнаго радикализма!

Бѣда только въ томъ, что въ извѣстныхъ случаяхъ и радикальная поза не спасаетъ, и демократъ Іорданскій попадаетъ, напр., всякій разъ въ смѣшное положеніе, когда ему приходится, правда, не часто на страницахъ «Совр. Міра»—измѣняя своему обычному призванію, на томъ или иномъ вопросѣ выявлять другую сторону своей публицистической дѣятельности и опредѣлять себя, какъ соціалдемократа. Тогда-то и начинается хаосъ, и передъ нами вмѣсто присяжнаго идеализатора «лѣвой демократіи» выступаетъ Іорданскій—трансформистъ, «брюнетъ» или «блондинъ»—смотря по обстоятельствамъ.

Мы видѣли только что одну изъ его трансформацій: онъ перевернулся въ вопросѣ о культурничествѣ. Но онъ съ такою же ловкостью—

---

1) Тамъ же, стр. 119.

2) См. ст. «Гаденькій вальсъ и поглупѣвшая марсельеза», «Совр. Міръ», мартъ 1908 г., стр. 99—100.

«безъ борьбы, безъ думы роковой»,—перевертывался и въ цѣломъ рядѣ другихъ, не менѣе важныхъ вопросовъ.

Такъ, вопросъ объ организаціи: четыре года назадъ онъ заявлялъ, что «одряхлѣніе и вывѣтриваніе революціонныхъ соціалистическихъ организацій» [1]) ставитъ передъ соціалдемократами задачу старое идейное содержаніе влить въ новыя формы. Теперь онъ, конечно, остерегается заикаться объ этихъ «одряхлѣніи» и «вывѣтриваніи» и о вытекающей изъ нихъ очередной задачи соціалдемократіи,—онъ молчитъ, хотя бы потому, что онъ... антиликвидаторъ!

И точно также въ вопросѣ о соціальномъ развитіи Россіи и о соотношеніи въ ней общественныхъ силъ; то буржуазные классы зачислены въ составъ освободительнаго и даже «народнаго движенія», то они скинуты со счетовъ, и всѣ буржуазныя партіи объявлены фатально страдающими октябристскимъ реакціоннымъ устремленіемъ. То мелкобуржуазная демократія наканунѣ того дня, чтобы сдѣлаться возможнымъ «преемникомъ»—«отъ кадетской партіи»—«идеи національнаго освобожденія Россіи», то ею даже и не пахнетъ и ей просто нѣтъ мѣста среди движущихъ силъ обновленія, и обновленіе оказывается «дѣломъ» одного лишь пролетаріата, ибо только «въ руки» пролетаріата «исторія» «передала» освободительную миссію [2]).

А вопросъ о гегемоніи—это «классическое положеніе русскаго марксизма»?

Изъ-за него нашъ хранитель традицій пустился въ походъ на супостатовъ, и онъ же, точно въ насмѣшку надъ этимъ «положеніемъ», сочинилъ свою отнюдь не классическую идею гегемонія интеллигенціи въ борьбѣ до революціонной и революціонной Россіи!

А концепція большевизма?—Большевизмъ—мелкобуржуазное теченіе, вмѣстѣ съ народничествомъ плывущее по отдѣльному отъ соціалдемократическаго теченія руслу [3]). И большевизмъ—ближайшій соратникъ въ борьбѣ за чистоту соціалдемократическихъ принциповъ!

Словомъ, ни одного установившагося понятія, всѣ понятія танцуютъ какой то разудалый кэкъ-уокъ, и серьезный до трагизма вопросъ соціалдемократіи о томъ, что дѣлать, разрѣшается—демократическимъ фарсомъ при ближайшемъ участіи «инженеровъ, адвокатовъ, врачей».

Веселая литература, что и говорить!..

Какъ видитъ читатель, въ эпоху упадка произрастаютъ не одни лишь цвѣты унынья и растерянности, есть и веселые пейзажи, есть и бойко идущія, весело торгующія фирмы. Но чѣмъ веселѣе торгуютъ

---

[1]) См. рецензію Н. І. на «Исторію соціализма въ Италіи» Анджіолини, «Совр. Міръ», май 1907 г., стр. 112.

[2]) Ср. ст. «Вопросы текущей жизни», февраль 1907 г., стр. 114—118 и ст. „Политическая мель", декабрь 1909 г., стр. 117.

[3]) См. ст. „Вопросы текущей жизни", февр. 1907 г., стр. 114—116.

эти фирмы товаромъ «марксизма», тѣмъ настоятельнѣе встаетъ передъ всѣми соціалдемократами вопросъ: какъ достигнуть того, чтобы литература товарооборота принуждена была уступить свое мѣсто литературѣ движенія?

Другими словами: какъ возсоздать литературу движенія? какъ создать литературу, которая уже не будетъ, однако, по прежнему литературой кружковой интеллигенціи, а явится, дѣйствительно, подлинной литературой сознательнаго пролетаріата?

Надъ этимъ, мнѣ думается, пора поработать коллективной волѣ соціалдемократіи.

А. Потресовъ.

Поступившія въ редакцію изданія.

Каринъ Михаэлисъ. Опасный возрастъ. Книгоизд-во «Энергія» М. 1911 г. Ц. 85 к.

«Наши Дни». Литер. альманахъ. СПБ. 1911 г. Ц. 50 к.

С. Елпатьевскій. Египетъ. Изд. «Обществ. Польза» Спб. 911 г. Ц. 1 р.

П. Понятенко. Значіння рідної мови для поэтичної творчести Шевченка. Видавництво «Заря». Ц. 5.

Евг. Лозинскій. Левъ Толстой объ интеллигенціи и рабочемъ вопросѣ. Изд. автора. Спб. Ц. 10 к.

С. Ашевскій. Бѣлинскій въ оцѣнкѣ его современниковъ. СПБ. 1911 г. Ц. 1 р. 25 к.

В. О. Барановъ. Цѣнность жизни и основныя начала міропониманія. Изд. «Посѣвъ» СПБ. Ц. 50 к.

Де-Ламетри. Человѣкъ машина. Перев. съ вступ. статьей Вик. Констанса. Изд. М. И. Семенова. СПБ. 911 г. Ц. 1 р.

Ѳ. В. Езерскій. Дневникъ. 14 марта. СПБ. М. 1911 г. ц. 15 к.

Издатель А. Э. Дюбуа. **Редакторъ О. В. Федорченко.**

НАША ЗАРЯ

СОДЕРЖАНІЕ:

М. ПАВЛОВИЧЪ. Россійское купечество и русско-китайскій конфликтъ.

П. МАСЛОВЪ. Резервная рабочая армія.

Д. Кольцовъ. Бельгійскіе марксисты о Бельгійскомъ рабочемъ движеніи.

Вл. Розановъ. Законъ о государственномъ страхованіи рабочихъ въ рейхстагѣ.

Д. Заславскій. О современномъ „мальчикѣ въ штанахъ".

Иностранное обозрѣніе:

Л. МАРТОВЪ. Редикалы и рабочіе во Франціи.

С. ДАЛИНЪ. Начало избирательной борьбы въ Германіи.

Политическое обозрѣніе:

М. Б-ОВЪ. Волостное земство.

В. ЛЕВИТСКІЙ. Открытое движеніе и частичныя права.

МАРТОВЪ. Бѣглыя замѣтки. Соціалисты противъ рабочихъ?

А. ПОТРЕСОВЪ. Критическіе наброски. П. Ф. Якубовичъ (П. Я.).

№ 4. СПБ. 1911 Ц. 30 к.

НАША ЗАРЯ.

Ежемѣсячный журналъ

№ 4.

АПРѢЛЬ.

1911 годъ.

Оглавленіе.

Стр.

1) М. Павловичъ. Россійское купечество и русско-китайскій конфликтъ 3
2) П. Масловъ. О «резервной рабочей арміи» 15
3) Кольцовъ. Бельгійскіе марксисты о бельгійскомъ рабочемъ движеніи 25
4) Вл. Розановъ. Законы о государственномъ страхованіи рабочихъ въ германскомъ рейхстагѣ 33
5) Заславскій. О современномъ «мальчикѣ въ штанахъ» . . 42

Иностранное обозрѣніе:

6) Л. Мартовъ. Радикалы и рабочіе во Франціи 49
7) С. Далинъ. Начало избирательной борьбы въ Германіи . . 58

Политическое обозрѣніе:

8) М. Б—овъ. Волостное земство 64
9) В. Левицкій. Открытое движеніе и «частичныя» права . . 71
10) Л. Мартовъ. Бѣглыя замѣтки: Соціалисты противъ рабочихъ? 76
11) А. Потресовъ. Критическіе наброски П. Ф. Якубовичъ. 80
12) А, Ерманскій, Письмо въ редакцію 84

Типографія товарищества „Общественная Польза“, Бол. Подъяческая, 39.

Бѣглыя замѣтки.

Соціалисты противъ рабочихъ?

Мнѣ пишутъ, что нѣкоторые извѣстные русскіе соціалдемократы рѣшительно противодѣйствуютъ ведущейся въ петербургскихъ рабочихъ кругахъ «петиціонной кампаніи» въ защиту права коалицій. Я получаю считающую себя марксистскимъ органомъ «Звѣзду» и съ удивленіемъ вижу, что этотъ органъ старается какъ можно меньше писать объ этой кампаніи въ то самое время, какъ нѣкоторые русскіе органы по ту и сю сторону Вержболова уже прямо нападаютъ на это движеніе.

Въ другомъ мѣстѣ я намѣренъ подробнѣе поговорить о значеніи начатой кампаніи, объ ея историческомъ оправданіи и тактической цѣлесообразности. Здѣсь мнѣ необходимо остановиться на одномъ моментѣ, выясненіе котораго представляется мнѣ имѣющимъ первостепенное значеніе.

Недавно одинъ парижскій органъ опубликовалъ письмо Г. В. Плеханова по поводу студенческихъ волненій. Плехановъ, между прочимъ, писалъ, что онъ лично данную форму движенія не считаетъ цѣлесообразной, но, разъ движеніе возникло въ такой именно формѣ, соціалистъ обязанъ его поддерживать (въ виду его общаго положительнаго прогрессивнаго значенія).

Такая тактика, кажется мнѣ, является принципіально-обязательной по отношенію ко всякому демократическому движенію. Она, конечно, не исключаетъ ни критики данныхъ формъ движенія, ни попытки воздѣйствовать на расширеніе его содержанія, буде въ такомъ расширеніи оно, съ точки зрѣнія критиковъ, нуждается.

По отношенію къ движеніямъ, возникающимъ въ рабочемъ классѣ, руководствуемся ли мы противоположнымъ критеріемъ?

Да, если мы—соціалистическіе сектанты. Тогда мы отрицаемъ всякую политическую инициативу за отдѣльными группами рабочаго класса и признаемъ себя обязанными бороться со всякимъ движеніемъ, схема котораго не выработана заранѣе въ кабинетѣ нашихъ теоретиковъ. Фурьеристы и оуэнисты отрицали движеніе въ пользу всеобщаго избирательнаго права, бланкисты 60-хъ годовъ и лассальянцы—движеніе въ пользу свободы коалицій и т. д., и т. д., вплоть до примѣровъ, которые, «чтобы гусей не дразнить», я не стану заимствовать изъ нашей практики 1904—6 гг.

Если мы не сектанты, то мы помнимъ положеніе «Манифеста» (авторы послѣдняго годятся не только для того, чтобы расшаркиваться впередъ ихъ именами, но и чтобы слѣдовать духу ихъ ученія) о томъ,

что «коммунисты», не составляя особой секты въ движеніи, не ставятъ себѣ никакихъ сепаратныхъ цѣлей, которыя бы ихъ самихъ противопоставляли остальнымъ рабочимъ группамъ; что въ каждомъ конкретномъ выступленіи класса они лишь выдвигаютъ общіе интересы движенія въ цѣломъ.

Это—азбука. Слѣдуя ей, мы должны придти къ выводу, что марксистъ обязанъ активно поддерживать всякое конкретное выступленіе рабочихъ, если частныя задачи этого выступленія *не идутъ въ разрѣзъ* съ общими интересами класса, лежатъ на ихъ линіи. Онъ, слѣдовательно, не долженъ поддерживать какого-нибудь движенія американскихъ рабочихъ противъ иммиграціи «желтыхъ», какого-нибудь цехового движенія; но онъ обязанъ поддержать движеніе, пишущее на своемъ знамени свободу коалиціи для всѣхъ рабочихъ.

«Петиціонная кампанія» написала это требованіе. Оно значится въ программѣ русскихъ марксистовъ; къ нему постоянно возвращаются въ своихъ выступленіяхъ думскіе депутаты.

Эту кампанію ведутъ рабочіе, которые послѣ 1905 года сумѣли организовать и продолжаютъ организовывать различные «легальные» союзы. *Желательность* этой ихъ работы, ея значеніе для всего рабочаго класса—хотя бы эти союзы при данныхъ условіяхъ могли фактически собрать лишь небольшіе кадры—признаны всѣми марксистами. Если, тѣснимые со всѣхъ сторонъ, эти рабочіе организуютъ политическую агитацію съ цѣлью привлечь всеобщее вниманіе къ борьбѣ союзовъ за свое существованіе, то обязанность каждаго *либерала*, каждаго *демократа* и, конечно, каждаго соціалиста поддержать эту агитацію. Отъ этой обязанности меня не освобождаетъ то обстоятельство, что я лично предпочелъ бы или счелъ бы болѣе «благовременнымъ» поставить въ центрѣ агитаціи другую, съ моей точки зрѣнія, болѣе важную задачу. Ибо, если я опять таки не сектантъ и если я считаю другую задачу болѣе важной, то я лишь буду стараться о томъ, чтобы агитація вокругъ перваго лозунга *не противопоставлялась* борьбѣ за другія частныя задачи, не вытѣсняла въ сознаніи массъ представленія объ общихъ задачахъ движенія.

Я говорю все время о движеніи, организуемомъ рабочими дѣятелями открытыхъ рабочихъ организацій Петербурга. Мнѣ отвѣтятъ: идея подсказана «ликвидаторами»—опредѣленными кружками марксистовъ, которые у другихъ кружковъ слывутъ за ревизіонистовъ.

Сектантство, отвѣчу я, въ томъ и проявляется, что этотъ вопросъ о *происхожденіи инициативы* можетъ заслонить собой вопросъ объ оцѣнкѣ содержанія движенія; что, говоря по просту, многіе противодѣйствуютъ данной кампаніи лишь потому, что въ ней инициативную роль играютъ *фракціонные противники*.

Конечно, можетъ быть, и такое отношеніе къ данному движенію, которое принципіально отрицаетъ борьбу за свободу коалиціи до тѣхъ поръ, пока не рѣшены предварительно общія политическія проблемы. Съ этой точки зрѣнія, данное движеніе вредно, ибо отклоняетъ мысль рабочихъ отъ общихъ преобразованій. Такая точка зрѣнія вполнѣ умѣстна для буржуазнаго либерала, который предлагаетъ не поднимать въ политической формѣ рабочій вопросъ, пока не рѣшенъ вопросъ конституціонный. Если—по другимъ мотивамъ—такъ смотрятъ соціалисты, пусть выскажутся, милости просимъ!

Возможна другая точка зрѣнія, при которой люди признаютъ полезность борьбы за свободу коалицій, но не желаютъ, чтобы эта борьба массами велась въ какой-нибудь связи съ Думой. Это послѣдовательно для—эс-эровъ и «отзовистовъ»; нелѣпо для марксистовъ, отказавшихся отъ бойкота III Думы.

Наконецъ, безусловно имѣются люди, признающіе связь такой борьбы съ Думой, но не желающіе, чтобы эта связь осуществлялась въ петиціяхъ самихъ рабочихъ въ Думу. Пусть рабочіе посылаютъ заявленія депутатамъ, а депутаты вносятъ предложенія и запросы въ Думу.

Люди такіе имѣются, но точки зрѣнія у нихъ не имѣется. Ибо нельзя ничего придумать нелѣпѣе этого желанія, чтобы рабочіе участвовали въ политической борьбѣ, крупные эпизоды которой должны разыграться въ Думѣ, и въ то же время не «пачкались» соприкосновеніемъ съ этой самой Думой.

Если въ рабочихъ не вызываетъ вредныхъ иллюзій тотъ фактъ, что ихъ депутаты вносятъ на разсмотрѣніе всей Думы свои законопроекты, то ихъ не вызоветъ и фактъ подачи самими рабочими заявленій, адресованныхъ всей Думѣ. Нѣтъ хуже «парламентскаго кретинизма», чѣмъ тотъ, который довѣряетъ «вождямъ», что ихъ не развратитъ постоянное общеніе съ черносотенно-октябристскимъ большинствомъ, и который боится, что на «толпу» такое одновременное общеніе подѣйствуетъ губительно.

Да, но вѣдь, въ Думу обращаются съ «ходатайствомъ»? съ «слезницами»?

Демагогическая ложь или достойная демагоговъ политическая безграмотность! Петиція, адресуемая законодательному учрежденію, ничего общаго не имѣетъ съ ходатайствомъ, она есть требованіе. Прошлогоднюю петицію милліоновъ прусскихъ рабочихъ о всеобщ. изб. правѣ, внесенную въ черносотенно-юнкерскій ландтагъ, только пустѣйшіе изъ анархистовъ считали «ходатайствомъ». Великая петиція чартистовъ представляетъ до сихъ поръ самый славный эпизодъ въ исторіи англійскаго рабочаго движенія.

Итакъ, откуда бы ни подана была идея, она воспринимается самими заинтересованными—тѣми слоями рабочихъ, которые вели въ теченіе этихъ лѣтъ борьбу за существованіе легальныхъ организацій. Эти рабочіе пытаются проводить «петиціонную кампанію». Лично я придаю послѣдней громадное значеніе. Я вполнѣ подписываюсь подъ словами передовой статьи «Лейпцигской Народ. Газеты», которая пишетъ (слушайте литераторы изъ «Звѣзды»!):

«Кампанія вокругъ права коалиціи, начинающаяся петиціей, является первымъ политическимъ выступленіемъ русскаго рабочаго класса со времени побѣды контръ-революціи». Вмѣстѣ съ этой газетой, я думаю, что долгъ марксистовъ не просто «поддержать» эту кампанію, а «централизовать и организовать», «углубить и расширить» ее. Но это будетъ черезчуръ «по нѣмецки» для иныхъ «истинно-русскихъ» соціалистовъ. Съ нихъ достаточно, если они сочтутъ своимъ долгомъ не срывать этой попытки передовыхъ рабочихъ, не дезорганизовывать ее, не играть въ руку капиталистамъ и правительству разслабленіемъ пробуждающейся энергіи рабочихъ. Они совершатъ почти гражданскій подвигъ, если стоя, передъ фактомъ помимо ихъ проявившейся иниціативы, рѣшительно воздержатся отъ попытки прививать русскимъ рабочимъ ту опасную мысль, что на пути къ возрожденію ихъ, какъ политически самодѣятельнаго класса, прежде всего стоятъ обломки фракцій, превратившіеся въ секты, глубоко чуждыя всему духу современнаго рабочаго движенія. Опасную мысль о томъ, что въ Россіи существуютъ соціалисты, считающіе себя марксистами, которые готовы противодѣйствовать классовой борьбѣ рабочихъ.

Если газета «Звѣзда» (въ числѣ сотрудниковъ которой, если не ошибаюсь, числятся Г. В. Плехановъ, депутатъ Покровскій и др.) можетъ сказать о «петиціонной кампаніи» лишь нѣчто такое, что способно внушить рабочимъ столь вредную мысль, то, пожалуй, и лучше, что «Звѣзда» молчитъ въ этомъ вопросѣ. Это тоже зачтется, какъ заслуга передъ рабочимъ движеніемъ.

Тѣмъ энергичнѣе пусть говорятъ о начавшемся движеніи тѣ, которые въ классовой борьбѣ не преслѣдуютъ никакихъ своихъ особыхъ задачъ, противопоставленныхъ общимъ интересамъ рабочаго класса, которымъ нечего бояться пробужденія политической самодѣятельности въ его средѣ!

Л. Мартовъ.

НАША ЗАРЯ

СОДЕРЖАНІЕ:

М. НЕВѢДОМСКІЙ. Къ столѣтней годовщинѣ Бѣлинскаго.

П. МАСЛОВЪ. Теорія дифференціальной заработной платы.

П. Б. АКСЕЛЬРОДЪ. Объ антиликвидаторствѣ и его историческихъ корняхъ.

А. МАРТЫНОВЪ. Экономическая программа кадетизма.

К. ЗАЛЕВСКІЙ. Изъ польскаго пролетарскаго движенія.

В. ЕЖОВЪ. Памяти Богдана Кнуньянца.

Б. РАДИНЪ-КНУНЬЯНЦЪ. Одинъ изъ итоговъ.

Иностранное обозрѣніе:

В. РОЗАНОВЪ. Выборы въ Австріи.

Политическое обозрѣніе:

Л. МАРТОВЪ. Политическій кризисъ.

М. Б-ОВЪ. Государственный соціализмъ отечественнаго производства.

Д. ЗАСЛАВСКІЙ. Изъ жизни: Съѣздъ фабричныхъ врачей. Рейнботъ и Рейнботовщина.

Ю. ЧАЦКІЙ. Жизнь побѣждаетъ (отвѣтъ „Звѣздѣ“).

№ 5. СПБ. 1911 Ц. 30 К.

НАША ЗАРЯ.

Ежемѣсячный журналъ

№ 5.

МАЙ.

1911 годъ.

Оглавленіе.

Стр.

1) М. Невѣдомскій. Къ столѣтней годовщинѣ В. Г. Бѣлинскаго 3
2) П. Масловъ. Теорія дифференціальной заработной платы . 10
3) П. Б. Аксельродъ. Объ «антиликвидаторствѣ» и его историческихъ корняхъ 20
4) А. Мартыновъ. Экономическая программа кадетизма 28
5) К. Залевскій. Изъ польскаго пролетарскаго движенія . . . 38
6) В. Ежовъ. Памяти Богдана Кнуньянца 47
7) Б. Радинъ-Кнуньянцъ. Одинъ изъ итоговъ. 50

Иностранное обозрѣніе:

8) В. Розановъ. Выборы въ Австріи 60

Политическое обозрѣніе:

9) Л. Мартовъ. Политическій кризисъ 65
10) М. Б—овъ. Государственный соціализмъ отечественнаго производства. 70
11) Д. Заславскій. Изъ жизни (съѣздъ фабричныхъ врачей. Рейнботъ и Рейнботовщина) 75
12) Ю. Чацкій. Жизнь побѣждаетъ. 81

Типографія товарищества „Общественная Польза“, Бол. Подъяческая, 39.

своего труда. Поэтому квалифицированный рабочій не получаетъ особой доплаты за „затраченный капиталъ“, какъ за интеллигентскій трудъ. Точно также квалифицированный рабочій мускульнаго труда не получаетъ и монопольной ренты, потому что всякій рабочій (или мальчикъ), послѣ предварительнаго обученія, можетъ исполнять то, что исполняетъ всякій другой.

Въ монопольномъ положеніи находятся только мастера, назначенные администраціей фабрики, такъ какъ положеніе мастера недоступно всѣмъ рабочимъ, обучавшимся данной работѣ, а доступно именно назначеннымъ лицамъ.

Итакъ, высота заработной платы рабочихъ мускульнаго труда въ индустріи опредѣляется высотой заработной платы чернорабочихъ изъ раіоновъ съ наибольшей рабочей резервной арміей.

Нужно, слѣдовательно, выяснить, чѣмъ опредѣляется заработная плата этихъ рабочихъ.

Изъ изложенныхъ нами соображеній вытекаетъ выводъ, что, дѣйствительно, у различныхъ категорій рабочихъ существуютъ различныя нормы оплаты труда, но во 1-хъ эти нормы опредѣляются не производительностью „опредѣляющаго“ рабочаго, а нормой заработной платы чернорабочихъ, которая, какъ увидимъ опредѣляется средствами, необходимыми для существованія рабочаго. Во 2-хъ, рабочіе не получаютъ никакой ренты, а получаютъ лишь оплату за всѣ предварительныя лишенія, съ которыми связано обученіе какой нибудь спеціальности. Рента получается лишь мастерами и дипломированными спеціалистами, сближая ихъ съ положеніемъ капиталиста.

П. Масловъ.

П. Б. Аксельродъ объ „антиликвидаторствѣ“ и его историческихъ корняхъ.

III.[*]).

До сихъ поръ мы разсматривали лозунги большевизма и меньшевизма наканунѣ революціи почти исключительно съ точки зрѣнія ихъ соотвѣтствія принципамъ и ближайшимъ задачамъ партіи.

Теперь необходимо подвергнуть ихъ критикѣ со стороны ихъ осуществимости, другими словами—соотвѣтствія ихъ историческимъ условіямъ русской революціи. Недостаточно показать принципіальную несовмѣстимость извѣстныхъ лозунговъ съ опредѣленными принципіально-тактическими воззрѣніями. Слѣдуетъ еще выяснить, что въ той конкретной національно-исторической обстановкѣ, въ которой возникла и развилась русская революція, были на лицо условія, дѣлавшія возможнымъ проведеніе въ жизнь принципіально-тактическихъ взглядовъ международной соц. демократіи. Въ такія отсталыя въ соціально-политическомъ отношеніи страны, какъ Турція илиПерсія въ послѣднее время то-же проникаютъ марксистскія идеи, но всякому ясно, что тамъ во время революціи мыслимо было существованіе соц. дем. кружковъ, ведущихъ пропаганду, но никоимъ образомъ не соц. демократической партіи, ведущей самостоятельную классовую борьбу во главѣ пролетаріата.

---

[1]) См. „Наша Заря“ № № 1 и 3.

Но еще болѣе яркій и поучительный примѣръ представляетъ собой въ этомъ смыслѣ тактика членовъ «Союза Коммунистовъ» въ Германіи во время революціи 1848 г. Тамъ «Союзъ Коммунистовъ“ [1]), издавшій наканунѣ революціи 48 г. свой манифестъ, пересталъ существовать съ наступленіемъ самаго революціоннаго періода, растворившись въ демократическихъ партіяхъ.

Даже сами Марксъ и Энгельсъ, и ихъ ближайшіе единомышленники стали во главѣ «Neen Rheinische Zeitung» (Нов. Рейнск. Газеты), оффиціальнаго органа демократической, а не соціалистической партіи.

Имѣя въ виду эти примѣры, естественно спросить себя, не являлась ли большевистская тактическая линія, принципіально осужденная нами, наиболѣе осуществимой — или даже единственно возможной — въ условіяхъ развитія русской революціи, и не стояла ли, наоборотъ, меньшевистская тенденція,—основать всю тактику на мысли объ использованіи революціоннаго періода для ускоренія процесса организаціи пролетаріата въ самостоятельную классовую партію, — въ непримиримомъ противорѣчіи съ этими условіями?

Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, надо имѣть въ виду прежде всего причины и послѣдствія (для нашего освободительнаго движенія) того факта, что роль иниціатора, застрѣльщика и организатора борьбы съ абсолютизмомъ у насъ въ Россіи выпала съ самаго начала на долю радикальной интеллигенціи. Въ странахъ классическихъ буржуазныхъ революцій, Франціи и Англіи, напр.—эта роль досталась оффиціальнымъ органамъ и общественнымъ организаціямъ привилдегированныхъ сословій и ихъ авторитетнымъ вождямъ. Во Франціи антиправительственная оппозиція этихъ сословій обусловлена была реакціонными ихъ интересами въ Англіи, наоборотъ, болѣе или менѣе прогрессивными, но такъ или иначе, въ обоихъ случаяхъ, она выражала общее недовольство націи старымъ порядкомъ. Она способствовала пробужденію духа протеста и оппозиціи въ другихъ слояхъ населенія и, въ концѣ концовъ, давала толчекъ стихійному выступленію широкихъ народныхъ массъ на арену борьбы противъ стараго режима. Радикальная же демократія выступила въ названныхъ странахъ въ роли самостоятельной силы только уже *послѣ* того, какъ старая власть фактически была обезсилена или даже совершенно упразднена, и дѣло шло лишь о томъ, закрѣпить ли результаты побѣды за всѣмъ народомъ, или же лишь за имущими классами. Въ подготовительный же періодъ революціи радикально-демократическіе идеологи, поскольку они существовали—они отнюдь не представляли собой организаціонно политически-оформленнаго элемента, а являлись лишь суммой изолированныхъ, разсѣянныхъ въ общеоппозиціонномъ лагерѣ лицъ.

Въ Россіи же прогрессъ политическаго самоопредѣленія различныхъ элементовъ оппозиціи совершился хронологически въ обратной послѣдовательности. Это было обусловлено, главнымъ образомъ, соотношеніемъ силъ государственной власти и общества, сложившимся въ результатѣ многовѣкового историческаго развитія и оставленнымъ намъ въ наслѣдіе дореволюціонной эпохой. Въ З. Европѣ (особ. же во Фр. и Англіи) высшія сословія унаслѣдовали отъ прежнихъ историческихъ эпохъ гораздо больше средствъ борьбы съ абсолютизмомъ, чѣмъ у насъ, въ то время какъ источники самообороны стараго порядка въ этихъ странахъ были гораздо ограниченѣе.

Нашъ же абсолютизмъ въ XIX в., наоборотъ, опирался на военно-

[1]) „С. Ком.“ былъ-кстати сказать—болѣе рабочимъ по составу, чѣмъ соц. дем. партійная организація въ Россіи до революціи.

административныя средства и финансовые источники капиталистической цивилизаціи Запада, которые было настолько эластичны, что дѣлали его гораздо болѣе независимымъ по отношенію къ высшимъ классамъ и избавляли его отъ необходимости итти на встрѣчу такимъ ихъ требованіямъ (поскольку таковыя даже предъявлялись), какъ созывъ народнаго представительства. Вслѣдствіе всего этого, средства, которыми располагалъ старый режимъ для борьбы съ «внутреннимъ врагомъ», были наканунѣ и въ теченіе подготовительнаго періода нашей революціи слишкомъ велики для того, чтобы съ ними можно было справиться однимъ стихійнымъ взрывомъ. Да и возможность такого стихійнаго взрыва была съ самаго начала отрѣзана указаннымъ перевѣсомъ силъ государства надъ оппозиціонными силами общества.

Это выгодное для абсолютизма соотношеніе силъ сложилось въ результатѣ предыдущаго историческаго развитія, которое совершалось въ теченіе столѣтій подъ вліяніемъ факта борьбы великорусской народности, олицетворяемой государственной властью, съ восточными и западными сосѣдями за свое международное положеніе. Во имя этой борьбы русское государство довело закрѣпощеніе крестьянъ помѣщикамъ до послѣднихъ предѣловъ, закрѣпощая одновременно этихъ послѣднихъ правительству.

Правда до середины XIX вѣка произошли значительныя измѣненія въ положеніи дворянства.

Но все же оно оказалось настолько политически безсильнымъ, что русское правительство могло рѣшиться на уничтоженіе крѣпостного права и, дѣйствительно, провести эту реформу, не давъ въ обмѣнъ привиллегированнымъ сословіямъ никакихъ конституціонныхъ гарантій. Наше дворянство находилось въ слишкомъ большой зависимости отъ государственной власти и было слишкомъ слабо для того, чтобы рѣшиться на сколько-нибудь серьезное сопротивленіе правительству. Тѣмъ не менѣе броженіе періода крестьянской реформы дало толчекъ и создало исходный пунктъ для нашего освободительнаго движенія противъ абсолютизма.

Этотъ фактъ въ связи съ унаслѣдованнымъ въ результатѣ предыдущаго развитія соотношеніемъ силъ, предопредѣлилъ роль и значеніе демократіи въ этомъ движеніи.

Освобожденіе крестьянъ имѣло два важныхъ историческихъ послѣдствія.

Во 1-ыхъ, оно упрочило и закрѣпило и на будущее время непримиримый антагонизмъ крестьянъ и помѣщиковъ, благодаря тѣмъ самымъ условіямъ, на которыхъ совершилась реформа. Всѣ невыгодныя ея стороны были отнесены крестьянствомъ, конечно, за счетъ дворянства, тогда какъ крестьянская вѣра въ символъ освобождающей самодержавной власти еще болѣе укрѣпилась. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ народныхъ массахъ сохранилось недовольство и броженіе, направленныя противъ высшихъ сословій.

Во 2-хъ, разногласія относительно условій освобожденія крестьянъ привели къ ослабленію и безъ того слабый идеологически-прогрессивный лагерь страны, расколовъ его на двѣ враждебныя группы: *либерализмъ*, свившій себѣ гнѣздо внутри дворянства, былъ скомпрометированъ въ глазахъ *демократической* интеллигенціи своей оппортунистической тактикой въ эпоху реформы.

Эта интеллигенція—въ періодъ паденія крѣпостного права и слѣдующихъ за нимъ реформъ сильно возрасла численно и развилась идейно, въ значительной мѣрѣ именно подъ вліяніемъ идейно-литературной борьбы съ крѣпостными и умѣренно-либеральными элементами дворянства по вопросу объ условіяхъ ликвидаціи крѣпостного права.

Въ атмосферѣ этой борьбы, развилось самосознаніе этого новаго слоя, какъ искренняго и послѣдовательнаго защитника народныхъ интересовъ. Если принять во вниманіе, что въ силу безкультурности, экономической слабости и нужды торговопромышленныхъ слоевъ буржуазіи въ опекѣ и покровительствѣ со стороны государственной власти, она, какъ факторъ политической оппозиціи, не входила и не могла входить въ разсчетъ, становится ясно, что либерализмъ въ теченіе всей предреволюціонной эпохи долженъ былъ остаться и остался соціально-безпочвеннымъ и политически безсильнымъ играть роль мало мальски серьезной оппозиціи [1]).

Такимъ образомъ, неудовлетворительное рѣшеніе крестьянскаго вопроса и половинчатость всѣхъ связанныхъ съ нимъ другихъ реформъ сохранивъ недовольство народныхъ массъ своимъ положеніемъ и вызвавъ броженіе въ широкихъ слояхъ демократической интеллигенціи, дало толчокъ къ формированію радикально-демократическихъ элементовъ ея въ самостоятельную революціонную силу, сознающую себя призванной организовать революціонное движеніе противъ соціально-политическаго порабощенія народныхъ массъ.

Но, выдвинувъ на зарѣ освободительнаго движенія противъ стараго режима демократическую интеллигенцію на политическую арену, исторія тѣмъ самымъ возложила на нее и ту подготовительную миссію первоначальнаго возбудителя демократическихъ массъ населенія, которая въ большей части европейскихъ странъ выполнялась въ свое время сначала привиллегированными сословіями, а за ними буржуазно - либеральными идеологами. Но эта миссія въ такомъ видѣ какъ она выполнялась на западѣ высшими классами, не могла быть осуществлена демократической интеллигенціей. Вожди аристократической оппозиціи на Западѣ дѣйствовали возбуждающе на буржуазію и, черезъ буржуазію на болѣе широкіе слои населенія, даже не помышляя объ агитаціонномъ воздѣйствіи на эти слои. Ихъ соціальное положеніе и авторитетное значеніе тѣхъ общественныхъ учрежденій, черезъ которыя они проявляли свою оппозицію правительству, уже сами по себѣ гарантировали въ атмосферѣ общаго недовольства старымъ режимомъ проявленіямъ этой послѣдней широкое возбуждающее дѣйствіе стихійнымъ образомъ.

И если наше дворянство не получило отъ исторіи въ наслѣдство такихъ средствъ сопротивленія и политическаго воздѣйствія на другіе общественные слои, то тѣмъ менѣе могла располагать подобными орудіями косвеннаго политическаго возбужденія радикальная интеллигенція въ силу своего соціальнаго положенія и антагонизма съ высшими классами.

Слѣдовательно,—у нея оставался одинъ только путь—путь прямого непосредственнаго обращенія къ народнымъ массамъ съ цѣлью вызвать ихъ на борьбу противъ существующаго строя. Но тутъ опять-таки на пути къ быстрому воздѣйствію ея на соціальные низы стояли два серьезныхъ препятствія.

Съ одной стороны—соціальная и культурная отчужденность ея отъ этихъ массъ, въ глазахъ которыхъ радикальная интеллигенція сама являлась частью привиллегированныхъ классовъ.

Съ другой—невозможность при данныхъ силахъ самообороны централизованнаго государства вызвать общенародное стихійное движеніе широкихъ массъ въ духѣ Стеньки Разина или Пугачева. Кромѣ того,

---

[1]) Конечно, на судьбѣ нашего либерализма сказалось и вліяніе того факта, что на западѣ его революціонная роль была уже давно сыграна. онъ являлся тамъ идеологическимъ знаменемъ *господствующей* буржуазіи.

надо принять, конечно, во вниманіе и то обстоятельство, что изъ эпохи реформъ абсолютизмъ вышелъ съ обновленными и освѣженными силами.

Но если въ подготовительный періодъ нашей революціи не было благопріятныхъ условій для борьбы съ абсолютизмомъ ни путемъ возбужденія стихійнаго движенія въ низахъ, ни путемъ открытой и упорной антиправительственной оппозиціи на верхахъ,—то передъ радикальной интеллигенціей оставался единственный путь—длительной работой въ массахъ вызвать и подготовить систематическій организованный натискъ этихъ массъ на старый порядокъ.

Если эта объективно-необходимая такимъ образомъ задача и не сознавалась ясно русскими революціонерами 60-хъ и 70-хъ гг., то все же она нашла себѣ извѣстное выраженіе въ стремленіяхъ народниковъ къ образованію крестьянско-революціонной партіи путемъ систематической пропаганды и агитаціи въ деревняхъ.

Здѣсь умѣстно будетъ обратить вниманіе еще на одну особенность въ положеніи радикальной демократіи въ Россіи, имѣющей непосредственное отношеніе къ ея задачѣ вызвать возможно болѣе сознательное и планомѣрное революціонное движеніе въ народныхъ массахъ.

Во Франціи единеніе всѣхъ оппозиціонныхъ элементовъ, столь важное для побѣды надъ абсолютизмомъ и до революціи и отчасти даже въ началѣ революціи, было чисто стихійнымъ явленіемъ.

Аристократическая оппозиція—сознательно и часто безсознательно имѣла полную возможность своими политическими лозунгами до поры до времени затушевывать непримиримую враждебность интересовъ нисшихъ и высшихъ классовъ, и во всякомъ случаѣ ее ничто не вынуждало выдвигать и подчеркивать эту противоположность, внося тѣмъ самымъ извѣстное разъединеніе въ общенаціональное движеніе противъ абсолютизма. Радикальная же демократія уже по самому существу своему не могла не подчеркивать и не выдвигать на первый планъ соціально-экономическую противоположность эксплоатируемыхъ и эксплоататорскихъ классовъ. И, само собой разумѣется, что обращаясь къ массамъ, она тѣмъ болѣе обязана была это дѣлать. Но этимъ самымъ, она вносила элементъ слабости въ общій натискъ противъ стараго порядка, который былъ гораздо сильнѣе у насъ въ Россіи, чѣмъ во Франціи. А между тѣмъ, поскольку радикальная демократія выдвигалась въ роли подготовителя и организатора движенія противъ абсолютизма, постольку на нее выпадала задача считаться, наоборотъ и съ необходимостью единства въ натискѣ всѣхъ оппозиціонныхъ общественныхъ классовъ на общаго врага.

Какимъ же образомъ это противорѣчіе могло быть разрѣшено? Очевидно, лишь путемъ тактики, учитывающей не только противоположность интересовъ, но и то, что въ данный моментъ сближаетъ различные враждебные элементы оппозиціи въ борьбѣ противъ абсолютизма.

Но именно для осуществленія такой тактики радикальная демократія должна была изъ чисто-интеллигентской партіи стать политической организаціей народныхъ массъ.

Созданіе такой партіи было немыслимо для народниковъ, кои въ силу ихъ теоретическихъ воззрѣній, такъ и въ силу соціальнаго характера крестьянства, которое одно являлось для нихъ «народомъ».

Невозможность рѣшенія этой задачи на народнической почвѣ и была непосредственной причиной появленія—задолго до нашей буржуазной революціи—русской соціалъ-демократіи, которая, видоизмѣнивъ старый народническій лозунгъ: «все для народа, все—посредствомъ народа»,

провозгласила руководящей основой дѣятельности революціонной партіи въ Россіи: «освобожденіе пролетаріата есть дѣло самого пролетаріата».

Примѣняя этотъ лозунгъ къ русской дѣйствительности, «Группа Освобожденія Труда»—въ лицѣ Плеханова—первоначально такимъ образомъ формулировала задачу русскихъ соціалъ-демократовъ: «... русскіе революціонеры должны стремиться, по крайней мѣрѣ, къ выработкѣ элементовъ для созданія такой партіи въ б у д у щ е м ъ» [1]), т. е. «сильной и хорошо организованной рабочей соціалистической партіи» [2]).

Эта задача—вырабатывать элементы рабочей партіи будущаго въ ходѣ подготовленія революціи—была формулирована въ тотъ моментъ, когда еще можно было ожидать непосредственнаго продолженія революціонной борьбы старой партіей и надѣяться на ея скорую побѣду.

Но въ дѣйствительности прошло около четверти вѣка, прежде чѣмъ наступилъ ожидавшійся тогда въ скоромъ времени моментъ общенародной борьбы съ абсолютизмомъ.

Въ теченіе этого времени старая партія сошла со сцены, и ея мѣсто заняла соціалдемократія, но не какъ политическая организація пролетаріата, а какъ политическая организація интеллигенціи, опирающейся на пролетаріатъ. И вотъ, уже въ самомъ началѣ революціоннаго періода, большевиками, въ разсчетѣ на политическое возбужденіе пролетаріата и другихъ классовъ, выдвигаются извѣстные тактическо-политическіе лозунги...

Во Франціи переворотъ, осуществленный путемъ подготовленнаго народнаго движенія, приведшій къ установленію республики и диктатуры Горы (крайней фракціи демократіи), произошелъ, какъ извѣстно, 10 августа 1792 г., т. е. почти четыре года спустя послѣ начала революціоннаго періода и три года спустя послѣ взятія Бастиліи стихійно возставшимъ народомъ.

Въ теченіе этого періода старая власть была совершенно упразднена, и только тѣнь ея сохранилась въ лицѣ короля, всецѣло зависѣвшаго отъ законодательнаго собранія.

Теперь старое «единеніе» въ лагерѣ демократической оппозиціи само собой потеряло почву и реальное значеніе благодаря тому, что болѣе имущіе слои ея уже политически господствовали и пользовались своимъ господствомъ противъ народа.

За это же время крайняя демократія стала центромъ народныхъ массъ и имѣла уже полную возможность поставить военныя и административныя силы Парижа на службу своей партіи. Присоедините къ этому атмосферу всеобщаго патріотическаго подъема, вслѣдствіе угрожающей внѣшней опасности и всеобщаго возмущенія поведеніемъ Людовика XVI, конспирировавшаго съ внѣшними врагами Франціи и ея свободы,—и вамъ не трудно будетъ понять и представить себѣ, какъ легко было народному движенію при т а к и х ъ обстоятельствахъ одержать побѣду.

Такой длинный періодъ все болѣе и болѣе восходящаго движенія революціи нуженъ былъ для созданія возможности подготовленія народнаго движенія въ странѣ, гдѣ—какъ мы видѣли—аристократическая и буржуазная оппозиціи успѣли уже до начала революціоннаго кризиса и уже въ первомъ его фазисѣ ослабить силы сопротивленія стараго режима и подготовить революціонно-общественную атмосферу во всѣхъ классахъ.

---

[1]) Г. В. Плехановъ. Соціализмъ и Полит. Борьба. Предисловіе. Т. I. его „Соч.“ ст. 142. Курс. нашъ. Евг. Ч.

[2]) Ibid. c. 141.

Достаточно сопоставить указанныя соціально-политическія условія диктатуры Горы во Франціи съ историческимъ положеніемъ соц. демократіи въ Россіи, въ началѣ революціи, чтобы увидѣть, въ какой мѣрѣ въ тотъ моментъ у насъ отсутствовали всѣ необходимыя предпосылки для осуществленія большевистскихъ лозунговъ

Правда, на нашихъ глазахъ Турція и Португалія дали наглядный примѣръ побѣдоносныхъ революцій, прямо начавшихся съ пронунціаменто заранѣе организованнаго и подготовленнаго. Но въ обоихъ этихъ случаяхъ были на лицо условія, которыя опять таки у насъ отсутствовали. Въ Турціи организаторами пронунціаменто явились вожди арміи, т. е. той самой силы, которая обычно является матеріальнымъ орудіемъ обороны существующей власти. Нечего доказывать, насколько с р а в н и т е л ь н о легко подготовить и одержать побѣду, когда чуть ли не вся армія,—т. е. готовая организованная сила—является смертельнымъ врагомъ стараго режима. Каковы же однако были соціальныя и историческія предпосылки для такой революціонной роли турецкой арміи?

Крайняя соціально-экономическая отсталость Турціи и соціально-политическая безпомощность всѣхъ классовъ населенія, передовая роль офицерства, какъ наиболѣе культурнаго и политически развитаго общественнаго элемента, матеріальная невозможность государства содержать армію на уровнѣ современныхъ требованій, наконецъ, какъ результатъ финансовой слабости и культурно-экономической отсталости государства—международное униженіе его и неспособность правительства къ огражденію національныхъ интересовъ Имперіи,—все это вмѣстѣ взятое сдѣлало армію носительницей революціонныхъ стремленій и выдвинуло ее въ роли революціоннаго вождя всей націи противъ абсолютизма. Здѣсь нелишне подчеркнуть, что самая соц.-экономическая отсталость страны и политическая пассивность гражданскаго населенія облегчали офицерству задачу выступать общимъ выразителемъ интересовъ всей націи и обезпечили—тѣмъ самымъ—еще большее единство натиску на старый порядокъ. Нужно ли говорить о томъ, что у насъ въ Россіи предпосылки для такой роли офицерства,—если и были—то въ гораздо болѣе слабой степени,—пожалуй, лишь въ началѣ XIX вѣка?

Относительно высокій уровень экономическаго, культурнаго, и политическаго развитія общества подготовительнаго періода нашей революціи, самое развитіе нашего революціоннаго движенія на почвѣ классоваго антагонизма пролетаріата съ буржуазіей, сравнительно большая сила государственнаго механизма по отношенію ко всѣмъ элементамъ оппозиціи и гораздо большая солидарность, по крайней мѣрѣ руководящихъ элементовъ арміи съ государственной властью исключали заранѣе возможность повторенія у насъ чего либо подобнаго тому, что произошло въ Турціи.

И въ Португаліи нападеніе на старый порядокъ было дѣломъ арміи—хотя не исключительно ея, какъ въ Турціи, а съ значительнымъ участіемъ вліятельныхъ элементовъ буржуазіи. Но народнымъ оно и здѣсь не было.

Излишне прибавлять, что наша буржуазія очень далека была отъ той революціонности, которую проявила въ недавнемъ переворотѣ португальская буржуазія. Слѣдовательно, опять таки у насъ рѣчь могла итти лишь о народномъ движеніи подобномъ тому, которое мы имѣемъ въ исторіи Франціи, и о которомъ мы уже говорили раньше. Но если даже тамъ 10 августа было лишь послѣднимъ актомъ, завершившимъ цѣлый періодъ напряженной политической борьбы и завоеваній демократіи,—то тѣмъ болѣе у насъ для аналогичнаго акра тре-

бовалась большая предварительная соціально-политическая работа. Эту работу, въ силу всей совокупности условій нашего освободительнаго движенія, должна была сознательно взять на себя русская соціальдемократія, концентрируя свои главныя силы на планомѣрномъ использованіи первыхъ фазисовъ подъема для развитія организаціонной и политической самодѣятельности рабочихъ массъ на почвѣ борьбы за ихъ культурные, экономическіе и политическіе интересы, для объединенія всѣхъ передовыхъ элементовъ пролетаріата, руководящихъ этой борьбой, подъ знаменемъ соц.-демократіи, въ самостоятельную классовую политическую организацію для завоеванія возможно болѣе сильныхъ позицій, необходимыхъ для полной и прочной побѣды демократіи надъ силами реакціи.

Такая партія проникнутая сознаніемъ своей ближайшей исторической миссіи и задачъ, вытекающихъ для нея изъ ея роли вождя всей націи въ борьбѣ со старымъ порядкомъ, импонирующая своей силой и политическимъ пониманіемъ всѣмъ другимъ оппозиціоннымъ общественнымъ элементамъ имѣла бы возможность, опираясь на поддержку всѣхъ этихъ элементовъ, все болѣе и болѣе ослаблять старую власть и фактически все болѣе и болѣе измѣнять соотношеніе силъ въ пользу демократіи. И именно, эта—соціально-политическая—задача и соотвѣтствующая ей тактика диктовались объективнымъ положеніемъ вещей. Но, воспитавшись на примитивной организаціонно-политической практикѣ дореволюціонной эпохи своего развитія, русская соц.-демократія оказалась совершенно неподготовленной къ постановкѣ и рѣшенію этой задачи.

А стихійно развернувшіяся событія и внезапно прорвавшееся недовольство широкихъ круговъ населенія самодержавно-полицейскимъ режимомъ, съ своей стороны, питали въ партійныхъ кругахъ иллюзіи насчетъ относительныхъ силъ революціи и реакціи и поддерживали въ нихъ одностороннее стремленіе къ такимъ чисто боевымъ лозунгамъ и выступленіямъ, которые шли въ разрѣзъ съ вышенамѣченной задачей. Психологически, даже чуть не большинство членовъ партіи, примыкавшихъ къ меньшевистскому лагерю, было гораздо болѣе предрасположено къ этимъ лозунгамъ, чѣмъ къ тактическимъ тенденціямъ меньшевизма. Это довольно ярко проявилось, между прочимъ, въ ихъ сочувствіи бойкоту выборовъ въ 1-ую Думу и въ ихъ отрицательномъ и почти непріязненномъ отношеніи къ мысли объ агитаціи за подготовку и организацію рабочаго съѣзда.

Только отдѣльные члены партіи направили свои силы на организацію среди рабочихъ профессіональныхъ и кооперативныхъ союзовъ, клубовъ и обществъ самообразованія. Въ этой сферѣ ихъ дѣятельность шла по пути, соотвѣтствовавшему потребностямъ и интересамъ дальнѣйшаго развитія партіи. Но партія въ цѣломъ осталась въ сторонѣ отъ этой работы. Мало того, большевистскіе ея элементы—во имя своихъ народовольческо-бланкистскихъ плановъ — стали въ непримиримо-враждебное отношеніе ко всѣмъ попыткамъ обобщать эти частныя усилія отдѣльныхъ дѣятелей и развивать ихъ дальше въ томъ направленіи, которое было выше намѣчено. Уже къ Сов. Раб. Депутатовъ, явившемуся первой крупной попыткой политически сплотить широкія массы петербургскаго рабочаго класса, большевики отнеслись очень подозрительно, несмотря на то, что его дѣятельность была пропитана духомъ соц. демократіи.

Извѣстна также война, объявленная большевиками идеѣ рабочаго съѣзда, идеѣ, которая была продиктована стремленіемъ дать толчекъ къ

организаціонной самодѣятельности передовыхъ элементовъ пролетаріата и внести въ разрозненныя ея проявленія обобщающее начало. Пожалуй, не менѣе ярко иллюстрируетъ рѣзкое расхожденіе большевизма съ интересами и задачами партіи въ данный моментъ его ожесточенный походъ противъ фракціи II-ой Думы.

Наконецъ, бланкистскими же его тенденціями объясняется его война не на жизнь, а на смерть, съ носителями меньшевистскаго теченія, стремившагося доставить въ соц. демократіи торжество тактикѣ, направленной къ организаціи пролетаріата въ самостоятельную партію въ ходѣ революціи.

Несомнѣнно, разрозненная организаціонная и пропагандистская дѣятельность отдѣльныхъ членовъ партіи, о которой мы говорили, носила слишкомъ кустарническій характеръ и страдала большими недочетами съ точки зрѣнія вышеупомянутыхъ политическихъ задачъ [1]). Но какъ бы то ни было, она все таки подготовляла элементы и почву для рѣшенія этихъ задачъ въ будущемъ.

Весьма вѣроятно, что даже партіи въ цѣломъ не удалось бы въ такой короткій періодъ осуществить ихъ въ полномъ объемѣ. Но въ томъ то и дѣло, что каждый шагъ впередъ на этомъ пути былъ бы самъ по себѣ реальнымъ завоеваніемъ и увеличивалъ бы шансы близкой побѣды демократіи надъ силами реакціи.

Торжество же большевизма ставило партію въ рѣзкое противорѣчіе съ насущными потребностями ея собственнаго развитія и съ очередными задачами пролетаріата и демократіи. Другими словами,—подъ вліяніемъ большевизма партійная организація въ ходѣ революціи стала консервативной силой и въ качествѣ таковой она борьбой за свое собственное существованіе съ новыми элементами и потребностями общественнаго развитія, усиливала процессъ своего внутренняго разложенія, и т. образ., революціонный періодъ явился для соц. демократіи періодомъ внутренняго кризиса. Въ то время, какъ революція дала сильный толчекъ къ выработкѣ элементовъ рабочей партіи и къ зарожденію возможностей для превращенія соц. демократіи въ настоящую рабочую партію, большевизмъ своей безпощадной борьбой противъ меньшевизма обострилъ кризисъ, сдѣлалъ его безвыходнымъ и тѣмъ самымъ началъ фактически играть роль ликвидатора партіи.

Таково наслѣдство революціоннаго періода, съ которымъ соц. демократія вступила въ періодъ контръ-революціи.

Е. Чарскій.

Экономическая программа кадетизма.

Надвигаются выборы въ 4-ю Думу и вновь передъ нами встаетъ вопросъ о принципіальной оцѣнкѣ разныхъ партій и, въ частности, «кадетскій вопросъ». Встаетъ кадетскій вопросъ? спроситъ въ недоумѣніи иной читатель. Развѣ былъ такой моментъ, когда с.-д-ы этимъ вопросомъ не занимались? Вѣдь, нѣкоторые с.-д-ы настолько спеціализировались на изученіи кадетской бациллы, что даже въ собственной партіи умудряются

---

[1]) Вина за эти недочеты лежала, конечно, не на этихъ дѣятеляхъ, а на партіи въ цѣломъ, проявлявшей къ ихъ дѣятельности на свой страхъ и рискъ частью пассивное, а частью даже подозрительное отношеніе.

НАША ЗАРЯ

СОДЕРЖАНІЕ:

А. В—ъ. Къ вопросу о страхованіи рабочихъ. Ст. I-я.

Д. КОЛЬЦОВЪ. Бельгійскіе марксисты о бельгійскомъ рабочемъ движеніи. Ст. 2.

Б. РАДИНЪ. (Кнуньянцъ) Старое и новое.

Я. ПИЛЕЦКІЙ. О дороговизнѣ жизни.

Ф. ДАНЪ. „Антиликвидаторство" и рабочее движеніе.

Ю. ЧАЦКІЙ. Пора начать.

Иностранное обозрѣніе:

Л. МАРТОВЪ. Новый политическій кризисъ во Франціи.

Политическое обозрѣніе:

А. МАРТЫНОВЪ. Итоги и уроки IV думской сессіи.

Л. МАРТОВЪ. Нѣсколько словъ о нечистой совѣсти.

Книги поступившія въ редакцію.

№ 6. СПБ. 1911 Ц. 30 к.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

А. В—ъ. Къ вопросу о страхованіи рабочихъ 3

Д. Кольцовъ. Бельгійскіе марксисты о бельгійскомъ рабочемъ движеніи 12

Б. Радинъ. (Кнуньянцъ). Старое и Новое 17

Я. Пилецкій. О дороговизнѣ жизни 27

Ф. Данъ. „Антиликвидаторство“ и рабочее движеніе 32

Юрій Чацкій. Пора начать! 39

Иностранное обозрѣніе.

Л. Мартовъ. Новый политическій кризисъ во Франціи 54

Политическое обозрѣніе.

А. Мартыновъ. Итоги и уроки IV-й думской сессіи 63

Л. Мартовъ. Нѣсколько словъ о нечистой совѣсти 69

Книги, поступившія въ редакцію. Объявленія.

Типографія „УЛЕЙ“, Кирпичный пер., 3.

цѣны. Настоящее положеніе вполнѣ оправдываетъ это мнѣніе. Намъ не зачѣмъ повторять неоднократно приводившихся на страницахъ нашего журнала данныхъ о начавшемся у насъ промышленномъ подъемѣ. Несомнѣнно, что извѣстную роль сыгралъ здѣсь и ростъ хлѣбныхъ цѣнъ.

Дальнѣйшій анализъ покажетъ, какую роль суждено еще сыграть Россіи въ качествѣ одной изъ замѣстительницъ на міровомъ рынкѣ Соединенныхъ Штатовъ.

Я. Пилецкій.

„Антиликвидаторство“ и рабочее движеніе.

Недавнія событія, предшествовавшія второму съѣзду фабрично-заводскихъ врачей и уничтожившіе рабочее представительство на этомъ съѣздѣ, снова поставили на очередь вопросъ о судьбахъ открытаго рабочаго движенія.

Полупризнанное закономъ (правила 4 марта 1906 г.), это движеніе, однако, ни одной минуты не существовало м и л о с т ь ю этого закона. Его исторія есть исторія непрерывной б о р ь б ы за существованіе и развитіе. Рабочія общества экономическаго и культурно-просвѣтительнаго характера, рабочая пресса, выступленіе рабочихъ делегацій на общественныхъ съѣздахъ — все это такіе-же продукты борьбы, какъ и наличность с.-д. фракціи въ 3-ей Г. Думѣ послѣ разгрома ея предшественницы во второй. Каждый новый успѣхъ на этомъ поприщѣ въ кошмарной обстановкѣ послѣднихъ 4—5 лѣтъ былъ дѣйствительной побѣдой русскаго рабочаго класса, дѣйствительнымъ завоеваніемъ его, купленнымъ цѣною огромныхъ усилій и тяжелыхъ жертвъ. Это хорошо понимали и понимаютъ враги рабочаго класса, не останавливающіеся ни передъ чѣмъ, чтобы выбить его изъ занятыхъ позицій и помѣшать ему занять новыя. Но этого, къ сожалѣнію, не хотятъ понять различные „друзья“ пролетаріата, достаточно неумные, ослѣпленные кружковыми предразсудками или недобросовѣстные, чтобы видѣть „о б е з п е ч е н н о с т ь легальностью“ тамъ, гдѣ напрягаются отчаянныя и самоотверженныя усилія въ „б о р ь бѣ за легальность“, и клеймитъ названіемъ „ликвидаціи“ идейно-политическаго и организаціоннаго наслѣдства стремленіе учесть въ пріемахъ политической и организаціонной работы измѣнившуюся соціально-политическую обстановку, — учесть именно затѣмъ, чтобы сдѣлать это наслѣдство достояніемъ широкихъ рабочихъ массъ и вложить въ ихъ руки оружіе для с о з н а т е л ь н а г о выполненія задачъ, которыя пытались, но не могли выполнить за ихъ счетъ кружки, опиравшіеся лишь на с т и х і й н о е движеніе ихъ.

Для „друзей“ такого типа каждая новая неудача передовыхъ рабочихъ на отстаиваемыхъ ими открытыхъ позиціяхъ — это, прежде всего, лишній поводъ къ причитанію: „таскать вамъ, не перетаскать“, лишній предлогъ звать рабочихъ вернуться къ доброму старому времени, къ старымъ формамъ организаціи и борьбы. Эти формы имѣли свой смыслъ и свое историческое оправданіе прежде. Когда не только рабочій классъ, но и всѣ другіе слои населенія, даже явно реакціонные въ политическомъ и соціальномъ отношеніи, были лишены всякой возможности открыто организовываться на почвѣ послѣдовательнаго отстаиванія своихъ к л а с-

совыхъ интересовъ: когда вообще формированіе классовъ, какъ сознавшихъ свои отдѣльные интересы коллективовъ, находилось еще въ зародышѣ; когда всѣ слоя населенія представляли собою лишь конгломераты разрозненныхъ группъ, частные и подчасъ противорѣчивые интересы которыхъ только и могли получать сколько-нибудь обобщенное политическое выраженіе въ кружкахъ „идеологовъ“, оторванныхъ отъ конгломерата и лишь опиравшихся на его стихійное броженіе; — тогда, какъ это вполнѣ понятно, рабочій классъ, пользуясь до-октябрьскими формами организаціи, держалъ въ своихъ рукахъ, для отстаиванія своихъ особыхъ интересовъ, оружіе не худшее, а подчасъ и гораздо лучшее, чѣмъ его классовые противники и враги.

Но теперь? Теперь, когда и дворянское землевладѣніе, и буржуазные классы какъ ни какъ получили возможность самодѣятельности, когда складывающіяся организаціи ихъ являются все больше и больше уже не организаціями „идеологовъ“ только, командующихъ стихійнымъ движеніемъ класса, а организаціей самого класса, ставящаго себѣ „идеологовъ“ на службу? Теперь, когда каждый рядовой помѣщикъ, рядовой купецъ или фабрикантъ все больше и больше начинаютъ цѣнить классовую политику и понимать, насколько полезно, необходимо и даже, въ концѣ-концовъ, выгодно подчинять удовлетвореніе своихъ частныхъ или групповыхъ интересовъ общей политической линіи класса? Теперь предлагать рабочему итти въ бой съ старымъ оружіемъ на томъ основаніи, что это оружіе было побѣдоноснымъ въ добрыя старыя времена, это — то же самое, что считать достаточнымъ для побѣды надъ современной арміей рать борцовъ, вооруженныхъ пращами, на томъ основаніи, что именно камнемъ, пущеннымъ изъ пращи, когда-то Давидъ уложилъ на смерть великана Голіафа!

На дѣлѣ полное осуществленіе этой утопіи — если-бы только она могла осуществиться полностью! — имѣло-бы лишь одинъ результатъ: оно скинуло-бы рабочій классъ со счетовъ тѣхъ силъ, которымъ суждено „творить“ ближайшій періодъ нашей исторіи; оно политически всецѣло подчинило бы его главенству буржуазіи, которая „по своему“, безъ его участія и давленія распутывала-бы туго завязавшійся узелъ „политическаго кризиса“. Этому главенству не только не помѣшала бы, но прямо помогла работа тѣхъ „друзей“, которые убаюкивали бы въ это время пролетаріатъ иллюзіями, сладкими пѣснями о грядущей „гегемоніи“ и даже „диктатурѣ“ его: волшебный напитокъ, чарованьемъ красныхъ вымысловъ прикрывающій суровую житейскую прозу! И если не всѣ „друзья“ упомянутаго выше типа откровенно называютъ свой напитокъ „релитіей“, какъ это дѣлаютъ наиболѣе послѣдовательные изъ нихъ, то всѣ—и послѣдовательные, и непослѣдовательные—одинаково подносятъ „опіумъ“ и одинаково увѣряютъ себя и другихъ, будто житейской „трезвенности“ должна и можетъ быть противопоставлена не здоровая поэзія борьбы, глубоко уходящая корнями въ землю и питающаяся ея соками, а болѣзненная и потому усыпляющая поэзія мечтательной утопіи.

Все это—совершенно очевидно. И все-таки, повторяемъ, всякая новая неудача побуждаетъ извѣстную часть „марксистовъ“ еще и еще разъ крикнуть свое: „осади назадъ“! Изъ исторіи со съѣздомъ фабрично-заводскихъ врачей передовикъ „Звѣзды“ (№ 18) съумѣлъ сдѣлать только одинъ выводъ: „пусть каждый рабочій подумаетъ надъ всѣми тщетными (курс. нашъ) попытками легальнаго проявленія активности и сознательности, и это ему укажетъ на единственный путь его политическаго и экономическаго раскрѣпощенія“. Таскать вамъ не перетаскать!

Къ счастью добрымъ совѣтамъ передовиковъ, умудрившихся проспать

успѣхи пятилѣтнихъ „попытокъ легальнаго проявленія активности и сознательности" передовыхъ рабочихъ въ Думѣ, на съѣздахъ, въ прессѣ, въ экономическихъ и культурныхъ организаціяхъ,—суждено остаться на бумагѣ, насколько дѣло касается рабочаго авангарда. Всѣ органы рабочей прессы реагировали на „раскассированіе" рабочей делегаціи въ направленіи, діаметрально противоположномъ направленію, по которому пошелъ передовикъ „Звѣзды". Для нихъ всѣхъ вынесенный „урокъ" состоялъ не въ томъ, что надо признать дальнѣйшія попытки въ намѣтившемся за послѣднее пятилѣтіе направленіи безнадежными, а, наоборотъ, въ томъ, что, въ виду роста препятствій, надо усилить напоръ, усилить объединенность, планомѣрность и организованность борьбы, перейти отъ частныхъ задачъ къ болѣе общимъ, отъ обороны къ наступленію. Идея „петиціонной" кампаніи, возникшая въ кружкахъ передовыхъ рабочихъ еще до съѣзда фабрично-заводскихъ врачей, показала, что мысль этихъ кружковъ уже работаетъ надъ изысканіемъ формъ проявленія политической самодѣятельности массъ.

Такимъ образомъ, работа пролетарскаго авангарда направилась, повидимому, безповоротно по пути, по которому идетъ все современное рабочее классовое движеніе и который у насъ принято называть „нѣмецкимъ": по пути политической организаціи рабочихъ массъ въ процессѣ использованія всѣхъ противорѣчій капиталистическаго общества. И, наоборотъ, „антиликвидаторство", какъ окрестило себя теченіе, мысль котораго выразилъ передовикъ „Звѣзды", еще и еще разъ доказало свое практическое безплодіе. Но было-бы ошибкою заключить отъ этого безплодія „антиликвидаторства" къ его безсилію и, слѣдовательно, безвредности для дальнѣйшихъ судебъ русскаго рабочаго движенія. Безсильное въ созиданіи, оно достаточно сильно въ разрушеніи. Неспособное организовать современное рабочее движеніе, оно способно дезорганизовать его и фактически дезорганизуетъ. Это становится тѣмъ очевиднѣе, чѣмъ болѣе это движеніе отъ частныхъ и мѣстныхъ задачъ переходитъ къ болѣе общимъ. Не случайность, что именно первая попытка повести политическую „кампанію" въ болѣе широкомъ масштабѣ (петиція), заставила всѣхъ работниковъ движенія почувствовать „антиликвидаторство", какъ явное препятствіе и прямую угрозу всякой живой работѣ.

Пока сфера и методъ дѣйствія открытаго рабочаго движенія отличались уязвостью, навязанною ему тѣми условіями торжествующей контрреволюціи, въ которыхъ ему приходилось подымать голову и нащупывать почву, до тѣхъ поръ могло еще казаться, что это движеніе и кружковое „антиликвидаторство" текутъ двумя совершенно обособленными руслами, которымъ вовсе не суждено встрѣтиться другъ съ другомъ. До тѣхъ поръ могло казаться, что уничтоженіе „антиликвидаторства" будетъ просто побочнымъ, стихійнымъ результатомъ роста рабочаго движенія. Однако, лишь только движеніе это стало переходить къ постановкѣ болѣе широкихъ политическихъ задачъ, „антиликвидаторство" предстало передъ нимъ лицомъ къ лицу, какъ непримиримый противникъ, котораго надо побѣдить въ открытомъ бою. И уже, какъ это было и 8—9 лѣтъ тому назадъ, за видимыми разногласіями, вращавшимися такъ долго въ сферѣ организаціонной схоластики—сочетанія „легальнаго" и „нелегальнаго", почтенія или непочтенія къ „іерархіи" и т. п.—вырисовываются подлинныя и непримиримыя тактическія, политическія разногласія.

Споры въ связи съ „петиціонной" кампаніей показали, что въ раздирающихъ современный марксизмъ разногласіяхъ сказывается, въ

конечномъ счетѣ, столкновеніе тѣхъ самыхъ двухъ порядковъ идей, которые получили въ былое время названіе меньшевизма и большевизма. Соціалъ-демократизмъ европейскій пріобрѣлъ болѣе твердую почву подъ ногами; соціалъ-демократизмъ „истинно-русскій“ ослабѣлъ и, въ лицѣ представляющихъ его кружковъ, пережилъ процессъ не разложенія даже, а настоящаго гнилостнаго распада. И все же споръ между ними еще остается нерѣшеннымъ и раздѣленіе русскаго марксизма на два теченія, оформившіяся при самомъ зарожденіи партіи, какъ организованной коллективности,—увы!—все еще не изжило себя.

Дѣло, конечно, не въ названіи теченій. Ибо, сохранивъ основную мысль свою, оба теченія въ ходѣ пережитыхъ судебъ и подъ вліяніемъ накопленнаго опыта и ударовъ, насенныхъ имъ „тяжелымъ млатомъ“ исторіи, значительно видоизмѣнили свое обличье; ихъ столкновеніе отливается въ другую форму; самый „человѣческій матеріалъ“ ихъ существенно измѣнился, и притомъ—не только отъ притока новыхъ элементовъ, убыли старыхъ, или смѣны старыхъ новыми, но и отъ тѣхъ передвижекъ, которыя происходили и происходятъ въ рядахъ разбитой старой арміи. Въ этомъ—и только въ этомъ—смыслѣ современная группировка марксистскихъ элементовъ не покрывается уже старыми названіями: „меньшевизмъ“ и „большевизмъ“, и этими названіями, къ тому же политически совершенно безсодержательными, можно было-бы безъ труда „пожертвовать“, если-бы оказалось, что воспоминанія, которыя они будятъ, или ассоціаціи, которыя они вызываютъ, напрасно тормозятъ процессъ собиранія идейно-однородныхъ—при всемъ различіи ихъ „происхожденія“—элементовъ вокругъ общаго дѣла и общаго знамени. А такое собираніе становится дѣломъ тѣмъ болѣе неотложнымъ и необходимымъ, что встающія передъ рабочимъ движеніемъ крупныя политическія задачи дѣлаютъ неизбѣжною безпощадную войну съ „антиликвидаторствомъ“, какъ новой формой выраженія тенденціи къ подчиненію пролетарскаго движенія стихіи буржуазнаго демократизма. Въ этой войнѣ дѣло идетъ и о настоящемъ рабочаго движенія, и объ его будущемъ. Въ настоящемъ „антиликвидаторство“ есть вѣчный тормазъ, вѣчная дезорганизація при каждомъ новомъ шагѣ рабочаго движенія на пути къ политическому самоопредѣленію. Въ будущемъ это—вѣчный источникъ анархо-синдикалистскихъ настроеній, съ одной стороны, дополняющаго ихъ реформистскаго оппортунизма, съ другой, и, слѣдовательно, вѣчный источникъ ослабленія политическаго движенія пролетаріата.

Конечно, „антиликвидаторство“ въ его современной формѣ есть порожденіе разлагающихся эмигрантскихъ кружковъ, оторванныхъ отъ всякаго живого дѣла. Именно поэтому оно и исчерпывалось до сихъ поръ почти исключительно безсмысленной схоластикой, пережеваніемъ лишенныхъ всякаго содержанія словесныхъ формулъ. Но эта стадія развитія „антиликвидаторства“—лишь цвѣточки, изъ которыхъ уже начинаютъ выростать ядовитыя ягодки. „Оживленіе“, о которомъ теперь такъ много говорятъ, дастъ возможность и дѣйствительному содержанію „антиликвидаторства“ вылупиться изъ кружковой скорлупы, въ которой оно сейчасъ скрывается, и тогда на всѣхъ поприщахъ борьбы рабочаго класса оно проявитъ себя, какъ сектантскій и анархо-бланкистскій уклонъ развитія соціализма. Незачѣмъ скрывать отъ себя: соціальное развитіе Россіи шагнуло за послѣдніе годы далеко впередъ по пути „европеизма“, но въ немъ еще достаточно элементовъ отсталости въ соціальномъ укладѣ деревни и города, достаточно традицій „азіатчины“ всякаго рода! Было-бы непозволительнымъ оптимизмомъ думать, что въ такихъ условіяхъ соціалистическое сектанство не найдетъ рѣши-

тельно никакой питательной почвы, а, въ особенности наше сектанство, въ процессѣ своего гніенія усвоившее себѣ всѣ повадки самой отвратительной демагогіи и нечаевщины! И пусть оно окажется безсильнымъ помѣшать формированію „европейской“ рабочей соціалъ-демократіи! Достаточно и того, что оно нагромоздитъ кучу препятствій на пути такого формированія, замедлитъ его, сдѣлаетъ весь процессъ затяжнымъ и болѣзненнымъ, чтобы всѣми силами стараться убить его въ зародышѣ, убить его теперь же, когда оно только еще начинаетъ вылупляться изъ кружковой, „антиликвидаторской“ скорлупы и не успѣло еще отравить собою всѣ источники рабочаго движенія.

Разумѣется, самымъ дѣйствительнымъ орудіемъ борьбы съ „антиликвидаторскимъ“ сектантствомъ будетъ расширеніе практики и усиленіе размаха современнаго рабочаго движенія. Сектантство питается отсталостью и пассивностью рабочихъ массъ. Преодолѣніе этой пассивности и отсталости будетъ все больше и больше лишать его питательной почвы.

Но одного такого „органическаго“ преодолѣнія сектантской опасности, постепеннаго и медленнаго вытѣсненія сектантства изъ сферъ рабочаго движенія—мало для обезпеченія какъ успѣховъ этого движенія въ настоящемъ, такъ и его будущности. Ибо, питаясь отсталостью, сектанство эксплоатируетъ въ свою пользу элементы и совершенно другого порядка, по существу ничего общаго съ нимъ не имѣющіе. А эта паразитическая эксплоатація, не встрѣчая рѣшительнаго и организованнаго противодѣйствія, обезпечиваетъ ему видимую жизненность и даетъ ему силу наносить удары живому рабочему движенію.

Такъ въ русло „антиликвидаторства“ искусственно направляется чувство неудовлетворительности людей, достаточно захваченныхъ политическими интересами, чтобы болѣзненно ощущать узость практики послѣднихъ лѣтъ, но въ то же время достаточно политически близорукихъ и невоспитанныхъ, чтобы быть готовыми искать „виноватаго“ не въ объективныхъ условіяхъ развитія рабочаго движенія за послѣдніе годы, а въ тѣхъ дѣятеляхъ этого движенія, которые на самомъ дѣлѣ всѣ силы напрягаютъ, чтобы эти неблагопріятныя условія преодолѣть.

Въ то же русло вовлекается и чувство неудовлетворенности другой категоріи людей: людей, которымъ суждено биться въ безчисленныхъ углахъ Россіи, гдѣ для старыхъ формъ рабочаго движенія почва уже исчезла, а для новыхъ—еще не созрѣла; гдѣ отсутствуютъ или до послѣдней степени мизерны мѣстныя „легальныя возможности“, дающія въ другихъ, болѣе счастливыхъ пунктахъ опору для современнаго рабочаго движенія. Эти люди могли-бы быть втянуты въ сферу этого движенія, поскольку оно, ставя передъ собою и выполняя задачи „всероссійскаго“ масштаба, считалось-бы съ мѣстными особенностями такихъ угловъ и помогало-бы мѣстнымъ дѣятелямъ въ работѣ расширенія „легальныхъ возможностей“, для которой ихъ собственныхъ силъ оказывается недостаточно. Не встрѣчая же такой помощи, не получая даже отвѣта на свои запросы, предоставленные самимъ себѣ, люди, бьющіеся, какъ рыба объ ледъ, невольно бываютъ подчасъ склонны бѣжать отъ окружающей ихъ „тьмы низкихъ истинъ“ къ „возвышающему обману“ не скупящагося на громкія фразы „антиликвидаторства“.

Далѣе. „Антиликвидаторство“ эксплоатируетъ въ своихъ цѣляхъ особенности движенія на окраинахъ, особенности, позволяющія движенію, по своему идейно-политическому содержанію совершенно тождественному съ тѣмъ, которое клеймится названіемъ „ликвидаторскаго“, развиваться въ старыхъ организаціонныхъ рамкахъ, постепенно и органически

реформируемыхъ. Конечно, окраинное движеніе, о которомъ мы говоримъ (Кавказъ, Литва, Латышскій край), до такой степени чуждо психологически и политически кружковому „антиликвидаторству“, что не можетъ быть и рѣчи о тѣсномъ союзѣ и тѣмъ болѣе сліяніи ихъ. Тѣмъ значительнѣе тотъ фактъ, что „антиликвидаторство“ могло и можетъ до извѣстной степени эксплоатировать для собственнаго утучненія фактъ организаціонной оторванности движенія русскихъ центровъ отъ движенія этихъ окраинъ, фактъ сравнительной пассивности „русскихъ“ дѣятелей къ возстановленію порванной связи и, слѣдовательно, къ энергичному использованію тѣхъ организаціонныхъ формъ, въ которыхъ эта связь только и можетъ быть возстановлена. Быть можетъ, только разрывомъ этой связи и объясняется тотъ фактъ, что въ свое время, года полтора тому назадъ, „антиликвидаторству“ не былъ нанесенъ рѣшительный ударъ, который обезсилъ-бы его и, во всякомъ случаѣ, морально и политически изолировалъ-бы отъ всего живого въ рабочемъ движеніи. Но то, что вѣрно было полтора года тому назадъ, то остается вѣрнымъ и даже, пожалуй, стало еще болѣе вѣрнымъ сейчасъ...

Наконецъ, есть еще одинъ элементъ, эксплоатація котораго приноситъ неисчислимыя выгоды „антиликвидаторству“ и необычайно усиливаетъ его живучесть. Это—элементъ, наиболѣе драгоцѣнный для всякаго дѣятеля рабочаго движенія,—международныя традиціи и международныя связи этого движенія. Невозможно оцѣнить весь вредъ для русскаго рабочаго движенія, проистекающій изъ того, что на международной аренѣ, въ качествѣ представителя э т о г о движенія, фигурируютъ „антиликвидаторскіе“ кружки, ему политически, организаціонно и психологически совершенно чуждые. Фигурируютъ безъ того, чтобы ихъ фальсификаторскому представительству были противопоставлены хотя-бы одно слово, одинъ звукъ, одинъ актъ „съ мѣстъ“. Такимъ противопоставленіемъ никоимъ образомъ не могутъ служить одиночные протесты противъ „замѣстительства“, раздавшіеся на страницахъ русской печати. Да и дѣло вовсе не въ томъ, чтобы „протестовать“, а въ томъ, чтобы практически демонстрировать въ каждомъ вопросѣ, касающемся русскаго рабочаго движенія, свою дѣйствительную, а не мнимую связь съ международностью, свое дѣйствительное, а не фальсифицированное право представлять это движеніе на международной аренѣ.

Всѣ эти факторы должны быть обязательно приняты во вниманіе для преодолѣнія „антиликвидаторства“. А преодолѣніе это, повторяю, становится дѣломъ неотложнымъ при расширеніи задачъ рабочаго движенія. Уже „петиціонная“ компанія показала его неотложность. А что же будетъ въ томъ недалекомъ будущемъ, когда рабочему движенію придется подойти къ выполненію самой важной изъ очередныхъ задачъ его—организаціи избирательной кампаніи? Было-бы непростительнѣйшей ошибкой не сдѣлать всего возможнаго, чтобы лишить „антиликвидаторское“ сектантство всѣхъ способовъ дезорганизовать эту кампанію. Сдѣлать-же это можно однимъ путемъ — тѣснымъ сплоченіемъ всѣхъ живыхъ силъ рабочаго движенія, въ какой-бы организаціонной оболочкѣ онѣ ни скрывались, подъ общимъ и единымъ партійнымъ знаменемъ, какъ для совмѣстной политической работы, такъ и для противодѣйствія „антиликвидаторству“. А для этого надо не только принять и самымъ энергичнымъ образомъ использовать намѣтившіеся уже формы такого сплоченія, но и взять на себя инициативу проведенія этихъ формъ въ жизнь. Чѣмъ рѣшительнѣе и тверже возьмутъ „ликвидаторы“ въ свои руки знамя не фальсифицированной, а подлинной „партійности“, тѣмъ

обезпеченнѣе будетъ переходъ всего возраждающагося рабочаго движенія на путь „европеизма“.

Въ концѣ-концовъ, дѣло сводится къ новому преодолѣнію мѣстнаго характера движенія, къ новой побѣдѣ надъ „локализмомъ“. Движеніе могло еще до нѣкоторой степени мириться съ „локализмомъ“, пока оно оставалось, по существу, оборонительнымъ движеніемъ авангарда. Переходя въ стадію политическаго движенія массъ, оно должно, для успѣшнаго выполненія своихъ собственныхъ задачъ, начисто раздѣлаться со всякимъ „локализмомъ“, со всякою мѣстною ограниченностью.

Условія для этого какъ разъ теперь, кажется, благопріятны. Въ этомъ отношеніи также поучителенъ примѣръ „петиціонной“ кампаніи. Показавъ на практикѣ, хотя-бы и въ зачаточномъ видѣ, новыя формы и новыя возможности политической мобилизаціи массъ во „всероссійскомъ“ масштабѣ, эта кампанія не только заставила „антиликвидаторство“ тотчасъ-же ощетиниться и показать свой подлинный ликъ—враждебной самостоятельному политическому движенію массъ секты, но и произвела уже нѣкоторое смятеніе въ самомъ станѣ „антиликвидаторства“. Всѣ копики были сѣры, и всѣ направленія хороши, пока царилъ мракъ безпросвѣтной организаціонной схоластики, и требовалась лишь громкая „партійно-патріотическая“ декламація, чтобы быть причисленнымъ къ лику „партійцевъ“, „антиликвидаторовъ“ тожъ. Но первый же актъ политическаго самоопредѣленія „антиликвидаторства“ не могъ не отпугнуть тѣхъ, кому легкомысліе или непродуманность позволяли участвовать въ завариваніи „антиликвидаторской“ каши, но кто рѣшительно не желаетъ расхлебывать эту кашу, когда выяснился съ очевидностью ея антирабочій вкусъ.

Съ другой стороны, не безъ связи съ этой политической разладицей въ „антиликвидаторскомъ“ станѣ, жрецы секты спѣшатъ спасти, что можно, организаціей открытаго раскола. Но и этимъ они сами подрубаютъ сукъ, на которомъ сидятъ: „партійность“, которою такъ долго пускали пыль въ глаза, разоблачается, какъ откровенное и въ самыхъ циничныхъ формахъ совершаемое возстановленіе диктатуры фракціи, къ тому же растаявшей до размѣровъ ничтожнаго кружка. Зрѣлище, которымъ врядъ-ли можно соблазнить многихъ даже изъ „малыхъ сихъ“!

Такимъ образомъ, условія для рѣшительной борьбы съ „антиликвидаторствомъ“ въ высшей степени благопріятны. Въ то же время эта борьба настоятельно необходима не только съ точки зрѣнія теоретическихъ разсужденій о будущности движенія и о важности наибольшаго сохраненія преемственности въ его развитіи, но и съ точки зрѣнія успѣшнаго осуществленія задачъ, непосредственно передъ нимъ стоящихъ. Или, вѣрнѣе, сохраненіе „преемственности“, необходимое для будущности движенія, оказывается одновременно необходимымъ условіемъ и для собиранія всѣхъ тѣхъ живыхъ силъ рабочаго движенія, дружною работою которыхъ только и могутъ быть удачно разрѣшены очередныя задачи.

И если на томъ пути, который, какъ показываетъ откликъ рабочей прессы на событія, связанныя съ послѣднимъ съѣздомъ, повидимому, признается единственно пріемлемымъ для современнаго рабочаго движенія, это движеніе не хочетъ остановиться на полдорогѣ, указанная выше работа собиранія силъ становится неотложною.

Какъ, когда и въ какихъ размѣрахъ можетъ эта работа быть выполнена, это, разумѣется, вопросъ практики. Но надо сказать себѣ, что выполнена она быть должна.

Ф. Данъ.

НАША ЗАРЯ

СОДЕРЖАНІЕ:

П. МАСЛОВЪ. Дороговизна и ея политическое значеніе въ Россіи и заграницей.

Я. ПИЛЕЦКІЙ. О дороговизнѣ жизни (окончаніе).

К. ЗАЛЕВСКІЙ. Объ антисемитизмѣ въ Польшѣ.

Н. ЧЕРЕВАНИНЪ. Къ современному экономическому положенію Россіи.

Б. РАДИНЪ (КНУНЬЯНЦЪ). Старое и новое (окончаніе).

Л. МАРТОВЪ. Основныя положенія платформы.

Ф. ДАНЪ. Къ постановкѣ избирательной кампаніи.

Иностранное обозрѣніе:

В. ЛЕВИЦКІЙ. Обзоръ рабочаго и соціалистическаго движенія на Западѣ.

М. ПАВЛОВИЧЪ. Послѣдняя битва (къ послѣднимъ событіямъ въ Персіи).

М. РАВИЧЪ. Русская эмиграція въ Америкѣ.

Политическое обозрѣніе:

Евг. МАЕВСКІЙ. Западное земство и столыпинскій кризисъ.

А. ПОТРЕСОВЪ. Памяти Ст. Ив. Радченко.

Книги поступившія въ редакцію

№ 7–8. СПБ. 1911 Ц. 45 к.

НАША ЗАРЯ

Ежемѣсячный журналъ

№ 7 8.

СПБ. 1911 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

П. Масловъ. Дороговизна и ея политическое значеніе въ Россіи и заграницей 3
Я. Пилецкій. О дороговизнѣ жизни (окончаніе). 11
К. Залевскій. Объ антисемитизмѣ въ Польшѣ 16
Н. Череванинъ. Къ современному экономическому положенію въ Россіи 22
Б. Радинъ. (Кнуньянцъ). Старое и новое (окончаніе). .. 34
Л. Мартовъ. Основныя положенія избирательной платформы. 42
Ф. Данъ. Къ постановкѣ избирательной кампаніи. 55

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

В. Левицкій. Обзоръ рабочаго и соціалистическаго движенія на Западѣ. (Стачечное движеніе въ Англіи. Борьба съ дороговизной жизни. Пролетаріатъ и война) 66
М. Павловичъ. Послѣдняя битва (къ послѣднимъ событіямъ въ Персіи). 77
Равичъ. О русской эмиграціи въ Америкѣ. 85

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Евг. Маевскій. Западное земство и столыпинскій кризисъ. 97

А. Потресовъ. Памяти Ст. Ив. Родченко. 113
Книги, поступившія въ редакцію 115

Типографія „Улей", Кирпичный пер., 3.

НАША ЗАРЯ

СОДЕРЖАНІЕ:

Ф. ДАНЪ. Пять лѣтъ.

В. МАЙСКІЙ. Новое оружіе германскаго пролетаріата.

ВЛ. КОССОВСКІЙ. Практическая политика и коалиціонная кампанія.

В. ЛЕВСКІЙ. Государственное страхованіе въ Швейцаріи.

Н. Р—КОВЪ. Современное положеніе Россіи и основная задача рабочаго движенія въ данный моментъ.

М. ЛЕОНТЬЕВЪ. Къ вопросамъ избирательной кампаніи.

А.. МИХАЙЛОВЪ. Лѣтнее стачечное движеніе и очередныя задачи рабочихъ организацій. Ст. 1-я.

Иностранное обозрѣніе.

В. ЛЕВИЦКІЙ. Обзоръ раб. и соціалистич. движенія на Западѣ.

А. МАРТЫНОВЪ. Іенскій партейтагъ и размежеваніе въ лѣвомъ лагерѣ германск. соц.-демократіи.

А. КОЛЛОНТАИ. Движеніе „менажерокъ (хозяекъ) во Франціи.

М. ПАВЛОВИЧЪ. Паденіе китайской стѣны.

Политическое обозрѣніе.

Л. МАРТОВЪ. Терроръ и провокація.

ЕВГ. МАЕВСКІЙ. Первое Сентября въ столыпинскомъ кризисѣ.

В. Г—АЗЪ. Изъ русской зарубежной печати.

А. ПОТРЕСОВЪ. Критическіе наброски.

Н. ЧЕРЕВАНИНЪ. Поправка.

№ 9—10. СПБ. 1911 Ц. 45 к.

НАША ЗАРЯ

Ежемѣсячный журналъ

№ 9 10.

СПБ. 1911 годъ.

На № 7—8 журнала наложенъ арестъ. Редакторъ О. В. Федорченко привлекается къ отвѣтственности по II, п. 1 и 2 ст. 129 уголовн. уложенія

СОДЕРЖАНІЕ.

Ф. Данъ. Пять лѣтъ 3
В. Майскій. Новое оружіе германскаго пролетаріата. 10
Вл. Косовскій. Практическ. политика и коалиціон. камп. 16
В. Левскій. Государственное страхованіе въ Швейцаріи. 24
Н. Р.—ковъ. Современное положеніе Россіи и основныя задачи рабочаго движенія въ данный моментъ. 31
М. Леонтьевъ. Къ вопросамъ избирательной кампаніи. 35
А. Михайловъ. Лѣтнее стачечное движеніе и очередныя задачи рабочихъ организацій. Ст. 1-я. 38

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

В. Левицкій. Обзоръ раб. и соціалист. движенія на Западѣ. 53
А. Мартыновъ. Іенскій партейтагъ и размежеваніе въ лѣвомъ лагерѣ герман. соц.-демократіи. 62
А. Коллонтай. Движеніе менажерокъ (хозяекъ) во Франціи. 75
М. Павловичъ. Паденіе китайской стѣны. 80

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Л. Мартовъ. Терроръ и провокація. 85
Евг. Маевскій. Первое Сентября въ столыпинскомъ кризисѣ. 98
В. Г.—азъ. Изъ русской зарубежной печати. 113
А. Потресовъ. Критическіе наброски. 120
Н. Череванинъ. Поправка.

Книги, поступившія въ редакцію.

Типографія „Улей", Кирпичный пер 3.

Критическіе наброски.

О кризисѣ русскаго идеологическаго творчества и о Д. Н. Овсянико-Куликовскомъ.

1.

Какъ то странно мертво прошла нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ столѣтняя годовщина Бѣлинскаго. Точно литература совершила докучный обрядъ, точно она отдала непріятный, но изъ приличія нужный визитъ тѣни прошлаго и отдавъ, поторопилась откланяться, и расчеркнувшись казенно-поминальными статьями, прошла—съ сознаніемъ исполненнаго долга къ своимъ очереднымъ занятіямъ.

Если не ошибаюсь, въ одномъ только „Русскомъ Богатствѣ“ было мимоходомъ отмѣчена исключительная скудость этого юбилейнаго творчества: даже полнаго собранія сочиненій Бѣлинскаго, предпринятаго десять лѣтъ тому назадъ, не успѣли закончить ко дню столѣтней годовщины, даже писемъ его до сихъ поръ не собрали! Но и „Русское Богатство“ только констатировало скудость и вмѣстѣ со всею печатью не остановилось на вопросѣ о томъ, откуда эта скудость и что она значитъ?

Правда, какъ было отмѣчено Овсяннико-Куликовскимъ въ статьѣ, посвященной памяти Бѣлинскаго въ „Рѣчи, „давно прошли тѣ времена, когда Бѣлинскимъ зачитывались. Прошли и тѣ, когда его перечитывали“. И однако, еще до недавняго времени образъ Бѣлинскаго сохранялъ какую-то интимную близость съ русской читающей, пишущей публикой. На Бѣлинскаго оглядывались, Бѣлинскимъ аргументировали, отъ Бѣлинскаго вели свою родословную. Словомъ, Бѣлинскій не былъ исторической реликвіей, къ которой подходятъ съ безстрастнымъ изученіемъ. Наоборотъ, онъ—изъ дали сороковыхъ годовъ—точно вплетался въ борьбу современныхъ идей, онъ точно все еще жилъ въ современности, для однихъ—противникъ, съ которымъ продолжаютъ бороться, для другихъ—союзникъ и другъ, на котораго хотятъ опереться.

Недаромъ, напр., въ 90-хъ годахъ Волынскій, предпринимая „борьбу за идеализмъ“, едва ли не съ первыхъ же шаговъ столкнулся съ мертвымъ— и все же живымъ—Бѣлинскимъ и повелъ съ нимъ рѣзкую полемику. Недаромъ, съ другой стороны, русскій марксизмъ, въ лицѣ Плеханова, искалъ въ мысли Бѣлинскаго тѣхъ элементовъ, которые сближаютъ ее съ современнымъ міросозерцаніемъ соціалдемократіи.

Можно сказать, при каждомъ крупномъ поворотѣ въ умонастроеніи интеллигенціи, интеллигенція такъ или иначе сосчитывалась съ своимъ

духовнымъ отцомъ. А когда, въ свою очередь, Струве въ „Вѣхахъ“ захотѣлъ сосчитаться и посчитаться съ интеллигенціей, онъ, обращаясь къ прошлому, нашелъ въ этомъ прошломъ все того же Бѣлинскаго — „полѣвѣвшаго“ Бѣлинскаго,—какъ одного изъ основоположниковъ, рядомъ съ Бакунинымъ, этой ненавистной ему соціальной категоріи.

Очевидно, въ цѣпи тѣхъ умонастроеній, которыя смѣнялись за истекшія три четверти вѣка, какъ у русской дореволюціонной демократіи, такъ и у всего прогрессивнаго русскаго „общества“, оставалось какое-то нѣчто, роднившее эти умонастроенія съ ихъ начальнымъ звеномъ—съ эпохой Бѣлинскаго.

Почему же, спрашивается, точно порвалась въ настоящее время эта роднящая связь, почему неожиданно изсякло, казалось, бившее неизсякаемымъ ключемъ общественное вниманіе къ Бѣлинскому?

Этотъ вопросъ тѣмъ болѣе заслуживаетъ разсмотрѣнія и отвѣта, что Бѣлинскій отнюдь не является единственной жертвой. что съ нимъ ту же судьбу раздѣляютъ сейчасъ также чуть ли не всѣ остальные корифеи русской общественности.

Такъ я едва ли ошибусь, полагая, что и предстоящая черезъ нѣсколько недѣль пятидесятая годовщина со дня смерти Добролюбова, пройдетъ подъ знакомъ того же равнодушія и такъ же безплодно. Вѣдь, у всѣхъ передъ глазами разительный примѣръ Чернышевскаго, который вышелъ посмертно изъ подъ запрета, чтобы попасть въ полосу невниманія, чтобы единственно въ трудахъ соціалдемократовъ найти въ наше время оцѣнку своей замѣчательной дѣятельности: вся прочая литература молчала или сосредоточивалась на мелочахъ. А затѣмъ: перестали читать не только Бѣлинскаго, перестали въ настоящее время—какъ о томъ свидѣтельствуютъ библіотечные отчеты—читать и Н. К. Михайловскаго, и многое другое изъ того, что совсѣмъ еще недавно концентрировало на себѣ интересъ широкихъ круговъ интеллигенціи.

Случайность ли это совпаденія? Преходящая ли заминка періода депрессіи? Мнѣ кажется, что—нѣтъ. Мнѣ кажется, что всѣ эти случаи, какъ и неудавшаяся поминка по Бѣлинскомъ, какъ нельзя болѣе симптоматичны, что всѣ они говорятъ объ одномъ—о происшедшемъ поворотѣ во взглядахъ, интересахъ и вкусахъ, поворотѣ, отнюдь не связанномъ съ той или другой конъюнктурой момента, а имѣющемъ корни въ основныхъ процессахъ общественной жизни. И мнѣ кажется также, что матеріала для подтвержденія этой мысли, какъ и для уясненія себѣ содержанія поворота, много вездѣ, гдѣ угодно: жизнь разбросала его въ избыткѣ, разбросала и въ литературѣ. И если въ настоящей статьѣ я ограничиваюсь тѣмъ матеріаломъ, который въ этомъ смыслѣ даютъ работы Овсянико-Куликовскаго *), то дѣлаю это какъ для того, чтобы не

*) Я пользуюсь статьей Овсянико-Куликовскаго „Памяти В. Г. Бѣлинскаго“ въ Рѣчи отъ 30 Мая с. г., его статьей „Психологія русской интеллигенціи“ въ сборникѣ „Интеллигенція въ Россіи“, а также третьей частью его „Исторія русской интеллигенціи“.

слишкомъ далеко отходить отъ своего отправнаго положенія—отъ вопроса о внезапномъ умираніи Бѣлинскаго въ современной общественности, такъ и для того, чтобы остановиться и остановить вниманіе читателя на точкѣ зрѣнія самого Овсянико-Куликовскаго.

2

Въ данномъ случаѣ Овсянико-Куликовскій интересенъ для насъ вдвойнѣ: и какъ субъектъ, и какъ объектъ изученія; и какъ изслѣдователь, занесшій въ сферу своего наблюденія намѣчающійся въ литературѣ и въ жизни поворотъ и со свойственнымъ ему талантомъ психолога попытавшійся опредѣлить его сущность, и какъ представитель того же поворота, въ своей писательской дѣятельности давшій яркое выраженіе этой сущности.

Сущность въ терминахъ Овсянико-Куликовскаго гласитъ: „кризисъ русскаго идеологическаго творчества", *) конецъ—если можно такъ выразиться—тому умоустремленію интеллигенціи, при которомъ интеллигенція, по словамъ Овсянико-Куликовскаго, неизмѣнно себѣ ставила задачей „выработку міросозерцанія", исканіе „принциповъ", „общихъ идей", „исходя отъ которыхъ, россіянинъ можетъ рѣшить для себя—всѣ вопросы бытія и мысли, включая сюда и пресловутый вопросъ „о смыслѣ жизни" вообще и въ частности вопросы „что дѣлать?" и, какъ мнѣ жить свято?" **).

То есть, конецъ россійскимъ „идеологіямъ", представляющимъ по мнѣнію Овсянико-Куликовскаго, специфическое сочетаніе „философскихъ и научныхъ цѣнностей", приспособляющихся къ „моральнымъ и практическимъ запросамъ", и „моральныхъ и практическихъ запросовъ", ищущихъ себѣ обоснованія въ вышеуказанныхъ цѣнностяхъ *). Эти идеологіи, „обращающіяся", подобно религіямъ, къ тѣмъ, кто „по своему духовному складу" „къ нимъ предрасположенъ", были полезны и необходимы въ обстановкѣ отсталой страны, когда „созданіемъ идеологій" „достигалась" „санкція" „освободительнымъ идеямъ" и „запросамъ гуманности. Но онѣ становятся излишними, когда „прогрессъ культуры и мысли" дѣлаетъ „требованія прогрессирующей человѣчности", „принципы гуманности, задачи просвѣщенія, освободительныя—въ обширномъ смыслѣ—идеи—„самоцѣнными", не нуждающимися болѣе въ этой санкціи **).

Эта „самоцѣнность „духовныхъ благъ" является въ Зап. Европѣ и Америкѣ осуществившимся фактомъ, „великимъ завоеваніемъ культуры". Въ настоящую же „переходную эпоху" и „мы"—по свидѣтельству Овсянико-Куликовскаго—„выходимъ изъ идеологическаго и „аскетиче-

*) См. ст. „Психологія русской интеллигенціи", стр. 217.
**) Тамъ же, ст. 210.
***) Тамъ же стр. 202.
****) Тамъ же, стр. 207—208.

скаго“ фазиса на торную дорогу культурнаго и политическаго развитія“; и у насъ происходитъ теперь отдѣленіе „духовныхъ благъ“ отъ запросовъ морали и практики; на смѣну идеологіямъ „выступаютъ политическія партіи въ европейскомъ смыслѣ этого слова, а просвѣтительная миссія идеологій смѣняется болѣе широкою культурною дѣятельностью интеллигентныхъ силъ, опредѣляемыхъ и движимыхъ уже не тою или иною идеологическою доктриной, а признаніемъ высокой цѣнности духовныхъ благъ по существу и убѣжденіемъ въ необходимости ихъ наивозможно-широкаго распространенія въ массѣ народа“ *).

И въ соотвѣтствіи съ этимъ мѣняется и интеллигенція: типъ интеллигента—идеолога уступаетъ мѣсто типу интеллигента, правда, имѣющаго „опредѣленные принципы и выработанное общественное и политическое направленіе“, но уже „свободнаго“ отъ „обязательныхъ нормъ той или иной идеологіи“. Интеллигенція „освобождается“ отъ „нормъ“ идеологіи по мѣрѣ того, какъ идетъ въ ней на убыль „отщепенство“ и слабѣетъ ея „разрывъ съ дѣйствительностью“, являвшійся почвой, непосредственно питавшей ея—интеллигенціи—тягу къ идеологіямъ. А „отщепенство“ интеллигенціи убываетъ „вмѣстѣ съ ростомъ культуры и съ успѣхами гражданской и политической свободы“, въ зависимости отъ которыхъ „въ странѣ увеличивается спросъ на интеллигентный трудъ“ и интеллигенція получаетъ возможность „начать жить здоровою жизнью среди живого и прогрессирующаго общества“.

Передъ нами—какъ видимъ—разработанная и цѣльная концепція, правильно или нѣтъ—объ этомъ въ дальнѣйшемъ—но во всякомъ случаѣ дающая отвѣтъ на поставленный нами вопросъ о судьбѣ, постигшей Бѣлинскаго.

Иначе и быть не могло—отвѣчаетъ концепція. Вѣдь совершенно очевидно, что интеллигенція, порвавшая со своимъ прежнимъ „отщепенствомъ“ и съ своимъ прежнимъ „идеологизмомъ“ должна была порвать и съ излюбленными людьми, героями, вождями прежней отщепенско-идеологической полосы своего развитія, ибо въ этихъ излюбленныхъ людяхъ, герояхъ, вождяхъ, только ярче и полнѣе отразились тѣ именно черты пройденной полосы, противъ которыхъ какъ разъ и направлена идейная и психологическая реакція настоящаго времени. Что же удивительнаго, что вокругъ имени Бѣлинскаго, этого—по мнѣнію Овсянико-Куликовскаго—типичнаго, хотя и съ „задатками для иного, высшаго творчества“, идеолога и отщепенца—вмѣсто былого обаянія образовалась теперь пустота равнодушнаго невниманія! Это говоритъ лишь за то, что именно здѣсь—въ „отщепенствѣ“ и идеологизмѣ—находится ключъ къ пониманію той власти, которую имѣлъ надъ психикой ряда поколѣній несравненный образъ Бѣлинскаго.

Но такъ отвѣчала бы концепція, т. е. такъ гласила бы логика этой концепціи. Такъ, однако, не думаетъ отвѣчать ея авторъ, такъ—надо

*) Тамъ же стр. 217 и ст. „Памяти В. Г. Бѣлинскаго“

полагать—отвѣчать ему не позволяетъ его психологія. Ибо, отвѣчая такимъ образомъ, Овсянико-Куликовскій самолично бы разрушилъ, стеръ прекраснодушную окраску представленной имъ эволюціи. Онъ бы долженъ былъ придти къ тому выводу, что европеизація русской интеллигенціи, изображенная имъ, какъ переходъ интеллигенціи на высшую ступень развитія, сопровождается однако, очевиднымъ пониженіемъ ея уровня, опустошеніемъ ея идейнаго багажа, разъ изъ этого багажа выбрасывается, какъ обезцѣненная, такая вѣчная цѣнность русской культуры, какъ историческая личность Бѣлинскаго. Психологъ, цѣнитель и знатокъ классической русской литературы, воспитанный въ традиціяхъ культа Бѣлинскаго, пришелъ бы въ немъ въ неразрѣшимый конфликтъ съ безговорочнымъ поклонникомъ европеизаціи, съ идеализаторомъ процесса, переживаемаго современной интеллигенціей.

Этому конфликту Овсянико-Куликовскій предпочелъ, однако конфликтъ съ основнымъ положеніемъ имъ же данной концепціи: наперекоръ положеніямъ, какъ и наперекоръ дѣйствительности, онъ конструируетъ вмѣсто реально имѣющагося исчезновенія Бѣлинскаго изъ поля зрѣнія современной интеллигенціи „воскресеніе“ его къ „новой жизни“, какъ предмета „изученія“ его интеллигенціей съ одной стороны, какъ возможнаго элемента ея воспитанія съ другой, т. е. предполагаетъ между современной интеллигенціей и Бѣлинскимъ наличность психологическаго контакта, котораго какъ разъ то и нѣтъ и быть между ними не можетъ, если только вѣрна эта намъ уже знакомая концепція.

3

Но вѣрна ли концепція?—Я бы сказалъ: она представляетъ удивительную смѣсь изъ вѣрно наблюденныхъ фактовъ и невѣрнаго ихъ истолкованія. Овсянико-Куликовскій совершенно правильно подмѣтилъ какъ процессъ вывѣтриванія изъ интеллигенціи отщепенства, такъ и параллельный ему процессъ исчезновенія идеологическихъ умонастроеній интеллигенціи. Но онъ далъ эти процессы на фонѣ и въ перспективѣ общественнаго развитія, лишеннаго тѣхъ противорѣчій, которыя составляютъ существо буржуазнаго прогресса всего міра. И отсюда исходная фальшь въ концепціи Овсянико-Куликовскаго, отсюда ошибки анализа, отсюда уже нами отмѣченное прекраснодушіе вывода.

Именно съ представленіемъ объ этомъ лишенномъ противорѣчій общественномъ развитіи непосредственно связано основное положеніе Овсянико-Куликовскаго объ „ идеологическомъ творчествѣ“, какъ о принадлежности отсталой страны. Принадлежности, вмѣстѣ съ зубромъ или кремневымъ ружьемъ уступающей натиску цивилизаціи; то есть въ данномъ случаѣ, признанію самоцѣнности духовныхъ благъ и отдѣленію вопросовъ культуры и науки отъ вопросовъ практической политики.

Въ самомъ дѣлѣ, для Овсянико-Куликовскаго отсутствіе идеологій въ современной Европѣ свидѣтельствуетъ не о противорѣчіяхъ развитія, не о тупикѣ, въ который уперлась общественная мысль буржуазнаго об-

щества, а наоборотъ—о необыкновенномъ расцвѣтѣ этой мысли, мало того—объ ея эмансипаціи, отъ заинтересованности общественныхъ классовъ и группъ.

Спрашивается, въ какомъ же соотношеніи съ тѣмъ, что происходитъ въ подлинной жизни, находится эта картина, и что значитъ дѣйствительно неподлежащій оспариванію фактъ исчезновенія „идеологіи"—уже въ давно прошедшее время изъ умственнаго обихода Европы, въ настоящее—изъ обихода современной Россіи.

Чтобы читателю, было ясно въ дальнѣйшемъ, о чемъ идетъ рѣчь, я долженъ сейчасъ же оговорить, что Овсянико-Куликовскій значительно противъ обычнаго съуживаетъ понятіе идеологіи, и что только та идеологія (въ общепринятомъ смыслѣ) заносится имъ въ эту рубрику, которая откристаллизовалась въ теорію, которая получила форму очерченнаго міровоззрѣнія, которая стала общественнымъ ученіемъ и притомъ ученіемъ, возбуждающимъ въ своихъ адептахъ родъ „психологически-религіознаго" къ себѣ „отношенія". Т. е. Овсянико-Куликовскій общимъ терминомъ идеологіи покрываетъ лишь опредѣленный ея типъ и только этотъ типъ, конечно, и предполагаетъ, когда говоритъ объ исчезновеніи идеологій.

Не идеологіи вообще исчезли изъ обихода современной Европы, а только общественныя теоріи и доктрины, только „ученія" съ ихъ властью надъ умами. Почему же исчезли? Неужели потому, что Европа научилась признавать „самоцѣнность духовныхъ благъ", какъ это хочется думать Овсянико-Куликовскому?

Разумѣется, нѣтъ. Онѣ исчезли въ буржуазной средѣ вмѣстѣ съ исчезновеніемъ той почвы, которая питала этотъ видъ идеологій,—онѣ исчезли, когда движеніе впередъ къ великимъ задачамъ, къ большимъ, поставленнымъ цѣлямъ смѣнилось у современнаго буржуазнаго общества консервативной позиціей. Тогда и въ сферѣ общественной мысли наступило затишье и вмѣсто прежняго наступательнаго явилось, если можно такъ выразиться, оборонительное мышленіе.

Не нужно обобщающихъ идей, не нужно синтезированія общественныхъ явленій, эмпиризмъ и скепсисъ болѣе подходящія орудія въ борьбѣ съ соціальнымъ движеніемъ и съ продуктомъ этого движенія—съ соціалистическимъ „ученіемъ". Овсянико-Куликовскій почему-то забылъ объ этомъ „ученіи", т. е. о томъ, казалось бы, немаловажномъ обстоятельствѣ, что „идеологіи" исчезли изъ среды буржуазной интеллигенціи, но только для того, чтобы стать достояніемъ пролетаріата и его покоряющей силой; что ставъ въ немъ силой, онѣ дѣйствуютъ въ свою очередь на буржуазное мышленіе и даже до того, что, можно сказать, вся исторія идей за послѣднія три четверти вѣка опредѣляется именно этимъ дѣйствіемъ соціалистической идеологіи рабочаго класса и противодѣйствіемъ ей отрицающаго „идеологіи" буржуазнаго мышленія.

Поэтому, какой то насмѣшкой надъ тѣмъ, что есть, звучитъ для меня заявленіе Овсянико-Куликовскаго о „великомъ завоеваніи", ко-

торое, будто бы, сдѣлала европейская мысль, отказавшаяся отъ идеологій, чтобы признать, „самоцѣнность духовныхъ благъ“, чтобы освободиться отъ приспособленія къ „моральнымъ и практическимъ запросамъ“. Ибо, поистинѣ, никогда еще эта „самоцѣнность“ не падала такъ низко въ мірѣ общественныхъ идей, никогда еще приспособляемость не давала себя знать съ такой силой, какъ именно въ эту эпоху борьбы противъ доктрины соціализма.

Достаточно вспомнить хотя бы о современномъ положеніи экономической науки и сопоставить его съ эпохой классиковъ, чтобы убѣдиться въ этой неподлежащей оспариванію истинѣ. И тогда, конечно, не было себѣ довлѣющаго научнаго сознанія, и тогда общественные-классовые или групповые интересы, преломленные въ общественной—классовой или групповой—психологіи, стояли за дверями этого сознанія и предопредѣляли его направленіе. Но тогда эти интересы и эта психологія, совпадая съ общественнымъ развитіемъ, совпадали и съ развитіемъ научной мысли, и толкали сознаніе впередъ, и создавали теоріи, и выдвигали гигантовъ науки. Теперь этого совпаденія нѣтъ—и въ этомъ все дѣло, и результаты обратные. Классовая или групповая заинтересованность научнаго сознанія превращается въ тормазъ, въ элементъ разложенія науки.

Другими словами: есть заинтересованность и заинтересованность. Заинтересованность идущаго впередъ движенія, вѣрящаго въ себя и въ свои силы, творящая, и заинтересованность упадка, фальсифицирующая и опустошающая научную мысль. И чѣмъ область науки непосредственнѣе соприкасается съ современной общественной жизнью, тѣмъ опустошеніе громче говоритъ о себѣ, тѣмъ ярче контрастъ между грандіознымъ развитіемъ техники, естествознанія и убожествомъ такъ называемыхъ соціальныхъ наукъ, гдѣ мысль либо борется съ положеніями соціалистической теоріи, либо уходитъ на одно собираніе фактовъ, избѣгая обобщеній; гдѣ давно уже крупныя идеи размѣнены на мелочь и торжествующая критическая эмпирика вытѣснила творческій синтезъ.

Но, конечно, въ неизмѣримо еще большей степени объ этомъ эмпиризмѣ эпохи упадка въ его наихудшихъ формахъ свидѣтельствуетъ современная политика, свидѣтельствуетъ исторія европейскихъ политическихъ партій.

И я положительно теряюсь, какъ могъ Овсянико-Куликовскій пренебречь этимъ многоговорящимъ и, кажется, таки достаточно извѣстнымъ свидѣтельствомъ, и связать—въ противорѣчіе съ нимъ—исчезновеніе „идеологій“ изъ общественной практики буржуазныхъ классовъ Европы съ укрѣпленіемъ „традицій умственнаго развитія“, съ ростомъ культуры, сдѣлавшимъ, якобы, ненужной прежнюю идеологическую „санкцію“ „освободительнымъ идеямъ“, „принципамъ гуманности“, „требованіямъ прогрессирующей человѣчности“—за ихъ общимъ признаніемъ.

Вѣдь это же какой-то сплошной наоборотъ! Исторія, поставленная на голову, тогда какъ исторія, стоящая на ногахъ, въ своемъ естествен-

номъ видѣ, говоритъ не объ укрѣпленіи традицій, а о забвеніи принциповъ, не о признаніи самоцѣнными свободы и гуманности, а о перманентномъ ихъ заушеніи—въ угоду тому или другому интересу.

Передъ нами—двухсторонній процессъ освобожденія политики буржуазныхъ классовъ отъ идеологій и превращенія этой политики въ неприкрытую свалку интересовъ, лишенную даже иллюзіи общей задачи, общенароднаго блага. Все обнажено и развѣ еще только національнизмъ, который усиливается, да клерикализмъ, который не хочетъ умирать, исправляютъ до нѣкоторой степени—по своему—обязанности этой иллюзіи, играютъ роль ея суррогатовъ. Все обнажено, потому что нечѣмъ прикрыть свою наготу: старыя одежды до тла изношены, старыя идеи и теоріи выведены изъ оборота измѣнившимся соотношеніемъ классовъ. Ибо то, что когда-то приходилось впору буржуазіи въ ея функціи освободителя, то не къ лицу буржуазіи въ ея настоящей по преимуществу охранительной функціи. И поэтому, идутъ на смарку, какъ устарѣлая бутафорія, и принципы великой французской революціи, и даже мечтанія домартовской демократіи Германіи. Во что превратился французскій радикализмъ, это намъ совсѣмъ еще недавно демонстрировалъ на склонѣ своей многолѣтней карьеры самый выдающійся дѣятель третьей республики—Жоржъ Клемансо.

А либеральныя партіи Германіи и Австріи? Я не знаю болѣе безславныхъ страницъ, чѣмъ исторія послѣднихъ десятилѣтій нѣмецкаго либерализма. Начиная хотя бы съ капитуляціи передъ „политикой крови и желѣза", „желѣзнаго канцлера" онъ такъ много измѣнялъ своему прошлому, такъ отъ многаго отрекался, постоянно въ плѣну у реакціоннаго юнкерства, постоянно гонимый направо запросами рабочаго класса, т. е. какъ разъ тѣми самыми „требованіями прогрессирующей человѣчности", о которыхъ такъ некстати вспомнилъ Овсянико-Куликовскій,—что отъ прежней либеральной доктрины осталась лишь вывѣска, ярлыкъ, за которымъ нѣтъ содержимаго.

А развѣ исключеніе изъ правила, а не яркій примѣръ, его подтверждающій, это банкротство германскаго либерализма? Развѣ либеральная и радикальная демократіи не оказались повсюду „безъ догмата"—и часто даже безъ программы. Программа отдѣлилась отъ общихъ принциповъ, текущая политика отдѣлилась отъ программы, и общимъ лозунгомъ сталъ успѣхъ сегодняшняго дня, политика сдѣлки, авантюра сулящихъ комбинацій, эмпиризмъ безпринципности...

Старыя догмы разрушились, но новыя не создались, не создались даже и тогда, когда въ нихъ ощущалась надобность, когда дѣлались чрезвычайныя попытки влить въ старыя, либеральныя или радикальныя мѣха новое вино принципіальности. Національ-соціальное направленіе Наумана, группа Барта, радикалъ-соціалисты Франціи—сколько ихъ было, этихъ усилій обновленія, не имѣвшихъ, однако, серьезныхъ идейныхъ послѣдствій и давшихъ въ результатѣ только безвкусную эклектическую кашицу.

И даже ревизіонизмъ, этотъ реваншъ соціализму буржуазнаго мышленія, и онъ не сумѣлъ подняться надъ голымъ отрицаніемъ, надъ безплоднымъ скепсисомъ, и противопоставить принципу принципъ. Онъ сидѣлъ надъ доктриной соціалдемократіи, вырѣзывая изъ нея куски потопалъ и кроилъ, но новаго скроить не умѣлъ, и остался при лоскуткахъ своей критики.

И это то сумеречное состояніе буржуазной общественной мысли, эту раздробленность эпохи упадка Овсянико-Куликовскій принимаетъ за норму, считая, очевидно, положеніемъ вещей, которое такъ и приличествуетъ странамъ съ „упроченной“ „духовной культурой“, съ „выработанной“ „дисциплиной мысли“. Поэтому—въ назиданіе россійскому интеллигенту и въ укоръ идеологическому мышленію—онъ и преподноситъ имъ, вѣроятно, ту идиллію дифференціаціи, согласно которой ученые съ своей стороны разрабатываютъ „духовныя блага“ an sich, по существу, не сообразуясь ни съ какими посторонними запросами, а читательская масса, съ своей—благонравно не тщится внести въ „разработку“ свое классовое или групповое „я“, а „просто“ ее „пріемлетъ“ и дѣлаетъ это „сравнительно легко и безъ замѣтнаго приспособленія, урѣзыванія и переоцѣнки—благодаря усвоенной и унаслѣдованной воспитанности мысли, ея изощренности и воспріимчивости“.

Ну, а дальше, прилагая ту же схему развитія къ русской общественности, къ эволюціи русской интеллигенціи, естественно придти и къ тому выводу, къ которому Овсянико-Куликовскій и на самомъ дѣлѣ пришелъ. Это—выводъ, что освобожденіе интеллигенціи изъ плѣна идеологій въ связи съ освобожденіемъ ея отъ отщепенства, есть явленіе прогресса, есть лишь дальнѣйшій поступательный шагъ ея развитія.

Въ слѣдующій разъ мы посмотримъ, такъ ли это въ дѣйствительности и каковъ общественный смыслъ позиціи, занятой Овсянико-Куликовскимъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

А. Потресовъ.

Поправка.

Въ статью мою въ № 7—8 „Нашей Зари“—„Къ совр. эпохѣ полож.“ на стр. 29 въ таблицу вкралась досадная опечатка, нарушившая въ 1 столбцѣ устанавливаемую мною періодичность: въ четвертой строкѣ таблицы, въ 1 столбцѣ противъ четыр. 1897—1900—урожайность показана 107, слѣдуетъ читать—101.

Н. Череванинъ.

Издатель А. Э. Дюбуа. Редакторъ О. В. Федорченко.

Тип. „УЛЕЙ“, Кирпичный пер. 3.

II-й г. изда

НАША ЗАРЯ

СОДЕРЖАНІЕ:

В. ЛЕВИЦКІЙ. Наша „конституція“ и борьба за право.

Н. ЧЕРЕВАНИНЪ. Рабочая масса передъ опасностью растущаго обнищанія.

М. ХЕЙСИНЪ. Государственное страхованіе рабочихъ въ Россіи.

А. МИХАЙЛОВЪ. Стачечное движеніе и задачи рабочихъ организацій. Ст. 2-я.

М. НЕВѢДОМСКІЙ. Объ Н. А. Добролюбовѣ.

Г. БѢЛОУСОВЪ. (Бывш. Чл. II-й Гос. Думы). Послѣдніе дни с.-д. фракціи второй Гос. Думы.

Иностранное обозрѣніе.

В. ЛЕВИЦКІЙ. Хроника иностранной жизни. (Инсбрукскій партейтагъ и проч.).

А. БАЛАБАНОВА. Экстраординарный конгрессъ соціалистическ. партіи въ Моденѣ.

К. ЗАЛЕВСКІЙ. Павелъ Лафаргъ и Лаура Маркъ-Лафаргъ.

Д. ЗАСЛАВСКІЙ. Изъ жизни.—Крушеніе иллюзій. — Партія всеобщихъ любимцевъ.

Внутреннее обозрѣніе.

ЕВГ. МАЕВСКІЙ. Подъ знакомъ „націонализма“ и приближающихся выборовъ.

СТ. ИВАНОВИЧЪ. Правительство и голодъ.

Н. ТРОЦКІЙ. Неотложные вопросы.

ОТЪ РЕДАКЦІИ. По поводу статьи Н. Троцкаго.

Новыя книги.

№ 11. СПБ. 1911 Ц. 45 к.

НАША ЗАРЯ

Ежемѣсячный журналъ

№ 11.

СПБ. 1911 годъ.

Неотложные вопросы *).

1. Примѣрная политическая кампанія.

Волею судебъ въ небольшомъ итальянскомъ городѣ, „подъ аркадами", оказались годъ тому назадъ собраны 15 русскихъ рабочихъ, въ качествѣ „слушателей" марксистской школы и нѣсколько интеллигентовъ-лекторовъ. Были представлены всѣ направленія, кромѣ тѣхъ, которыя не пожелали себя представить. Большинство принадлежало ко „впередовскому" толку. Во время собесѣдованій на внутрипартійныя темы—причемъ, думская фракція и „ликвидаторы" стояли, разумѣется, въ центрѣ всѣхъ преній—сплошь и рядомъ выходило такъ, что совмѣстная политическая работа невозможна. Тогда одинъ изъ лекторовъ внесъ слѣдующее предложеніе.

— Представьте себѣ,—сказалъ онъ, что мы находимся не на via Marsala, а на одиннадцатой линіи. Здѣсь нѣтъ учениковъ и лекторовъ, а собрались представители руководящихъ соціалдемократическихъ кружковъ Петербурга во всѣхъ областяхъ рабочаго движенія: пять человѣкъ—отъ „районовъ", три человѣка—отъ профессіональныхъ союзовъ, два—отъ клубовъ, одинъ—отъ думской фракціи и т. д. Вопросъ, который стоитъ передъ нами такой: какъ отвѣтить на антифинляндскую политику правительства и третьей Думы? Насчетъ принципіальной необходимости въ той или иной формѣ откликнуться на крестовый походъ противъ Финляндіи у насъ сомнѣній не можетъ быть. Соціалдемократія начинается тамъ, гдѣ начинается организованное вмѣшательство передовыхъ рабочихъ въ текущія политическія событія. Этихъ событій мы не выбираемъ: сегодня въ порядокъ дня поставлена Финляндія. Тѣмъ самымъ на насъ падаетъ обязанность: не только разъяснить рабочимъ смыслъ и характеръ финляндской политики третьеіюньцевъ; но и дать организованное выраженіе политическому мнѣнію сознательнаго пролетаріата въ этомъ вопросѣ. Будетъ ли это въ данный моментъ мнѣніе пяти тысячъ или пятисотъ человѣкъ,—все равно, мы не имѣемъ права молчать. Партія есть политическая непрерывность. Если нѣтъ такой организаціи, въ рамкахъ которой передовые рабочіе могли бы выработать свое собственное

*) Съ благодарностью принимая приглашеніе ред. „Нашей Зари" работать въ этомъ журналѣ авторъ печатаемой выше статьи такъ же мало, какъ и редакція, намѣренъ скрывать отъ себя или отъ своихъ читателей наличность серьезныхъ разногласій между направленіемъ, представленнымъ „Нашей Зарей", и тѣмъ, къ которому примыкаетъ авторъ. Но въ то же время для автора совершенно несомнѣненъ процессъ тактическаго сближенія всѣхъ теченій партіи, создающій основу для единства политическихъ дѣйствій. Взаимный обмѣнъ мнѣніями — безъ затушевыванія дѣйствительныхъ разногласій, какъ и безъ ихъ искусственнаго раздуванія—можетъ, съ нашей точки зрѣнія, только оплодотворить и ускорить процессъ сплоченія всѣхъ с.-д. силъ. Первая статья носитъ по необходимости вступительный характеръ: она представляетъ собою попытку объясниться съ читателями „Нашей Зари" по всѣмъ тѣмъ вопросамъ, которые, съ точки зрѣнія автора, представляются неотложными.

Н. Т.

отношеніе къ финляндскому вопросу, они будутъ въ большей или меньшей мѣрѣ питаться взглядами, развиваемыми на страницахъ кадетской прессы. Если свое отношеніе къ націоналистической политикѣ рабочіе-соціалдемократы, хотя бы и въ небольшомъ числѣ, хотя бы и въ скромныхъ формахъ, не проявятъ открыто, на глазахъ широкихъ массъ, они упустятъ возможность расширить операціонную базу своихъ дальнѣйшихъ выступленій. Недостаточно прочитать въ районныхъ кружкахъ доклады по поводу Финляндіи или выпустить на эту тему листокъ, ибо соціалдемократія не можетъ ограничиться однимъ истолкованіемъ событій; путемъ всесторонней агитаціонной работы нужно объединить всѣ соціалдемократическіе элементы Петербурга въ оформленномъ политическомъ выступленіи, въ дѣйствіи. Формы такого выступленія диктуются условіями момента и могутъ быть на первый разъ очень скромны: мы вырабатываемъ совмѣстно нашу декларацію по финляндскому вопросу, къ ней послѣ обсужденія присоединяются нѣсколько сотъ или тысячъ рабочихъ; думская фракція беретъ на себя задачу огласить и обосновать эту декларацію съ думской трибуны; одновременно мы доводимъ нашу декларацію до свѣдѣнія финляндской соціалдемократіи и интернаціональнаго соціалистическаго бюро. Такова первая глава нашей „финляндской" кампаніи. Разовьется ли эта послѣдняя дальше и въ какихъ формахъ, это будетъ зависѣть отъ дальнѣйшаго хода событій и отъ настроенія массъ.

— „Разъ передъ нами въ данный моментъ стоитъ ясная, опредѣленная и неотложная политическая задача,—продолжалъ докладчикъ,—намъ приходится не резонерствовать объ относительной важности разныхъ формъ рабочей организаціи, а брать за точку отправленія тѣ соціалдемократическія организаціонныя ячейки,—районные комитеты или группы профессіоналистовъ,—которые имѣются въ настоящую минуту и которые готовы приступить къ работѣ. Единство политической задачи упраздняетъ для начала, хотя бы только въ данномъ, частномъ случаѣ, вопросы организаціоннаго мѣстничества. Раздѣленіе труда между группой профессіоналистовъ и районнымъ комитетомъ, между агитаціоннымъ воззваніемъ и статьей марксистскаго журнала, между рѣчью на заводскомъ митингѣ и рѣчью въ Думѣ, должно естественно опредѣлиться въ ходѣ самой кампаніи. Вы можете однѣ формы организаціи считать болѣе значительными или жизненными, чѣмъ другія; но вы согласитесь, что степень жизненности и значительности каждаго организаціоннаго образованія можетъ подвергнуться безспорному испытанію лишь въ процессѣ политической мобилизаціи массъ. Поэтому я предлагаю, совершенно не затрагивая пока принципіальнаго вопроса о типѣ партійной организаціи, выработать общій планъ данной, очередной кампаніи и дѣловымъ образомъ, распредѣлить работу".

Послѣ краткаго обсужденія предложеніе было принято.

— „Начать кампанію мы можемъ не иначе, какъ съ воззванія, которое должно, съ одной стороны, вскрыть движущія силы „финляндской"

политики правительства и буржуазныхъ партій, а съ другой—въ ясной, совершенно неприкровенной, никакихъ недоразумѣній не возбуждающей, формѣ дать наши лозунги въ финляндскомъ вопросѣ. Этимъ уже предопредѣлена и данномъ случаѣ техника воззванія.

— Необходимо далѣе привлечь къ дѣлу марксистскіе журналы. Большинство изъ васъ относится къ этимъ изданіямъ отрицательно, какъ къ „ликвидаторскимъ". Я лично во многихъ и весьма существенныхъ вопросахъ не могу солидаризироваться съ ними. Но сейчасъ рѣчь идетъ не объ опредѣленіи нашего общаго отношенія къ этимъ журналамъ, а объ использованіи существующихъ и читаемыхъ передовыми рабочими изданій въ интересахъ возможнаго расширенія и углубленія нашей политической агитаціи. Потребуемъ—а мы имѣемъ на это право, ибо мы читатели этихъ журналовъ—помѣщенія статей, рисующихъ экономическія и политическія взаимоотношенія Финляндіи и Россіи, политическія группировки внутри Финляндіи и пр. Потребуемъ, чтобы профессіональные органы стремились заинтересовать своихъ читателей судьбой Финляндіи, давая статьи о финляндскомъ профессіональномъ и вообще рабочемъ движеніи и о возможномъ вліяніи на него третьеіюньскаго законодательства. Позаботимся, чтобъ на всѣ эти темы былъ прочитанъ рядъ докладовъ въ просвѣтительныхъ клубахъ и районныхъ кружкахъ. Наша думская фракція возьметъ на себя обязательство при всякомъ подходящемъ случаѣ поднимать финляндскій вопросъ съ думской трибуны. Мы съ своей стороны будемъ всѣми мѣрами привлекать вниманіе рабочихъ къ выступленіямъ думской фракціи. При такой разносторонней и въ то же время согласованной въ своихъ политическихъ лозунгахъ агитаціи наша „финляндская кампанія" не только дастъ наибольшій политическій результатъ (а въ этомъ ея прямая цѣль), но и сослужитъ серьезную службу въ дѣлѣ возсозданія партійной организаціи. Между представленными на этомъ совѣщаніи ячейками и группами, работающими въ разныхъ плоскостяхъ движенія, установится тѣсная связь, причемъ организаціонныя формы этой связи не будутъ искусственно построены, а сложатся въ непосредственной зависимости отъ потребностей единообразнаго п о л и т и ч е с к а г о д ѣ й с т в і я".

Весь этотъ планъ примѣрной кампаніи былъ, несмотря на полную, казалось, непримиримость тактическихъ воззрѣній, принятъ безъ существенныхъ возраженій и измѣненій.

2. Генеральныя межеванія или политическая борьба?

Въ небольшомъ педагогическомъ экспериментѣ, описанномъ выше, отразился общій законъ, силою котораго соціалдемократическая партія только въ дѣйствіи и черезъ дѣйствіе способна свести къ единству, дѣйствительное или мнимое, разнообразіе теченій, оттѣнковъ, темпераментовъ и настроеній. Всѣ попытки послѣдняго времени организовать „единство идей" путемъ искусственнаго отбора фракціонныхъ единомышленниковъ, стоящихъ надъ рабочимъ движеніемъ, терпѣли неизмѣн-

ный крахъ. Можно было бы по-истинѣ придти въ полное отчаяніе по поводу грядущихъ судебъ россійской соціалдемократіи, если бы судить объ нихъ только по партійной литературѣ контр-революціоннаго періода. Профессіоналы „генеральныхъ межеваній" за послѣднія пять лѣтъ такъ часто и такъ нервно передвигали межевыя вѣхи, что у простыхъ смертныхъ только рябило въ глазахъ. Кто вчера еще былъ объявленъ безнадежно утерянным для дѣла пролетаріата, тотъ сегодня становился ближайшимъ союзникомъ; а вчерашніе ближайшіе единомышленники внезапно подвергались безвозвратному литературному изгнанію за партійную черту. Искусство раскола въ настоящее время страшно подешевѣло, и имъ промышляютъ не только генералы-отъ-межеванія, но и зауряд-прапорщики и даже завѣдомые фракціонные деньщики, не весьма твердо отличающіе правую руку отъ лѣвой. Та идейная смута, которая вносится фракціонно-межевой фальсификаціей марксизма въ сознаніе партіи, была бы совершенно непоправимой, если бъ эта литература... читалась. Но она не читается. Какъ ни слаба наша партія въ настоящее время организаціонно, но она, въ лицѣ передового слоя рабочихъ, выработала въ себѣ—еще далеко не достаточную, но уже очень значительную силу идейнаго сопротивленія попыткамъ кроить и перекраивать соціалдемократію по линіи... послѣдняго правительственнаго распоряженія. Строительство партіи путемъ подбора единомышленниковъ вокругъ фракціонныхъ платформъ становится все менѣе возможнымъ. Только политически-дѣйственная мобилизація сознательнаго пролетаріата, независимо отъ фракціонныхъ традицій или связей отдѣльныхъ его группъ, является въ настоящее время дѣйствительнымъ методомъ возсозданія партіи—на новомъ фундаментѣ, но подъ старымъ знаменемъ. Только на пути вовлеченія пролетарскаго авангарда въ политическую жизнь государства будетъ совершаться подлинное очищеніе марксистскаго соціализма отъ всякаго историческаго шлака. Каждая политическая кампанія, сталкивающая рабочихъ съ ихъ классовыми врагами, наноситъ непоправимый ударъ нашему старому сектантству и служитъ свою службу дѣлу великаго „генеральнаго межеванія"—между пролетаріатомъ и всѣми силами стараго общества.

3. Организаціонная отсталость и политическая зависимость.

За послѣдніе два-три года передовыми рабочими было проведено нѣсколько кампаній,—главнымъ образомъ, въ связи со съѣздами: фабрично-врачебнымъ, анти-алкогольнымъ, анти-проституціоннымъ, ремесленнымъ... Прошедшія преимущественно подъ руководствомъ, такъ называемыхъ „ликвидаторовъ", эти кампаніи сыграли очень серьезную роль—хотя бы уже однимъ напоминаніемъ того, что партія можетъ жить и развиваться, лишь какъ организація политическихъ дѣйствій. Но отличительной чертой этихъ кампаній являлось то, что ни ихъ объектъ, ни ихъ формы не выбирались и не опредѣлялись нами самими. Передовые рабочіе открыто демонстрировали свою точку зрѣнія въ тѣхъ во-

просахъ, по которымъ буржуазныя группы считали нужнымъ или возможнымъ созвать общественный съѣздъ, причемъ рамками этого съѣзда опредѣлялись въ значительной мѣрѣ и рамки нашей демонстраціи. Но по ряду вопросовъ, иногда не сравненно болѣе значительныхъ, неотложныхъ и острыхъ (бюджетъ и налоги, милитаризмъ, избирательное право, внѣшняя политика, преслѣдованія евреевъ, походъ на Финляндію и пр.) передовые рабочіе молчали, и только думская фракція и соціалъ-демократическая пресса поднимали *за нихъ* и *помимо нихъ* свой слабый голосъ.

Районныя ячейки выпускали въ это время изрѣдка свои воззванія, да вели устную кружковую агитацію. Мы оставляемъ сейчасъ въ сторонѣ вопросъ о политическихъ качествахъ этой агитаціи, которая не могла стоять на высотѣ уже въ силу кустарнически-безсистемнаго характера всей работы. Но и независимо отъ этого, кружковое *истолкованіе* событій само по себѣ еще не создаетъ партіи,—партія начинается съ организованнаго *вмѣшательства* въ событія.

Попытками политическаго вмѣшательства въ общественную жизнь являлись безпорно упомянутыя выше кампаніи; но, оставляя опять-таки въ сторонѣ политическія качества этихъ выступленій, не нужно закрывать глаза на то, что выступленія на съѣздахъ имѣли эпизодическій— т. е. случайный или полуслучайный—характеръ, будучи всецѣло подчинены иниціативѣ и контролю непролетарскихъ общественныхъ группъ.

Партія есть политическая непрерывность. Соціалъ-демократія не можетъ, выступая по поводу фабричной медицины, молчать по поводу всеобщаго права, и провозглашая свою точку зрѣнія на проституцію, она не смѣетъ молчать въ виду шумнаго и открытаго подготовленія еврейскихъ погромовъ.

Безсистемно-кустарническая агитація въ кружкахъ въ настоящихъ условіяхъ совершенно *недостаточна*; до революціи, въ атмосферѣ стихійнаго возбужденія, такого рода агитація теряла свой кружковой характеръ, такъ какъ лозунги ея, хотя бы и въ очень упрощенномъ видѣ, жадно впитывались массой. Теперь, въ эпоху медленнаго подъема, когда верхній слой пролетаріата переживаетъ періодъ внутренней кристализаціи, кружковая агитація не можетъ получить до-революціоннаго размаха, и въ то же время, не связанная тѣснѣйшими узами со всѣми другими формами движенія (думская фракція, профес. союзы и клубы, съѣзды, пресса и пр.) кружковая работа неизбѣжно грозитъ принять сектантски-замкнутый характеръ. Съ другой же стороны, „ликвидаторская“ *) работа, ведущаяся помимо этихъ районныхъ ячеекъ и не располагающая самостоятельнымъ аппара-

*) Слова „ликвидаторъ“ и „ликвидаторство“ употребляются здѣсь, разумѣется, лишь какъ условныя обозначенія опредѣленныхъ группъ и ихъ дѣятельности. Оцѣнка этой дѣятельности по существу дается въ статьѣ, поскольку это находится въ связи съ разсматриваемыми нами вопросами.

Н. Т.

томъ, вынуждена, какъ мы видѣли на примѣрѣ съѣздовскихъ кампаній, до послѣдней степени ограничивать поводъ политическихъ выступленій и урѣзывать ихъ лозунги. Участіе въ непролетарскихъ съѣздахъ, въ качествѣ ихъ лѣваго, рабочаго фланга, какъ главная форма политическихъ оказательствъ, соотвѣтствуетъ развѣ лишь тому зародышевы періоду развитія германской соціалъ-демократіи, когда эйзенахцы еще представляли собою лѣвое крыло народной (буржуазно-демократической) партіи, но чрезвычайно отстаетъ отъ дѣйствительныхъ политическихъ потребностей передового слоя русскихъ рабочихъ. Не потому вѣдь сознательные рабочіе демонстрировали свой взглядъ на проституцію, что именно этотъ вопросъ сталъ для нихъ вдругъ неотложнымъ и завладѣлъ ихъ вниманіемъ, а потому что представилась организаціонно-политическая возможность для такой демонстраціи. И не потому рабочіе-соціалъ-демократы не откликнулись на антифинлядское законодательство или на потрясную агитацію, что не имѣли по этимъ вопросамъ своего мнѣнія или не чувствовали потребности его активно проявить или, по крайней мѣрѣ, во всеуслышаніе заявить,—а потому, что для такого проявленія у нихъ не было организаціонно-политическихъ путей. Наши нынѣшнія организаціонныя формы въ чрезвычайной степени отстаютъ отъ политическаго сознанія передового слоя рабочихъ и потому самому принижающе дѣйствуютъ на это сознаніе.

4. Суррогаты классовыхъ организацій.

Иронія судебъ, не разъ вносившая замѣшательство въ принципіальные разсчеты двухъ нашихъ старыхъ фракцій, захотѣла, чтобы меньшевики, стоявшіе въ вопросѣ о взаимоотношеніи между партіей и профессіональными союзами на нейтралистской точкѣ зрѣнія, на дѣлѣ превратили профес. союзы въ нѣкоторый суррогатъ политической организаціи, окопавшись въ нихъ въ качествѣ фракціи; въ то время, какъ большевики, стоявшіе на точкѣ зрѣнія партійности союзовъ, дѣлали все отъ нихъ зависящее, чтобъ подъ флагомъ борьбы съ ликвидаторствомъ вырыть поглубже ровъ между профессіональными организаціями и партійными ячейками. И то и другое оказывалось возможнымъ въ той мѣрѣ, въ какой легальныя рабочія общества не были по существу профессіональными союзами, а партійныя ячейки не были на дѣлѣ политическими организаціями. „Ликвидаторы“ многократно указывали на замкну-пропагандистскій характеръ районныхъ ячеекъ, которыя какъ бы искусственно вырываютъ своихъ сочленовъ по одиночкѣ изъ массы, чтобы затѣмъ поставить ихъ внѣ сферы вліянія политическихъ вопросовъ, естественно выдвигаемыхъ жизнью страны. Отсюда дѣлается заключеніе о полной нежизнеспособ-

ности такого рода образованій. „Ликвидаторы“ остерегались, однако, тотъ же методъ оцѣнки примѣнить къ рабочимъ обществамъ, существующимъ въ рамкахъ закона 4 марта.

Развѣ можетъ быть названа профессіональнымъ союзомъ организація, охватывающая 1—2% рабочихъ, неизвѣстная массамъ, неавторитетная въ глазахъ предпринимателей и потому неспособная ни руководить экономической борьбой, ни поддерживать безработныхъ? Разумѣется, нѣтъ. Это ни въ коемъ случаѣ еще не боевой союзъ рабочихъ данной профессіи, а лишь профессіонально-просвѣтительное общество, стремящееся постоянно напоминать массамъ о необходимости профессіональнаго союза. Въ эти годы промышленнаго кризиса и политической реакціи профессіональныя „общества“ не имѣли возможности погружаться въ массы и возрастать въ процессѣ руководства массовымъ движеніемъ; оставалось подбирать единомышленниковъ вокругъ идеи необходимости профессіональной организаціи. Этотъ ограниченно-пропагандистскій характеръ рабочихъ обществъ придавалъ имъ—даже независимо отъ воли ихъ организаторовъ и руководителей—сектантски-кружковой характеръ, правда, не наступательный, а оборонительный, правда, не открытый, а замаскированный принципомъ нейтрализма. Только въ этихъ условіяхъ наши профессіональныя общества—по замыслу, органы экономической борьбы пролетаріата — являлись на дѣлѣ опорными пунктами политической фракціи „ликвидаторовъ“, которая—во имя будущаго широкаго массоваго рабочаго движенія, свободнаго отъ всякаго сектанства—нерѣдко съ чисто сектантской нетерпимостью относилась ко всякимъ другимъ пріемамъ и попыткамъ работы надъ построеніемъ соціалъ-демократической партіи. Изъ сказаннаго, конечно, ни въ малой мѣрѣ не вытекаетъ, что нынѣшнія легальныя рабочія общества являются нежизнеспособными. Наоборотъ, знанія, ими накопленныя, навыки, ими выработанные, получатъ самое широкое примѣненіе, какъ только экономическій подъемъ превратитъ общества профессіонально-политической пропаганды въ организаціи экономической борьбы. Но то же самое оживленіе классовой борьбы въ политической области окажетъ животворное дѣйствіе и на комитеты и районныя ячейки; они будутъ вовлечены въ водоворотъ массоваго движенія и создадутъ для него необходимые опорные пункты. Профессіональные союзы тѣмъ менѣе смогутъ въ дальнѣйшемъ являться суррогатами политическихъ организацій, чѣмъ сложнѣе и отвѣтственнѣе будетъ становиться ихъ роль въ экономической борьбѣ, чѣмъ многочисленнѣе и разнороднѣе будетъ составъ ихъ членовъ, чѣмъ менѣе подобранными во фракціонномъ смыслѣ окажутся ихъ правленія и редакціи. Вмѣстѣ съ этой неизбѣжной спеціализаціей организацій, вытекающей изъ усложненія ихъ задачъ, произойдетъ несомнѣнно и дифференціація среди самихъ „ликвидаторовъ“ по родамъ оружія: одни, болѣе или менѣе чистые профессіоналисты, сосредоточатся на профессіональной организаціи, какъ таковой; другіе, политики, вынуждены

будутъ искать для себя самостоятельныхъ формъ организаціи въ цѣляхъ планомѣрнаго воздѣйствія на политическую борьбу пролетаріата.

Этотъ процессъ происходитъ и сейчасъ—и онъ уже успѣлъ породить новыя внутрипартійныя задачи, разрѣшенія которыхъ нельзя больше откладывать ни на одинъ день.

5. Эволюція „ликвидаторства" и разложеніе „антиликвидаторства".

Вмѣстѣ съ оживленіемъ соціалъ-демократической работы произошла коренная перемѣна въ взаимоотношеніи районныхъ ячеекъ и „ликвидаторскихъ" кружковъ.

Три года тому назадъ ликвидаторы представляли собою рядъ разрозненныхъ группъ внутри открытыхъ рабочихъ организацій, дѣятельность которыхъ они стремились направлять по классовому пути. Помимо объединявшихъ ихъ общихъ идейныхъ традицій меньшевизма, они сохраняли между собою только чисто личныя связи; думская фракція, проникнутая общимъ съ ними настроеніемъ, была для нихъ объективно-даннымъ центромъ политическаго тяготѣнія,—и этого было достаточно для той работы, которую они совершали. Политическихъ задачъ въ общегосударственномъ масштабѣ они передъ собой не ставили, болѣе того къ попыткамъ возсозданія общепартійной организаціи относились съ рѣзкимъ отрицаніемъ; поворачиваясь спиною ко всему тому, что оставалось еще отъ общепартійной организаціи, они думали такимъ, чисто пассивнымъ, образомъ уберечь рабочее движеніе отъ яда фракціонности и заграничной кружковщины. „Борьба за легальность" (формула по меньшей мѣрѣ двусмысленная) нерѣдко сводилась въ этотъ періодъ на практикѣ къ легализму во что бы то ни стало.

Фракціонно-кружковая борьба противъ ликвидаторства, отличавшаяся и въ время обычными своими чертами: политическимъ безплодіемъ, организаціонной безотвѣтственностью и нравственной неразборчивостью, проходила, однако, подъ совершенно опредѣленнымъ, формально-законченнымъ лозунгомъ: борьба за права нелегальной централизованной партіи противъ легализма во что бы то ни стало. Сейчасъ отъ этой первоначальной „ясности" положенія не осталось и слѣда.

Съ одной стороны, „ликвидаторы" все болѣе становятся лицомъ къ лицу съ широкими, политическими задачами, работать надъ разрѣшеніемъ которыхъ возможно только въ рамкахъ оформленной самостоятельной организаціи. Какъ свидѣтельствуютъ резолюціи совѣщанія легалистовъ, ликвидаторство въ его подлинномъ смыслѣ отошло въ прошлое. Съ другой стороны, использованіе такъ называемыхъ „возможностей" третьеіюньскаго режима получило общее признаніе, отзовизмъ незамѣтно отмеръ, необходимость участія въ выборахъ въ четвертую думу ни для кого не составляетъ вопроса. Теперь у „ликвидаторовъ" и у „антиликвидаторовъ" нѣтъ принципіальнаго различія въ

области работы или въ методахъ ея. Обѣ стороны все больше сдвигаются на одну и ту же почву и все чаще сталкиваются другъ съ другомъ,—тѣмъ болѣе ожесточенный характеръ при несогласованности дѣйствій принимаетъ фракціонная борьба. Подъ знаменемъ борьбы съ „ликвидаторствомъ“ большевистскій штабъ дѣлалъ въ теченіе послѣднихъ полутора лѣтъ отчаянныя усилія для возстановленія своей фракціонной организаціи съ отвѣтвленіями въ профессіональныхъ союзахъ, думской фракціи и легальной печати. И это просовываніе „антиликвидаторства“ въ щели легальныхъ возможностей совершалось какъ разъ въ то время, когда „ликвидаторы“ начали внѣ рамокъ легальныхъ возможностей возсоздавать свое политически-фракціонное единство.

Жесточайшій развалъ старой фракціи большевиковъ явился внѣшнимъ выраженіемъ ея неистовой „борьбы за власть“ въ партіи—въ новыхъ условіяхъ и при отсутствіи особыхъ принципіально-важныхъ фракціонныхъ задачъ, которыя хоть въ нѣкоторой степени эту борьбу оправдали бы. Группа впередовцевъ, какъ консервативная часть большевистской фракціи, честно пыталась отстоять тѣ тактическіе принципы, которые давали большевистской фракціи, какъ фракціи, право на самостоятельное политическое существованіе. Но именно потому что отброшенные въ оппозицію впередовцы отстаивали идейныя основы большевизма, они рѣшительно выступили вмѣстѣ съ тѣмъ противъ системы организаціоннаго террора „правящей“ фракціи по отношенію ко всѣмъ остальнымъ элементамъ движенія. Для большевистскаго штаба, однако, организаціонный терроръ становился единственнымъ способомъ удержать еще на время свои позиціи, по мѣрѣ того, какъ объективныя условія и тактическія основы существованія фракцій исчезали. И вотъ эти то методы кружкового террора, лишенные какого бы то ни было творческаго содержанія, направились цѣликомъ противъ самой большевистской фракціи и въ конецъ раздробили ее.

Лозунгъ „борьбы съ ликвидаторствомъ“ еще сдерживалъ до поры до времени большевистскую фракцію, какъ цѣлое,—пока ликвидаторскія тенденціи были чѣмъ то осязательнымъ и опредѣленнымъ, хотя теоретически и неоформленнымъ. Болѣе того: въ этотъ періодъ даже нѣкоторая часть меньшевиковъ, руководимая Плехановымъ, шла за большевиками. Но по мѣрѣ того, какъ „ликвидаторы“ отъ профессионально-просвѣтительной практики переходили на партійно-политическій путь, боевое „антиликвидаторство“ въ своей организаціонно-замкнутой непримиримости становилось все болѣе безпочвеннымъ и безыдейнымъ, пункты соглашенія союзниковъ и расхожденія противниковъ намѣчались все болѣе произвольно, примѣнительно къ той или другой личной комбинаціи, связующее вліяніе голаго лозунга борьбы „за партію“ исчезало,—и большевистская фракція начала окончательно развариваться.

Сперва организаціонный терроръ направлялся противъ враговъ,

„ликвидаторовъ"; затѣмъ противъ „голосовцевъ", какъ противъ ихъ активныхъ сообщниковъ; затѣмъ противъ „Правды", какъ укрывательницы; наконецъ, теперь онъ направляется уже противъ большевиковъ-примиренцевъ, настаивающихъ, хотя и крайне нерѣшительно, на совмѣстной работѣ съ другими теченіями и потому именно отколовшихся отъ штаба, совершенно изолированнаго, ни предъ кѣмъ не отвѣтственнаго и въ своей безнадежной борьбѣ противъ всего и всѣхъ прибѣгающаго къ такимъ пріемамъ, которые нельзя назвать иначе, какъ отвратительными. Какъ ни вредоносна была наша старая фракціонная борьба, фактически упразднявшая партію, какъ цѣлое, превращавшая ея средства, силы, дисциплину и авторитетъ въ достояніе отдѣльныхъ фракцій, но этотъ режимъ поддерживался общественнымъ мнѣніемъ огромнаго большинства партіи, и во фракціонныхъ рамкахъ, худо ли, хорошо ли, совершалось поступательное движеніе русской соціалдемократіи. Стократъ вредоноснѣе нынѣшняя—тѣмъ болѣе деморализующая, что фиктивная—диктатура кружка, который въ одномъ случаѣ опирается на партійный уставъ, въ другомъ—на договоръ большевистскаго кружка съ партіей, въ третьемъ—на произведенный имъ открытый партійный переворотъ, долженствующій дополнить и уставъ и договоръ. Самовольно—захватное распоряженіе партійными средствами и превращеніе ихъ въ главное орудіе кружковой стратегіи представляетъ собою послѣднее слово политическаго и нравственнаго одичанія ни предъ чѣмъ не останавливающагося кружка.

Этотъ „режимъ", въ изысканіе историческихъ корней котораго мы здѣсь не собираемся вдаваться, не можетъ быть уничтоженъ ни героическими мѣрами оперативнаго характера, ни, тѣмъ менѣе, совершенно негероическимъ закрываніемъ глазъ на наше партійное наслѣдство во в с е м ъ его объемѣ.

6. Что же дальше?

Доколѣ „ликвидаторы" оставались разрозненными группами, доколѣ работа ихъ была „кустарнической", къ тому же ограниченной главнымъ образомъ Петербургомъ, дотолѣ они имѣли возможность безъ прямого и очевиднаго ущерба для своей дѣятельности игнорировать офиціальную партію съ ея внутренними вопросами. Эту возможность, ими достаточно широко использованную, они считали преимуществомъ своихъ методовъ работы, тогда какъ на самомъ дѣлѣ въ этомъ проявлялся только ея примитивный кустарническій характеръ.

Поскольку дѣятельность „ликвидаторовъ" подъ вліяніемъ оживленія въ рабочей средѣ и роста задачъ движенія перерастаетъ свою первоначальную примитивность и въ этомъ смыслѣ перестаетъ быть ликвидаторской, постольку исчезаетъ для „ликвидаторовъ" самая возможность совершать свою работу, повернувшись спиною къ остальнымъ теченіямъ партіи и ко всѣмъ внутрипартійнымъ вопросамъ и тщательно отгоро-

дившись отъ нихъ на своихъ позиціяхъ. „Недосягаемыхъ“ „ликвидаторскихъ“ позицій болѣе нѣтъ.

И въ легальной соціалдемократической прессѣ, и въ парламентской агитаціи (думская фракція!), и въ стачечномъ движеніи, и въ частномъ случаѣ петиціонной кампаніи „ликвидаторы“ оказываются лицомъ къ лицу съ другими теченіями, на каждомъ шагу выростаютъ передъ ними вопросы согласованія дѣйствій всѣхъ теченій, выработка общихъ плановъ политическихъ кампаній и созданіе на почвѣ политической работы общепартійнаго аппарата.

Не замѣчать этихъ задачъ дальше означаетъ, какъ слишкомъ ясно показалъ опытъ той же петиціонной кампаніи примѣнительно къ думской фракціи и петербургскимъ районамъ, не что иное, какъ вносить дезорганизацію въ свою собственную работу—во имя чего?—не во имя ли исключительной гегемоніей меньшевистской фракціи надъ оживающимъ рабочимъ движеніемъ?

У большевистскаго кружка борьба за гегемонію имѣетъ активно-наступательный, переворотно-раскольническій характеръ. У „ликвидаторовъ“ она носитъ болѣе замаскированный, не вполнѣ ими самими осознанный, пассивно-оборонительный характеръ. Но нужно понять, что это—явленія, которыя связаны другъ съ другомъ, которыя питаютъ другъ друга и въ своей совокупности вносятъ въ жизнь партіи смуту и хаосъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, съ нашей точки зрѣнія, что заграничный большевистскій кружокъ отнесся къ отказу „ликвидаторовъ“ активно поддержать объединительныя начинанія январьскаго пленума 1910 г., не какъ къ препятствію, которое нужно общими усиліями преодолѣть въ борьбѣ за единство партіи, а какъ къ счастливому предлогу, который нужно использовать, дабы изъ усугубленія партійной анархіи сколотить себѣ нѣкоторый фракціонный капиталъ. Но съ другой стороны, совершенно ясно, что самая возможность такого рода политики большевистскаго кружка была по меньшей мѣрѣ на половину создана отказомъ „ликвидаторовъ“ работать согласованно съ другими партійными группами и національными организаціями надъ возсозданіемъ партіи.

Это было огромной политической ошибкой, порожденной переоцѣнкой собственныхъ групповыхъ силъ, сектантской вѣрой въ непрелож-ность не только своихъ основныхъ воззрѣній, но и подчиненныхъ временно-обусловленныхъ методовъ работы и полнымъ пренебреженіемъ ко всѣмъ другимъ усиліямъ, направленнымъ къ той же цѣли.

Повтореніе этой ошибки въ настоящее время явилось бы роковымъ—прежде всего для хода и исхода предстоящей намъ избирательной кампаніи.

Такая, казалось бы, элементарная и безспорная вещь, какъ петиція протеста по поводу разгрома рабочихъ организацій, породили, какъ писали мы въ другомъ мѣстѣ, не столько серьезныя разногласія, сколько чудовищную разноголосицу—между прочимъ и не въ послѣднемъ счетѣ именно потому, что иниціаторы кампаніи попросту

поставили партію передъ своей петиціей, какъ передъ совершившимся фактомъ, не попытавшись даже предварительно столковаться съ такими организаціями и группами, которыя могли бы подготовлять и обслуживать петиціонную кампанію другими методами и, можетъ быть, даже исходя изъ другихъ политическихъ предпосылокъ. Петиціонная кампанія должна быть возобновлена—но серьезно поставленная попытка столковаться должна непремѣнно предшествовать возобновленію этой кампаніи.

Въ началѣ настоящей статьи мы дали примѣрную схему политической кампаніи, начинающейся съ выработки общаго плана путемъ дѣлового соглашенія и ведущейся разными группами въ разныхъ плоскостяхъ, но во имя одной и той же цѣли: политическаго выступленія передового слоя пролетаріата подъ лозунгами соціалдемократіи. Разумѣется, между практическими занятіями въ марксистской школѣ и между подлинной политической кампаніей такая же разница, какъ между маневрами и войной. Но и на маневрахъ можно сдѣлать нѣкоторые полезные для войны выводы. Во время нашихъ тактическихъ собесѣдованій въ упомянутой школѣ мы снова нашли подтвержденіе тому наблюденію, что фракціонныя разногласія, совершенно непримиримыя, когда дѣло касается общей оцѣнки политическаго положенія и дальнѣйшихъ перспективъ, сводятся къ минимуму, когда рѣчь идетъ о томъ, что можно и должно сдѣлать въ данный моментъ, въ виду даннаго политическаго событія.

Дѣло подготовки избирательной кампаніи должно быть поставлено именно на началахъ такого дѣйственнаго политическаго сговора всѣхъ соціалдемократическихъ элементовъ каждаго города, желающихъ, чтобы партія выступала во время выборовъ планомѣрно и какъ одно цѣлое. Достигнуть такого соглашенія не легко,—и возможно, что оно не всегда, не вездѣ и не по всѣмъ вопросамъ будетъ достигнуто. Во всякомъ случаѣ, оно сможетъ осуществиться лишь въ результатѣ серьезныхъ треній, преодолѣнія взаимнаго недовѣрія и притомъ цѣною взаимныхъ уступокъ. Куда проще и короче, а главное дешевле—выработать свою кружковую платформу и выставить свои фракціонныя кандидатуры.

Но это значитъ, по существу дѣла, только перенести тренія изъ подготовительной стадіи въ самую политическую кампанію; а это въ свою очередь, значитъ, борьбу между партіей пролетаріата и буржуазнымъ обществомъ на девять десятыхъ подмѣнить состязаніемъ двухъ или болѣе фракціонныхъ платформъ и конкуренціей двухъ или болѣе фракціонныхъ кандидатовъ. Нѣкоторые профессіональные размежеватели не остановятся, конечно, и предъ этимъ. Но всѣ ихъ усилія разобьются въ дребезги о здравый смыслъ и политическое чутье передовыхъ рабочихъ, если только эти послѣдніе организаціонно не будутъ застигнуты выборами врасплохъ. Привести организаціонныя связи соціалдемократическаго пролетаріата въ соотвѣтствіе съ его классовымъ сознаніемъ и съ его

очередными политическими задачами—такова сейчасъ самая острая и самая неотложная задача.

Что партія въ концѣ концовъ преодолѣетъ внѣшнія препятствія, какъ и внутреннія затрудненія; что она очистится отъ послѣднихъ остатковъ сектантства и кружковщины и станетъ тѣмъ, чѣмъ она должна быть: орагнизованнымъ сознаніемъ и организованной волей пролетаріата,—въ этомъ никто изъ насъ не можетъ сомнѣваться. Столь же несомнѣнно для всякаго, кто чему-нибудь научился въ книгѣ исторіи, что развитіе соціалдемократіи въ ближайшую эпоху будетъ совершаться внѣ старыхъ фракціонныхъ рамокъ, путемъ роста политической самодѣятельности рабочихъ и путемъ организаціоннаго закрѣпленія этой самодѣятельности.

Но сдѣлаемъ ли мы на этомъ пути рѣшительный шагъ уже въ ближайшіе мѣсяцы; съумѣемъ ли мы сплотить всѣ наличныя наши силы для нанесенія серьезнаго удара разлагающемуся третьеіюньскому режиму уже на ближайшихъ выборахъ въ Государственную Думу,— это въ очень большой мѣрѣ зависитъ отъ того, какую позицію займутъ „ликвидаторы“ въ тѣхъ вопросахъ, которые мы намѣтили въ настоящемъ письмѣ.

Н. Троцкій.

Отъ редакціи.

По поводу статьи Н. Троцкаго.

Помѣщая статью Н. Троцкаго, посвященную, дѣйствительно, „неотложнымъ вопросамъ“ нашего соціалъ-демократическаго бытія, мы полагаемъ необходимымъ не только высказать нѣкоторыя соображенія по поводу этой статьи, но и предпослать участію Н. Троцкаго въ нашемъ журналѣ нѣсколько поясняющихъ словъ.

Н. Троцкій совершенно справедливо замѣчаетъ, что ни онъ, ни редакція „Нашей Зари“ не имѣютъ намѣренія скрывать отъ себя или отъ своихъ читателей ихъ раздѣляющихъ „серьезныхъ разногласій“. И, однако, разногласія не помѣшали Н. Троцкому принять наше приглашеніе, а намъ—это приглашеніе ему сдѣлать. Очевидно, обѣимъ сторонамъ дала себя почувствовать какая-то объединяющая связь, которая раньше не чувствовалась, какая то сила оцѣпленія, пересилившая традицію отталкиванія.

Н. Троцкій въ своей статьѣ уже отчасти намѣтилъ эту силу въ лицѣ ставшихъ на очередь политическихъ задачъ, мы съ своей стороны хотимъ ее также оттѣнить и проанализировать, дабы разобраться въ вопросѣ—къ сожалѣнію, очень мало до сихъ поръ разбиравшемся въ русской соціалъ-демократической литературѣ и тѣмъ менѣе практикѣ—въ

вопросѣ о совмѣстной работѣ различныхъ теченій русской соціалъ-демократіи и о необходимыхъ предпосылкахъ для этой работы.

Эта сила сцѣпленія, перекинувшая мостъ между нами и Троцкимъ, явилась въ образѣ такъ называемой петиціонной кампаніи. Петиціонная кампанія стояла какъ бы въ предверіи вновь оживавшаго рабочаго диженія. И намъ казалось знаменательнымъ, что у самаго порога „политическихъ дѣйствій" меньшевики очутились въ союзѣ съ Н. Троцкимъ, въ рядѣ статей въ своемъ органѣ, какъ и въ спеціальной брошюрѣ, оказавшимъ кампаніи самую энергичную поддержку. Случайно ли? Намъ думалось нѣтъ, ибо петиціонная кампанія не стоитъ особнякомъ въ политической жизни, она лишь звено въ единой цѣпи явленій, лишь часть извѣстной л и н і и д ѣ й с т в і я, по которой развертывается мобилизація рабочаго класса, по которой идутъ его попытки—въ процессѣ постояннаго вмѣшательства въ жизнь—открыто политически самоопредѣлиться, открыто политически консолидироваться.

Потому то для насъ положительное или отрицательное отношеніе къ петиціонной кампаніи и имѣло значеніе, выходящее далеко за предѣлы собственно этой кампаніи, этой кампаніи, какъ таковой. Оно говорило о большемъ, оно въ значительной мѣрѣ предуказывало либо близость, быть можетъ, совпаденіе въ общей линіи дѣйствія, либо расхожденіе въ этой линіи, дѣлающее—внѣ всякаго рода фракціонныхъ предъубѣжденій—безпочвенной и потому невозможной совмѣстную дѣятельность. И потому петиціонная кампанія такъ же подготовила сближеніе Троцкаго съ меньшевиками, какъ она должна была, съ другой стороны, наглядно показать, что не фракціонное привередничество, не борьба за гегемонію въ партіи, а реальные интересы реальнаго движенія подсказываютъ естественный водораздѣлъ теченій, диктуютъ изоляцію въ соціалъ-демократическомъ движеніи большевизма ленинскаго толка.

Троцкій для своей „примѣрной политической кампаніи", имъ такъ краснорѣчиво демонстрированной въ первой главѣ, взялъ, къ сожалѣнію, Финляндію, а не этотъ подлинный случай изъ жизни. Это обстоятельство помѣшало ему придти къ результатамъ, быть можетъ, и не столь утѣшительнымъ и всепримиряющимъ, но за то—соотвѣтствующимъ больше дѣйствительности. Это помѣшало ему разъяснить читателю, что тотъ же принципъ „дѣловой" кооперації, который совершенно правильно имъ выставляется, какъ залогъ сближенія разномыслящихъ частей соціалъ-демократіи, можетъ быть не только такимъ залогомъ сближенія, но и законнымъ—въ интересахъ дѣла—основаніемъ для расхожденія; что не даромъ уже первые шаги оживившейся дѣятельности соціалъ-демократіи привели не только къ тактическому сближенію меньшевиковъ съ Н. Троцкимъ и національными группами, но и къ отдаленію ленинцевъ-большевиковъ отъ всѣхъ жизнеспособныхъ элементовъ движенія. Ибо ясно, что чѣмъ больше оживала политическая дѣятельность соціалъ-демократіи, тѣмъ больше должно было являться спорныхъ „политическихъ дѣйствій", тѣмъ конкретнѣе и рѣзче вставалъ антагонизмъ между тѣми, кто эти

дѣйствія отстаивалъ и проводилъ, и тѣми, кто имъ „всемѣрно“ препятствовалъ. Поэтому, если съ одной стороны, правъ Н. Троцкій, говорящій о необходимости на предметъ петиціонной и иныхъ подобныхъ кампаній столковаться даже и тѣмъ, кто расходится въ пониманіи методовъ подготовленія и обслуживанія этихъ кампаній, то съ другой—правы также и напоминающіе, что столковываться могутъ лишь тѣ, кто признаетъ наличность объекта столковыванія, кто болѣе или менѣе сходится въ своемъ отношеніи къ данному типу политическихъ дѣйствій.

Словъ нѣтъ, объединеніе—хорошая вещь, но только въ томъ случаѣ, если оно, какъ и все въ политикѣ, подчинено интересамъ движенія, дѣла, если его не культивировать, какъ своего рода искусство ради искусства. А то, вѣдь, изъ объединенія quand même, хотя бы вокругъ пустого пространства, можетъ получиться одинъ лишь конфузъ, какъ получился величайшій конфузъ изъ „объединенія“ на пленарномъ засѣданіи прошлаго года. И, конечно, не „ликвидаторы“ виноваты въ этомъ конфузѣ, „ликвидаторы“, не поддержавшіе активно т о г д а ш н я г о объединенія—что Троцкій т е п е р ь имъ ставитъ въ вину, а именно это самое объединеніе,—объединеніе съ тѣмъ, съ чѣмъ нельзя объединяться, объединеніе, во имя котораго были покрыты амнистіей преступленія современной нечаевщины. Приходится ли при этомъ удивляться, что эта амнистія принесла свой естественный плодъ, что разросшееся и окрѣпшее зло морально-политической безчестности сказалось въ настоящее время съ такой элементарной силой, съ такой убѣждающей наглядностью, что и Троцкій, при всѣхъ своихъ миролюбивыхъ тенденціяхъ, принужденъ заговорить о „послѣднемъ словѣ политическаго и нравственнаго одичанія“, „ни предъ чѣмъ не останавливающагося кружка“ Н. Ленина, что и послѣдняя конференція Бунда должна была привлечь Н. Ленина къ суду, что даже и поляки—эти неизмѣнные союзники руководящаго кружка заграничныхъ большевиковъ—оказались въ необходимости опубликовать съ своей стороны обвиненіе Ленина и его оруженосцевъ въ неблаговидныхъ поступкахъ; словомъ, что жизнь соціалъ-демократіи въ многообразныхъ ея развѣтвленіяхъ въ настоящее время принуждена организовать—въ видахъ оздоровленія—отпоръ этой „язвѣ ростущей“, что, наконецъ, и международной соціалъ-демократіи въ лицѣ Каутскаго и его товарищей, кажется, суждено въ недалекомъ будущемъ дать свою морально-политическую квалификацію дѣяніямъ этихъ рыцарей печальнаго образа?

Конечно, мы такъ же мало, какъ Троцкій, возлагаемъ надежды на одно оперативное леченіе зла, мы слишкомъ хорошо сознаемъ, что нечаевщина не случайное проявленіе индивидуальной злой воли, а закономѣрный продуктъ опредѣленнаго типа работы, опредѣленнаго склада кружковщины, который, къ счастью, постепенно разлагаясь, умираетъ и, умирая, создаетъ „жесточайшій развалъ старой фракціи большевиковъ“, о которомъ въ статьѣ упоминаетъ Н. Троцкій; мы вмѣстѣ съ Троцкимъ понимаемъ—и въ этомъ смыслѣ всегда говорили и дѣйствовали—что радикальнаго рѣшенія вопроса надо искать, конечно, не

въ одномъ отсѣченіи зараженнаго члена, а прежде всего въ исцѣляющей силѣ новыхъ формъ и методовъ дѣйствія,—и тѣмъ не менѣе,—не обинуясь, мы скажемъ: большевизмъ въ своей эволюціи станетъ пріемлемъ для насъ лишь тогда, когда онъ такъ же покончитъ съ своими носителями нечаевскихъ принциповъ, какъ когда то лассальянство покончило съ Швейцеромъ. Только затѣмъ, надо думать, наступитъ и россійская Гота—день нашего объединенія.

Но объединеніе съ большевизмомъ—одно, а то объединеніе, столковываніе, о которомъ сейчасъ говорятъ и Н. Троцкій, и національныя группы, и наши заграничные товарищи-меньшевики, это—совершенно другое. Его диктуетъ и близость наступающихъ выборовъ, и дѣйствительная необходимость установить, если не единообразіе въ методахъ дѣйствія, то хоть нѣкоторое согласованіе ихъ, хоть нѣкоторое обобщеніе раздробленнаго и еще не подъитоженнаго опыта.

Относительно такого объединенія-столковыванія не можетъ быть возраженій, не должно быть колебаній. Мы считали бы величайшей ошибкой меньшевиковъ, еслибы они не пошли безоговорочно на такое столковываніе, еслибы они—изъ годами воспитаннаго травлей и психологически, быть можетъ, объяснимаго недовѣрія къ прочимъ теченіямъ—вздумали колебаться участвовать въ попыткахъ совмѣстной работы надъ оздоровленіемъ и возрожденіемъ движенія. Мы думаемъ, что достаточной гарантіей для плодотворнаго характера такого столковыванья служитъ во-первыхъ, несомнѣнное въ настоящее время совпаденіе въ общемъ и цѣломъ существующихъ линій политическаго дѣйствія, и во-вторыхъ—открыто заявленное нежеланіе посягать на автономію отдѣльныхъ теченій. При такихъ условіяхъ различіе въ пониманіи организаціонной методологіи не можетъ быть тѣмъ препятствіемъ, черезъ которое нельзя было бы переступить безъ ущерба для дѣла. Тѣмъ болѣе, что въ конечномъ счетѣ естественный отборъ, вѣдь, укажетъ, какъ справедливо замѣчаетъ и Троцкій, типъ „организаціоннаго образованія", наиболѣе приспособленнаго къ жизни. Неужели же меньшевикамъ опасаться „свободной конкуренціи" организаціи? Неужели имъ быть маловѣрами?...

Къ сожалѣнію, Троцкій, однако, не ограничивается—справедливыми замѣчаніями. Къ сожалѣнію, уже отнюдь не справедливо, онъ подхватываетъ также и ту злополучную легенду, которая сложилась вокругъ „ликвидаторства" во враждебной ему атмосферѣ—легенду о „легализмѣ" „ликвидаторовъ" „во что бы то ни стало", правда—въ прошедшемъ времени, какъ и легенду о томъ, что „ликвидаторы" себѣ не ставили раньше—„политическихъ задачъ въ общегосударственномъ масштабѣ".

Но „ликвидаторы" уже давно и не разъ заявляли, что они такъ же мало „фетишисты легализма", какъ и „фетишисты нелегальщины", что ихъ отрицаніе остатковъ старой іерархіи, традиціонныхъ партійныхъ ячеекъ, покоится совершенно не на томъ, что они—нелегальны, а на томъ, что они не обнаруживаютъ въ эпоху реакціи—какъ не обнару-

живали и въ эпоху подъема—никакихъ симптомовъ приспособленія къ живой политической работѣ, къ задачамъ эпохи, что они со стихійной послѣдовательностью умѣютъ только идти—къ разложенію.

Что же касается до „политическихъ задачъ въ общегосударственномъ масштабѣ“, которыя будто бы отсутствовали у меньшевиковъ-„ликвидаторовъ“, то напомнимъ Троцкому, что въ годину безвременья, когда ни у какихъ теченій соціалъ-демократіи дѣйствительно не было такихъ политическихъ задачъ, когда большевизмъ жилъ борьбой съ „ликвидаторами“, въ это самое время одни ославленные неполитическими меньшевики поставили на очередь дня политическую задачу воистину „государственнаго“, всероссійскаго „масштаба“—задачу „борьбы за открытое существованіе партіи“... Жаль, что Троцкій упустилъ это изъ виду...

Этимъ мы пока ограничимъ нашъ споръ съ Н. Троцкимъ.

Наша статья была набрана, когда въ № 32 „Звѣзды“ появился не лишенный показательности образчикъ той морально-политической безчестности кружка Н. Ленина, о которой я выше говорилъ, какъ о фактѣ, ставшемъ въ настоящее время почти общепризнаннымъ.

Вл. Ильинъ, alias—Н. Ленинъ, помѣстилъ подъ заголовкомъ „Манифестъ либеральной рабочей партіи“ возраженіе на статью Н. Р—кова, напечатанную въ № 9—10 нашего журнала. Въ этомъ возраженіи онъ о многомъ говоритъ, но объ одномъ старательно умалчиваетъ—о несогласіи нашего журнала со статьей Н. Р—кова вообще и въ частности—съ ея практической частью, нами въ редакціонномъ примѣчаніи спеціально оспоренной. Отнюдь не находя либеральнымъ кающійся большевизмъ Н. Р—кова, мы выдали то зерно его новой концепціи, которое намъ показалось и кажется цѣннымъ, но мы не брали на свою отвѣтственность ни тѣхъ аргументовъ, которыми Н. Р—ковъ обосновываетъ свои положенія, ни тѣхъ выводовъ, къ которымъ онъ приходитъ. Вотъ почему мы съ самаго же начала отмѣтили, что помѣщаемъ статью Н. Р—кова, какъ свидѣтельство „происходящаго въ настоящее время въ кругахъ соціалдемократіи исканія путей“; прибавимъ теперь—и какъ краснорѣчивый симптомъ разложенія большевизма.

Намъ понятна ярость В. Ильина—безсильнаго свидѣтеля этого разложенія, насъ не удивляетъ и новая фальсификація человѣка, имѣющаго патентъ на званіе заслуженнаго фальсификатора, но мы хотѣли бы знать, что думаютъ объ этомъ новомъ его жестѣ тѣ члены соціалдемократической фракціи III Думы, которые еще не сняли своихъ именъ со списка сотрудниковъ фракціоннаго органа Ленина-Ильина.

ПОПРАВКА. Въ статьѣ А. Михайлова (9—10 кн. вкралась досадная опечатка. На стр. 39, въ примѣчаніи вмѣсто „Русской Мысли“ слѣдуетъ читать: „Рижской Мысли“.

Окончаніе статьи А. Потресова: „О кризисѣ русскаго идеологическаго творчества и о Д. Н. Овсянико-Куликовскомъ“ появится въ 12-й книжкѣ журнала.

II й годъ изд

НАША ЗАРЯ

СОДЕРЖАНІЕ:

Л. МАРТОВЪ. Соціалъ-демократическая фракція II Думы.

СПЕКТАТОРЪ. Нѣкоторые результаты послѣдней переписи въ Германіи.

М. Б — ОВЪ. Рабочій вопросъ въ III Думѣ.

В. МАЙСКІЙ. Изъ теоріи и практики профессіональнаго движенія.

А. МИХАЙЛОВЪ. Стачечное движеніе и задачи рабочихъ организацій. (Окончаніе).

П. МАСЛОВЪ. Къ вопросу о вздорожаніи жизни.

Иностранное обозрѣніе:

П. Британская соціалистическая партія.

М. ПАВЛОВИЧЪ. (Волонтеръ). Реформа или революція. (Письмо изъ Франціи).

В. ЛЕВСКІЙ. Выборы въ Швейцаріи.

Политическое обозрѣніе:

К. ЗАЛЕВСКІЙ. Польскій вопросъ въ Государственной Думѣ.

ЕВГ. МАЕВСКІЙ. Контрреволюціонное подполье и III я Дума.

СТ. ИВАНОВИЧЪ. Дѣла семейныя и международныя.

М. ЮРЬЕВЪ. Къ 4-й избирательной кампаніи. (Письмо въ Редакцію).

А. ПОТРЕСОВЪ. О кризисѣ русскаго идеологическаго творчества и о Овсянико-Куликовскомъ. (Оконч.)

НОВЫЯ КНИГИ.

№ 12. СПБ. 1911 Ц. 30 к.

НАША ЗАРЯ

Ежемѣсячный журналъ

№ 12.

СПБ. 1911 годъ.

На № 11-й журнала наложенъ арестъ. Редакторъ О. В. Федорченко привлекается къ отвѣтственности по п. п. 1 и 9 ст. 129-й угол. улож. и по п. п. 3 и 4 ст. 1034[4] улож. о наказ.

Такое сочетаніе двухъ разновидностей единой пролетарской тактики всегда давало и будетъ давать положительные результаты. Достаточно вспомнить историческіе выборы въ комиссію Шидловскаго, участіе рабочихъ делегацій въ рядѣ общественныхъ съѣздовъ послѣдняго времени, чтобы признать цѣлесообразность намѣчаемаго съѣзда рабочихъ выборщиковъ, какъ заключительнаго акта пролетарской избирательной кампаніи въ четвертую Думу.

М. Юрьевъ

Критическіе наброски.

О кризисѣ русскаго идеологическаго творчества и о Д. Н. Овсянико-Куликовскомъ. [1]

4.

„Отъ идеологическаго творчества къ широкой политической и культурной дѣятельности, которая должна быть основана на „разсчетѣ, знаніи и справедливости"—вотъ путь „прогрессивнаго развитія" русской интеллигенціи въ формулировкѣ Овсянико-Куликовскаго [2]). Русскій интеллигентъ—подобно своимъ старшимъ братьямъ въ Европѣ—тоже пріобщается къ „духовной культурѣ", тоже становится умственно „дисциплинированнымъ", и именно поэтому освобождается изъ подъ „гипноза идей", научается преодолѣвать „направленство", перестаетъ доктринерствовать, дѣлается человѣкомъ „свободнымъ отъ обязательныхъ нормъ той или иной идеологіи". Словомъ, по Овсянико-Куликовскому—въ жизни идетъ не столько процессъ общественнаго преобразованія интеллигенціи, сколько—что-то въ родѣ сдачи ею экзамена на аттестатъ общественной зрѣлости. Созрѣвшая интеллигенція, ни отъ чего не отрекаясь, ничего не растерявъ на своемъ „прогрессивномъ" пути, только совершенствуетъ свою методологію мышленія, только не хочетъ уже больше „напрасной траты силъ, неразлучной съ идеологическимъ творчествомъ". И потому—блюдетъ экономію, и потому—желая „жить полнотою умственныхъ, нравственныхъ и общественныхъ интересовъ", „не претендуетъ" „на святость-удѣлъ избранныхъ" и „не

---

1) См. „Наша Заря", № 9—10.
2) См. „Исторія русской интеллигенціи", ч. 3-я, стр. 224.

ищетъ смысла жизни", „предоставляя это головоломное занятіе призваннымъ мыслителямъ" [1]).

Т. е. совсѣмъ какъ въ Европѣ, какъ въ прочихъ хорошихъ домахъ,—въ изображеніи Овсянико-Куликовскаго.

Но одно дѣло—Европа, въ диспозиціяхъ Овсянико-Куликовскаго занимающая мѣсто лишь бѣгло намѣченнаго фона, и другое—Россія и русская интеллигенція, какъ предметъ нарочитаго услѣдованія: отъ нихъ не отмахнешься категорическими утвержденіями общаго характера, о нихъ—такъ или иначе, но надо говорить конкретно. А вмѣстѣ съ конкретностью въ безкровную схему Овсянико-Куликовскаго врывается жизнь, и изъ-за линій схематичнаго рисунка выявляетъ контуры совсѣмъ другого процесса.

Недаромъ, какъ мы уже знаемъ, изъ заявленій самого же Овсянико-Куликовскаго явствуетъ, что это умственное дисциплинированіе интеллигенціи, это высвобожденіе ея изъ подъ власти идей, находится въ какой-то связи съ тѣмъ процессомъ убыванія въ интеллигенціи отщепенства, который въ свою очередь является производнымъ отъ растущаго спроса на трудъ интеллигенціи, т. е. отъ ея измѣняющагося положенія въ общественной жизни. Разумѣется, этимъ немного еще сказано, это неопредѣленно въ своей общности. Но стоитъ обратиться къ конкретной сторонѣ работъ Овсянико-Куликовскаго, къ заключающемуся въ нихъ матеріалу по общественной психологіи, чтобы тотчасъ же стало ясно, что вышеуказанная связь есть связь причины со слѣдствіемъ и что то, что Овсянико-Куликовскому угодно называть дисциплинированіемъ интеллигенціи, есть всего на всего только процессъ идейнаго приспособленія этого общественнаго слоя къ его осѣданію въ жизни, къ его упроченію въ извѣстномъ укладѣ этой жизни.

Въ самомъ дѣлѣ, къ чему пріурочиваетъ Овсянико-Куликовскій этотъ процессъ, откуда датируетъ онъ освобожденіе интеллигенціи отъ идеологій?—Онъ ведетъ его начало отъ реакціи 80-хъ годовъ противъ Sturm und Drang-а предыдущей эпохи; онъ его пріурочиваетъ къ появленію людей „живого общественнаго дѣла", „культурныхъ піонеровъ".

„Преодолѣніе догматизма мышленія",—пишетъ Овсянико-Куликовскій [2])—„которое исподоволь совершалось во многихъ и разныхъ умахъ, продолжалось съ перерывами и уклонами въ 90-хъ годахъ и не завершилось еще и доселѣ. Конечно, свободные, недогматическіе умы бывали у насъ во всѣ эпохи, но они стояли одиноко, въ сторонѣ отъ общаго движенія умовъ, или же, участвуя въ немъ, принуждены были силою вещей... подчиняться въ извѣстной мѣрѣ ферулѣ властныхъ идей, легко превращающихся въ родъ догмы... Лишь въ восьмидесятыхъ

([1]) См. ст. „Психологія русской интеллигенціи". въ сборникѣ „Интеллигенція въ Россіи", стр. 219.

См. „Ист. р. инт.", ч. 3-я, стр. 159.

годахъ освобожденіе умовъ отъ неподвижныхъ догмъ народническихъ и иныхъ, отъ предразсудковъ въ отношеніи къ „метафизикѣ", къ „чистому искусству" и т. д. отъ шаблонныхъ „истинъ", принятыхъ на вѣру, обозначилось какъ знаменіе времени и какъ симптомъ поворота умственныхъ вкусовъ отъ догматическаго мышленія къ недогматическому".

Такимъ образомъ, повернутое къ намъ своей конкретной стороной, преодолѣніе догматизма, т. е. освобожденіе интеллигенціи отъ идеологическихъ навыковъ, обнаружило—подъ перомъ того-же Овсянико-Куликовскаго—реальныя черты реальной исторической категоріи: черты того теченія, которое дало себя знать впервые въ 80-ые годы и дало себя знать, какъ тенденція къ освобожденію отъ „властныхъ идей" двухъ предшествовавшихъ десятилѣтій. Это же теченіе принявъ за исходное, Овсянико-Куликовскій долженъ былъ и дальше пойти по пути конкретнаго анализа, онъ долженъ былъ искать источники, питавшіе данное теченіе , и онъ ихъ нашелъ въ той новой формаціи интеллигенціи, которая къ тому времени успѣла пробиться сквозь толщу старыхъ напластованій. Мы говоримъ объ общественномъ типѣ, названномъ Овсянико-Куликовскимъ типомъ „культурнаго піонера".

„Въ исторіи русской интеллигенціи—говоритъ Овсянико-Куликовскій [1])—въ ряду ея большихъ типовъ—ему (т. е. культурному піонеру" А. П.) принадлежитъ видное мѣсто: онъ знаменуетъ собою второй великій шагъ въ направленіи демократизаціи русской интеллигенціи. Первый шагъ относится къ 60-мъ и 70-мъ годамъ, когда явились разночинцы и кающіеся дворяне, создавшіе догму и этику народничества. Второй шагъ былъ сдѣланъ въ 80-хъ и 90-хъ гг., когда обнаружилось, и среди интеллигенціи присутствіе значительнаго числа выходцевъ изъ народа и когда послѣ паденія утопическаго народничества зачинался кризисъ идеологіи и самой психологіи передовой русской интеллигенціи".

А разъ принявъ „культурнаго піонера", за историческую вѣху, за центральную фигуру изъ эпохи „кризиса", Овсянико-Куликовскому, какъ добросовѣстному наблюдателю жизни, пришлось вслѣдъ за этимъ, уже волей-неволей, на „культурномъ піонерѣ", на его психологіи, демонстрировать и лейтмотивы этого кризиса, такъ сказать—механику „преодолѣнія" интеллигенціей общественныхъ ученій и догмъ.

Онъ это и сдѣлалъ—на одной подлинной исторіи, и на одной — въ беллетристическомъ изображеніи данной; на исторіи превращенія—не за страхъ, а за совѣсть—народника Эртеля въ руководителя крупно-капиталистическихъ предпріятій въ сельскомъ хозяйствѣ, и на исторіи развившагося въ капиталиста-дѣльца крестьянскаго сына, Василія Теркина—изъ романа Боборыкина. При этомъ одна исторія какъ бы служитъ дополненіемъ къ другой.

Но прежде всего объ исторіи Эртеля.

---

[1]) Ibid. стр. 203.

Овсянико-Куликовскій справедливо замѣчаетъ, что „полнокровная“ фигура Эртеля не представляетъ какого-либо контраста съ тѣмъ временемъ 80-хъ годовъ, которое принято почему-то считать „худосочнымъ“ (стр. 168). Это время, однако, было временемъ не только унынія и реакціи, но и временемъ „ломки“, временемъ „перехода къ новымъ настроеніямъ и исканіямъ“. И въ этомъ смыслѣ Эртель былъ его „типичнымъ представителемъ“; и въ этомъ смыслѣ характерно, что переходъ къ этимъ „новымъ настроеніямъ“ у Эртеля былъ непосредственно связанъ какъ съ перенесеніемъ „центра тяжести“ его „интересовъ“ отъ „внѣшнихъ причинъ“ къ „внутреннему міру человѣка“, (стр. 169), такъ и съ кореннымъ измѣненіемъ его отношеній къ народу, его точки зрѣнія на народъ.

Можно сказать, одно къ одному: Эртель—беллетристъ именно тогда заговорилъ объ „интеллигентномъ человѣкѣ“, котораго изъ-за мужика-де позабыли и о которомъ „надо“ же „кому-нибудь вспомнить“, когда Эртель—общественникъ ощутилъ вдругъ бремя народнической догмы, имъ ранѣе не ощущавшееся, а Эртель—практикъ отъ вопроса объ уплатѣ долга народу радикально перешелъ къ расплатѣ съ народомъ на совершенно иныхъ основаніяхъ, къ тѣмъ „дѣловымъ отношеніямъ“, которыя обычно устанавливаются у управителей богатыхъ экономій съ находящимися въ сферѣ ихъ дѣйствія крестьянами. Т. е. передъ нами классическій случай, я бы сказалъ—въ своей чистотѣ почти лабораторный примѣръ, въ упрощенномъ видѣ и какъ бы подъ стекломъ показующій то, что большей частью бываетъ прикрыто и болѣе сложно,—тѣ элементарныя силы натуры, психики, общественнаго положенія, которыя выводили Эртеля и вмѣстѣ съ нимъ добрую часть интеллигенціи 80-хъ годовъ изъ-подъ власти „народничества“, изъ подъ вліянія „догмы“.

„Интеллигенція—говоритъ Овсянико-Куликовскій—стихійно стремилась къ освобожденію отъ слишкомъ ригористическихъ и „аскетическихъ“ идей 70-хъ годовъ, этого „героическаго періода“ въ ея исторіи“. „Вѣчная мысль о служеніи народу,—говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ,—боль совѣсти отъ сознанія неоплаченнаго долга, слѣпая вѣра въ догматъ о призваніи интеллигенціи—утонуть въ народномъ морѣ—все это стѣсняло ея внутреннюю свободу, ограничивало кругъ ея интересовъ и дѣятельности и нерѣдко искажало ея работу на разныхъ поприщахъ умственнаго труда. 80-ые годы были эпохою перелома, когда интеллигенція не безъ усилій и коллизій сбрасывала съ себя иго гнетущей идеи и завоевывала свободу самоопредѣленія и исканій“. „Эртель—прибавляетъ Овсянико-Куликовскій—былъ однимъ изъ тѣхъ, которые пережили этотъ кризисъ и вышли изъ него людьми свободными, смѣло заявляя, что ничто человѣческое имъ не чуждо“ [1]).

Итакъ, въ Эртелѣ (какъ и въ одновременно съ нимъ совершавшей

[1]) Ibid. стр. 156—157.

эволюцію интеллигенціи) тенденція къ „самоопредѣленію“—общественному и индивидуальному, столкнулась съ идеей долга народу и привела „догму“ къ крушенію. Но спрашивается, значило ли это, что тенденція къ самоопредѣленію разрушила догму, какъ догму, что „догматизмъ“ оказался для этой интеллигенціи разъ навсегда превзойденной ступенью развитія. Нѣтъ, пока что (а что дальше—о томъ рѣчь впереди), это значило только, что въ доктринѣ народничества 70-хъ годовъ заключались элементы несоотвѣтствія процессу интеллигентскаго „самоопредѣленія“, и что самоопредѣлявшаяся въ „буржуазномъ“ направленіи интеллигенція 80-хъ годовъ почувствовала то, что она рано или поздно должна была почувствовать,—антагонизмъ по отношенію къ идеѣ долга и расплаты, ибо эта идея, правда, въ наивно-романтической формѣ, но осуществляла „соціалистическій“ контроль надъ адептами народничества. Этотъ-то контроль соціализма и надлежало уничтожить, чтобы имѣть свободныя руки, чтобы стать безконтрольно „свободнымъ“.

Не случайно поэтому именно съ этой стороны Эртель подводилъ свой подкопъ подъ „догму“, именно сюда направлялъ онъ остріе своей критики, называя „долгъ, обязанности, расплату“—„тремя китами народничества“, ставшими для него „нимало не убѣдительной“ и ненужной „метафизикой“ (155). И въ самомъ дѣлѣ, эти понятія должны были казаться смѣшной „метафизикой“ обновленному Эртелю. Вѣдь, обновленный Эртель „въ своемъ сужденіи о народѣ“ исходилъ—по словамъ Овсянико-Куликовскаго—изъ „реальныхъ отношеній“, а „реальныя отношенія“ хозяина къ работнику—что же удивительнаго?—диктовали ему „глубоко-пессимистическій взглядъ на „русскій народъ“, на „мужика“, „который теперь представляется ему „дикаремъ“, не обнаруживающимъ способности и стремленія къ культурному развитію“. И наоборотъ: если раньше Эртель обращалъ „преимущественное вниманіе“ на „отрицательныя стороны“ „цивилизаціи“, то послѣ обновленія—свидѣтельствуетъ Овсянико-Куликовскій—на положительныя: „Онъ становится панегиристомъ интенсивной матеріальной и духовной культуры, вѣками воспитывающей народы и расчищающій пути дальнѣйшаго прогресса“ и „выражаетъ рѣзкое порицаніе революціоннымъ выступленіямъ съ ихъ вандализмомъ (170). Правда, Овсянико-Куликовскій сомнѣнно были и остались тамъ до конца его жизни“ онъ „сочувствовалъ“ Бернштейну, (отрицательно относясь къ „революціонному и утопическому соціализму“); онъ признавалъ, что „закономѣрный ходъ вещей“ идетъ къ „соціализаціи современнаго капиталистическаго строя и государства“, но—это уже былъ соціализмъ „безъ изюминки“, соціализмъ ни къ чему не обязывающій, развѣ только парадный фронтонъ на томъ зданіи, гдѣ шла полнымъ ходомъ практическая работа „талантливаго“ піонера буржуазной культуры, и куда лежали его дѣйствительные помыслы.

За эту то работу и за эти то помыслы историкъ русской интеллигенціи и кѣнчаетъ въ настоящее время хвалой своей Эртеля, опредѣляя „глубокую жизненность и здоровую жизнедѣятельность“ его „натуры и практическую трезвость ума“ (162).

И за то же самое онъ поднимаетъ высоко на щитъ и Василія Теркина, героя романа Боборыкина. Онъ выдѣляетъ его изъ рядовъ интеллигенціи, какъ провозвѣстника ея демократизаціи, какъ новый этапъ въ ея развитіи, почти какъ символъ того грядущаго „массоваго культуртрегерства“, котораго пока недостаетъ Россіи и которое—по мнѣнію Овсянико-Куликовскаго—представляетъ единственный „выходъ изъ историческаго тупика“ (172).

„Неужели—спрашиваетъ онъ—у насъ нѣтъ никакихъ задатковъ здоровой жизнедѣятельности и не предвидится никакой возможности культурнаго творчества, хотя бы въ будущемъ?“, и отвѣчаетъ: „задатки здоровой жизнедѣятельности“ уже „имѣются“, и заслугой Боборыкина является то, что онъ восполнилъ пробѣлъ, существовавшій до него въ литературѣ, что онъ въ лицѣ Василія Теркина показалъ такой провиденціальный „задатокъ“.

Но что такое Теркинъ?—Свою рекомендацію его Овсянико-Куликовскій неоднократно начинаетъ съ заявленія, что „Теркинъ—не соціалистъ и вообще не идеологъ“ (178). Онъ не принадлежитъ къ тому („авангарду интеллигенціи“, для которой „мотивомъ“, „какъ мнѣ жить свято?“, „опредѣляется“ родъ его дѣятельности. „Онъ—не идеологъ, не политическій дѣятель, не революціонеръ. У него выборъ дѣятельности опредѣляется не идеологіей (которой у него нѣтъ) и не нравственными мотивами, а свойствами его натуры, его дарованіями, можно сказать—инстинктомъ „дѣльца“ и „культуртрегера“ (192). Человѣкъ практическаго дѣла, которое—пока что—не можетъ быть инымъ, какъ буржуазнымъ“ (178), онъ не вѣритъ въ существованіе „идеальнаго начала“ въ „народной душѣ“, онъ не этому „началу“, не народнымъ массамъ приписываетъ роль въ достиженіи возможнаго благосостоянія, а управленію сверху, волѣ капитала, желающаго излить свои щедроты. Поэтому онъ и говоритъ съ одной стороны: „народъ темная, слѣпая сила и надо ею править, а не становиться передъ нимъ на колѣни“ (196), а съ другой; „я долженъ хозяйствовать и въ гору идти—такова моя доля; и что изъ своего добра я сдѣлаю, какъ я свои стяжанія соглашу съ жалостью къ народу, со служеніемъ правдѣ—не знаю!..“ (187).

Таковъ „жалостливый“ предприниматель, культуртрегеръ № 2, вариантъ культуртрегера Эртеля, словомъ—тотъ, съ позволенія сказать, „демократъ“, котораго Овсянико-Куликовскій прочитъ на мѣсто разночинца, какъ дальнѣйшій поступательный шагъ на пути демократизаціи интеллигенціи.

Хорошая—нечего сказать—демократизація—отъ „умственнаго пролетаріата 60-хъ и 70-хъ годовъ, отъ уѣзднаго лекаря Базарова, кото-

раго „дѣдъ землю пахалъ“, и всѣхъ приносимятныхъ „семинаристовъ“... къ фабриканту Василію Теркину!.. Передъ нами опять, какъ и въ случаѣ съ оцѣнкой Овсянико-Куликовскимъ западно-европейскаго развитія, какая-то наглядная несообразность,—исторія, поставленная на голову. Ибо, конечно, „культурный піонеръ“—и въ этомъ мы только что имѣли возможность убѣдиться изъ матеріала, который намъ далъ въ распоряженіе Овсянико-Куликовскій,—символизировалъ не „демократизацію“, а нѣчто, по существу ей обратное. И сознательная эволюція Эртеля, и стихійное развитіе Теркина служили иллюстраціями не приближенія къ демократіи этой лѣзущей „ въ гору“ интеллигенціи, а наоборотъ—ея удаленія отъ демократизма и отъ всего, что съ нимъ связано. Интеллигенція совершала перемѣщеніе въ жизни, она пріобщалась къ хозяйствованію, укрѣплялась на хозяйскихъ позиціяхъ, и въ томъ же направленіи измѣнялась и ея психологія, и шло развитіе ея общественныхъ взглядовъ. Здѣсь все сплетено и слито, и одинъ рядъ измѣненій нельзя отдѣлить отъ другого, вырвать изъ общаго процесса.

Но именно такую незаконную манипуляцію и производитъ Овсянико-Куликовскій надъ эволюціей піонера—„культуртрегера“.

„Культуртрегеръ-демократъ, въ родѣ Эртеля или Теркина—говоритъ онъ,—„рѣшительно отвергаетъ идеологію, программу и практику народничества, но обнаруживаетъ почти стихійное тяготѣніе къ его психологіи и этикѣ“.

Въ дѣйствительности, мы изъ данныхъ, самимъ же Овсянико-Куликовскимъ представленныхъ, видѣли какъ разъ обратное. Мы видѣли,—стоитъ только вспомнить возстаніе Эртеля противъ идеи долга и расплаты—что этика и психологія народничества являлись той первой и самой серьезной помѣхой, которую нужно было устранить и которая въ процессѣ „преодолѣнія догмы“ и устранялась интеллигенціей съ пути ея самоопредѣленія. И потому что мы все это видѣли и въ свое время учли, процессъ этого „преодолѣнія“ для насъ и получилъ совершенно опредѣленное общественно-политическое содержаніе, которое нельзя уже затушевать положеніями, вродѣ принимаемаго Овсянико-Куликовскимъ вслѣдъ за Эртелемъ,—о народничествѣ, отвергаемомъ, какъ „доктрина“, и о „необходимости и благотворности“ народничества, какъ „настроенія“. Ибо мы знаемъ также хорошо, что народничество, какъ „настроеніе“, пришедшее на смѣну народничеству 70-хъ годовъ, какъ цѣльному общественному ученію, это и есть не что либо другое, какъ стыдливый псевдонимъ для все того же общественно-политическаго содержанія, стоявшаго за спиною процесса „преодолѣнія догмы“.

А это содержаніе вырисовывается для насъ теперь съ наивозможною ясностью, это—освобожденіе начавшей консолидироваться въ 80-хъ годахъ буржуазной интеллигенціи отъ наложенныхъ на нее идеологіей стараго народничества соціалистическихъ обязательствъ.

5

Итакъ, достаточно было конкретно подойти къ процессу освобожденія интеллигенціи отъ идеологій, чтобы этотъ процессъ тотчасъ же оказался не категоріей изъ учебника логики, не отрывкомъ изъ курса общественной педагогики, а звеномъ въ цѣпи политическихъ отношеній, главою изъ исторіи русскихъ направленій и группъ.

Конечно, матеріалъ Овсянико-Куликовскаго ограниченъ предѣлами одного точно очерченнаго періода; конечно, Овсянико-Куликовскій беретъ лишь первичную фазу процесса, лишь освобожденіе интеллигенціи отъ „догмы" народничества, но отъ правъ, придавая этой начальной исторіи значеніе общее, говоря, что „кризисъ народничества, наступившій въ 80-хъ годахъ, обострившійся въ 90-хъ и затянувшійся до нашихъ дней, и есть кризисъ рускаго идеологическаго творчества вообще". (см. сб. „Интел. въ Россіи", стр. 217).

Онъ правъ—потому что въ бунтѣ культуртрегерства противъ народничества даны въ сущности тѣ-же элементы общественно-психологической и политической реакціи, формирующейся буржуазной интеллигенціей противъ соціализма, какъ и въ позднѣйшихъ возстаніяхъ ея противъ „догмы" марксизма. Онъ только не правъ, не желая принимать и всѣхъ выводовъ, отсюда вытекающихъ, и прежде всего того главнаго и основного, что кризисъ русскаго идеологическаго творчества есть кризисъ соціализма русской интеллигенціи, что въ форму борьбы противъ „догмъ", противъ идеологій, у русской интеллигенціи за послѣднія десятилѣтія всегда облекалась борьба ея консолидирующаяся буржуазнаго сознанія противъ господства въ средѣ интеллигенціи того или другого соціалистическаго ученія.

А между тѣмъ, въ теченіе долгаго періода времени, въ теченіе всей предреволюціонной эпохи, интеллигенція не могла обойтись безъ этихъ ученій, безъ властныхъ, хотя и непріятныхъ „доктринъ".

Правда, усваивая ихъ и приспособляя къ своимъ нуждамъ, она ихъ немилосердно коверкала, но какъ-бы то ни было, именно къ нимъ тяготѣла, именно ими удовлетворяла какую то свою потребность, которую не могли удовлетворить другія идейныя теченія. Точно въ груди ея жили всегда двѣ души, двѣ тенденціи, и ихъ бореніе и выражалось періодической смѣной прилива и отлива, подъема—съ его волной соціалистическаго идеологизма, и упадка—съ его „буржуазной" реакціей противъ него.

Въ чемъ-же дѣло? И значило-ли это, что „идеологическія" умонастроенія непремѣнно соціалистичны, а буржуазныя—всегда и при всякихъ условіяхъ проникнуты духомъ, идеологіямъ враждебнымъ?

Нѣтъ, но это значило, что въ историческую эпоху, когда передъ различными слоями россійской интеллигенціи стояли большія общественныя задачи и требовали обобщающихъ идей, пониманія и осмысливанія всего процесса преобразованія страны, въ которомъ находилась Россія,

когда именно нужны были „идеологіи“ въ томъ специфическомъ смыслѣ, въ какомъ это слово понимается Овсянико-Куликовскимъ,—„идеологіи“, т. е. общественныя ученія, въ эту эпоху буржуазная Европа уже перестала вырабатывать этотъ идейный продуктъ и на аренѣ мірового идейнаго общенія не оказалось иныхъ „идеологій“, иныхъ общественныхъ ученій, доктринъ, кромѣ—соціалистическихъ.

Отсюда и идетъ то исконное противорѣчіе, въ которомъ обрѣталась умственная жизнь Россіи, начиная съ эпохи сороковыхъ годовъ, съ тѣхъ поръ, какъ въ ней создалась передовая общественная мысль, какъ появились ея просвѣтители—классики: Бѣлинскій, Герценъ, Добролюбовъ, Чернышевскій, какъ въ ней начали слагаться ея общественныя теченія и группы.

Противорѣчіе между спросомъ и предложеніемъ, между тѣмъ, что было идеологически нужно различнымъ общественнымъ теченіямъ игруппамъ, соотвѣтственно ихъ общественной позиціи и общественнымъ заданіямъ, и тѣмъ, что идеологически могло быть дано имъ идейнымъ капиталомъ Европы. А вѣдь, идейный капиталъ Европы былъ тѣмъ фундаментомъ, на которомъ отстраивались всѣ россійскія идеологіи. Въ результатѣ соціализмъ облекалъ сплошь и рядомъ въ Россіи весьма скромное общественное содержаніе и различнымъ теченіямъ и группамъ замѣщалъ тѣ отсутствовавшія идеологіи, которыя отвѣчали бы ихъ дѣйствительному общественному составу, ихъ дѣйствительному общественному характеру. Вотъ почему непосредственно послѣ крушенія экономическаго либерализма 60-хъ годовъ, послѣ частичнаго усвоенія либерализмомъ народничества, мы на протяженіи послѣдняго сорокалѣтія не видимъ въ Россіи ни одной либеральной „идеологіи“, ни одного либеральнаго „ученія“; практическій либерализмъ эмпиричен, либерализмъ же литературный жилъ позаимствованіями, сначала у народничества, а затѣмъ—у марксизма. И то же самое, но въ неизмѣримо еще большей степени, надо сказать и о буржуазномъ демократизмѣ болѣе радикальнаго толка. Его идейный костюмъ сотканъ весь изъ лоскутковъ соціализма. Словомъ—сплошной маскарадъ, непонятное переодѣванье. Но за неудобными и часто смѣшными чертами нельзя упускать изъ виду и обратной—совсѣмъ не смѣшной, но серьезной и важной стороны этого переодѣванья. Я имѣю въ виду ту тягу къ „идеологизму“, которая заявила себя въ этой формѣ.

Въ этой идеологической тягѣ давала себя знать потенціальная энергія, имѣвшаяся у данныхъ теченій, ихъ воля къ реформѣ—въ общественному преобразованію Россіи, ихъ сознаніе необходимости опереться на массы. И въ самомъ дѣлѣ: чѣмъ выше вздымались общественныя волны, тѣмъ рѣзче давалъ себя знать этотъ идеологизмъ, тѣмъ шире, поэтому, и тѣмъ интенсивнѣе было вліяніе народничества, позже марксизма. Когда же впервые сказалась близость того всенароднаго движенія, которое завершилось революціей 1905 года, тогда и

либерализмъ сталъ дѣлать „героическія“ усилія создать собственную идеологію. Попытка, какъ извѣстно, не увѣнчалась успѣхомъ, но она говорила о томъ, какъ велика была, очевидно, въ то время потребность въ такой идеологіи.

И наоборотъ, въ моменты недѣйственные—шла обратная тяга: консолидирующееся буржуазное сознаніе заявляло о своихъ буржуазныхъ правахъ—о своемъ буржуазномъ несоотвѣтствіи усвоеннымъ идеологическимъ формамъ. И такъ какъ другихъ идеологическихъ формъ въ наличности не было, такъ какъ въ буржуазной Европѣ давно уже царилъ упоминавшійся мной эмпиризмъ, то эта обратная тяга и принимала формы процесса, процесса освобожденія интеллигенціи отъ идеологій. Не случайно этотъ процессъ отмѣченъ впервые въ реакціонное затишье 80-хъ годовъ; не случайно и теперь онъ расцвѣлъ пышнымъ цвѣтомъ—въ годы контрреволюціи. И расцвѣлъ въ безконечно сильнѣйшей степени, чѣмъ онъ могъ цвѣсти тридцать лѣтъ тому назадъ, ибо не даромъ Россія европеизировалась, не даромъ много дальше пошло разслоеніе ея классовъ....

И потому-то—эмпиризмъ на очереди дня, эмпиризмъ—у праздника. Онъ составляетъ оффиціальное credo кадетизма, и даже Струве съ своими правда, контрреволюціонными, но тѣмъ не менѣе—„идеологическими“ потугами кажется смѣшной и несовременной фигурой, чудакомъ, не успѣвшимъ уловить духа времени.

За это и журитъ его Овсянико-Куликовскій, заявляя, что „попытка гг. Струве, Гершензона, Бердяева и другихъ вновь обосновать эти вопросы жизни на идеологической почвѣ оказалась несостоятельной и обнаружила всю ненужность такого обоснованія (сб. „Инт. въ Р.“, стр. 218).

И Овсянико-Куликовскій, разумѣется, правъ: эмпиризмъ эпохи упадка болѣе дѣйствительное орудіе въ борьбѣ съ непріятными идеологіями, чѣмъ тотъ-же идеологическій путь. На послѣднемъ—того и гляди—поскользнешься. Благоразумнѣе по нынѣшнему времени—эмпирическій скепсисъ.

И такъ, да здравствуетъ эмпирика!

А. Потресовъ.

ПОПРАВКА. Въ 11 книжкѣ, въ статьѣ бывш. члена II Госуд. Думы Г. Бѣлоусова (стр. 69) вкралась очень грубая, искажающая смыслъ, опечатка. Вмѣсто фразы—„одинъ изъ виднѣйшихъ депутатовъ с.-д. фракціи, убѣждая Геруса скрыться, доказывалъ“... слѣдуетъ читать: „одинъ изъ виднѣйшихъ депутатовъ к.-д. фракціи, убѣждая“ и т. д.